

К. Р.

1000
ЛЕТ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1000
ЛЕТ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА
РУССКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

M. de Nara

К. Р.

Времена года

ИЗБРАННОЕ

Вступительная статья,
составление и комментарии
А. Б. МУРАТОВА

Санкт-Петербург:
«Северо-Запад»
1994

*На форзаце и нахзаце эскизы занавесов
к спектаклю «Царь Иудейский»
в Эрмитажном театре
9 января 1914 г.
Художник И. Е. Окороков*

К. Р.

Р 69   **Времена года: Избранное/ Вступит. статья, составление, комментарии А. Б. Муратова. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — 510 с. ISBN 5-8352-0334-9**

К. Р. — литературный псевдоним Великого князя Константина Константиновича Романова (1858—1915). Даровитый поэт, переводчик, драматург, он хотя и не пользовался при жизни широкой популярностью, но был оценен А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, П. И. Чайковским. Романсы на его стихи звучат по сей день.

В сборник включены избранные стихотворения К. Р. и его драма «Царь Иудейский» с авторскими комментариями, послужившими, по мнению литературоведов, источником библейских глав в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова.

© А. Б. Муратов, предисловие, составление, комментарии, 1994.

© Л. В. Грудинская, оформление, 1994.

® . Зарегистрированная

ISBN 5-8352-0334-9 торговая марка. Охраняется законом.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ

Основные вехи жизни великого князя Константина Константиновича были predeterminedены его принадлежностью к царствующему дому. В одном из своих стихотворений он писал:

Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, —
Рождением к величью я призван.

Действительно, великому князю «с колыбели» были уготованы богатство и почести; его «высокий сан» давал ему с рождения величие, «власть и силу». Он должен был пройти весь путь военной службы, чтобы со временем занять один из ключевых постов в русской армии; как и все члены царской семьи, он должен был принимать участие в государственных делах, т. е. состоять председателем комитетов и комиссий, членом Государственного совета, тем самым определяя политику России как политику самодержавной империи; наконец, он должен был играть роль в общественных делах и состоять попечителем, почетным членом, председателем самых разнообразных государственных учреждений, организаций, фондов и т. д. Великий князь Константин Константинович (1858—1915), племянник Александра II и двоюродный брат Александра III, ко всему этому был «призван» с рождения.

По рождении он был определен шефом 15-го Тифлисского гренадерского полка, которому с этого времени было присвоено его имя; Константину Константиновичу было также «указано состоять» в лейб-гвардии Батарейной № 5 батарее, 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригадах и в Гвардейском экипаже. Военную службу Константин Константинович начал во флоте. С 1870 г. он ежегодно плавал на судах учебной эскадры Морского училища, пройдя службу от матроса до гардемарина. В 1875—1877 гг. он совершил первое большое заграничное плавание на фрегате «Светлана», по возвращении из которого сразу же отбыл в действующую армию на Балканы; за участие в боевых действиях августейший мичман был награжден георгиевским крестом. В январе 1880 г. Константин Константинович уже командовал ротой Гвардейского Экипажа и с осени того же года служил вахтенным начальником на фрегате «Герцог Эдинбургский», совершавшем длительное плавание. В декабре 1882 г. он вступил в командование ротой в лейб-гвардии Измайловском полку («Государевой ротой»), в 1891 г. назначен командиром Преображенского полка, а с марта 1900 г. — главным начальником военно-учебных заведений; в 1907 г. Константин Константинович производится в высший чин — генерал-от-инфантерии и в 1910 г. становится генерал-инспектором военно-учебных заведений.

Государственная деятельность Константина Константиновича началась в 1887 г., когда он был избран почетным академиком императорской Академии наук. К тому времени его научные и литературные заслуги были весьма скромными: он был автором поэтического сборника (Стихотворения. 1879—1885. СПб., 1886), не поступившего в продажу, нескольких опубликованных

в «Вестнике Европы» стихотворений и перевода «Месинской невесты» Шиллера, снабженного обширными комментариями (1881—1885). Смысл этого избрания вполне определился в 1889 г., когда Константин Константинович был назначен президентом Академии наук; он сменил на этом посту умершего графа Д. А. Толстого. Это был первый и единственный в истории России случай, когда Академию наук возглавлял член царствующего дома. При столь высоком покровительстве в Академии наук осуществился ряд крупных научных и культурных проектов: был открыт Зоологический музей в Петербурге, новые лаборатории и обсерватории, организованы научные экспедиции, в том числе шпицбергеновская экспедиция для градусного измерения (под руководством академика Ф. Н. Чернышева), полярная экспедиция для исследования архипелага, лежащего к северу от Ново-Сибирских островов (под руководством барона Э. В. Толля). Важным начинанием Константина Константиновича были организация празднования 100-летия со дня рождения Пушкина, учреждение фонда имени великого поэта для издания сочинений русских писателей, словаря русского языка и других трудов 2-го отделения Академии наук. По инициативе президента в Академии наук был учрежден разряд изящной словесности и в 1900 г. избраны первые 9 почетных академиков разряда: Константин Константинович, Л. Н. Толстой, А. А. Потехин, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужников, А. А. Голенищев-Кутузов, В. С. Соловьев, А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Деятельность разряда, впрочем, была омрачена в 1902 г.: президент объявил недействительными выборы в почетные академики М. Горького (в виду привлечения его к судебному дознанию).

В 1911 г. Константину Константиновичу было пожаловано звание сенатора.

Общественная деятельность Константина Константиновича начинается одновременно с его деятельностью государственной. В 1889 г. он был избран почетным попечителем Педагогических курсов при С.-Петербургских женских гимназиях, почетным членом Географического и Минералогического обществ, вице-председателем Музыкального общества (где председателем была его мать). В дальнейшем Константин Константинович председательствовал в комиссии по устройству музея прикладных знаний в Москве (1892), в Русском Археологическом обществе, где он сменил умершего отца (1892), в Русском обществе деятелей печатного слова (1900), был попечителем школ Русского технического общества (1893), состоял почетным членом Русского Астрономического и Русского Исторического обществ, общества Красного Креста, Русского общества содействия торговому пароходству, С.-Петербургского, Московского, Казанского и др. университетов, ученых и учебных заведений. Почетное членство Константина Константиновича было, конечно, в большинстве случаев номинальным. Но в качестве председателя комиссий и попечителя он сделал немало¹.

Некоторые из этих должностей он получил как бы по наследству от своих родителей.

Отец Константина Константиновича, великий князь Константин Николаевич, — родной брат Александра II и его ревностный сподвижник, один из самых заметных деятелей «эпохи великих реформ». Практически управляя морским ведомством, Константин Николаевич ре-

---

¹ См., например: Гогель Е. В. Великий князь Константин Константинович как попечитель библиотеки имп. Женского педагогического института. Пг., 1916.

шитительно выступил против «официальной лжи» чиновников, реформировал министерство, превратил «Морской сборник» из ведомственного в один из самых известных журналов 1850-х гг. (в нем печатались произведения А. Н. Островского, Д. В. Григоровича, В. И. Даля, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского и др.), организовал силами министерства этнографические экспедиции для изучения разных местностей России и т. д. С первых лет царствования Александра II он стал одним из наиболее последовательных поборников идеи реформ; самая идея гласности, с которой они начинались, осуществилась во многом благодаря настойчивости Константина Николаевича. В 1859 г. он занял место председателя Главного комитета по подготовке крестьянской реформы (затем — Комитет о сельском состоянии), в 1862—1863 гг. был наместником в Царстве Польском, а с 1865 г. — председателем Государственного совета. В эпоху александровских реформ Константин Николаевич оказался как бы главой либеральной бюрократии (его сторонников называли «константиновцами») и воплощением в этом смысле «либерализма сверху» — одной из популярных политических идей той поры, особенно среди интеллигенции.

При этом, конечно, надо иметь в виду, что либерализм Константина Николаевича неизбежно должен был быть иного свойства, чем соответствующие политические убеждения человека из общества. Либерализм общественный, оценивающий государственную политику, выражал свободное отношение к ней. Константин Николаевич принадлежал императорской фамилии и царской семье и не мог относиться к политике Государя «со стороны». Члены императорской фамилии, согласно закону Российской империи, имели по отношению к императору строго определенные обязанности:

при достижении совершеннолетия они приносили торжественную присягу в верности Государю и отечеству, соблюдению прав наследования и установленного порядка; они должны были повиноваться воле императора и хранить «семейную тишину». По закону император мог лишить нарушившего присягу члена царской семьи его привилегий. Поэтому хотя разногласия внутри царской семьи были, они никогда не могли вылиться в конфронтацию, ибо это означало бы ослабление принципа самодержавия. Позиция Константина Николаевича была выражением воли Александра II. В общественном мнении она была либеральной лишь постольку, поскольку ход реформ соответствовал общественным ожиданиям.

Имя Константина Николаевича прочно связано с эпохой Александра II. Конец этой эпохи привел к моментальному отстранению его от всех должностей: главы морского ведомства, Комитета о сельском состоянии и Государственного совета. Последние десять лет своей жизни он жил как частный человек. Отчасти, видимо, поэтому сыновья Константина Николаевича не стали столь же влиятельными политическими деятелями, как их отец. Константин Константинович многое воспринял от отца; он был тоже по-своему человеком эпохи александровских реформ, дух которой не соответствовал, однако, политическим устремлениям Александра III и Николая II.

Одним из проявлений великокняжеского либерализма Константина Николаевича было его стремление расширить круг общения, достаточно строго определенный придворным этикетом. Выйти за его пределы члену царской фамилии было достаточно сложно. Когда великая княгиня Елена Павловна, считавшаяся в «эпоху великих реформ» главою либерально-аристо-

кратической «партии» (ее биографию Константин Константинович намеревался написать), хотела говорить с теми, кто не принадлежал к ее кругу, она вынуждена была прибегнуть к «помощи» княгини Е. В. Львовой, на квартире которой и происходили ее встречи с близкими ей по общественным симпатиям людьми. Круг общения Константина Николаевича был весьма широк. Среди его знакомых оказалось много известных писателей, ученых, музыкантов. Для Константина Константиновича этот круг стал естественным и органичным, о чем свидетельствует его обширная переписка с А. А. Фетом, А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, И. А. Гончаровым, Н. Н. Страховым, А. Ф. Кони и др. И хотя дистанция между великим князем и Фетом, например, или Гончаровым оставалась, но очевидно, что отношения их были доверительными и даже дружескими. Такое общение соответствовало духовным интересам и склонностям Константина Константиновича, человека безусловно творчески одаренного.

Он был талантливым музыкантом, основательно знакомым с теорией музыки, которую ему преподавал известный музыкальный критик Г. А. Ларош. Сохранились воспоминания об исполнении Константином Константиновичем в Мраморном дворце (его семейном доме) концерта Моцарта и Первого концерта Чайковского; он написал три романса на слова А. К. Толстого, А. Н. Майкова и В. Гюго, был хорошо знаком с А. Г. Рубинштейном и вел активную переписку с Чайковским, которого, в частности, убеждал написать «реквием» на слова Апухтина и оперу на сюжет «Капитанской дочки» Пушкина. Одним из самых любимых детищ Константина Константиновича были «Измайловские Досуги», своего рода литературно-музыкально-театральное объединение офицеров Измайловского пол-

ка, организованное им. На собраниях «Досугов» читались стихи (в том числе и известными поэтами — А. Н. Майковым и Я. П. Полонским), доклады и сообщения, исполнялись музыкальные произведения и ставились спектакли. Так, здесь были впервые сыграны «Гамлет» в переводе Константина Константиновича и его оригинальная драма «Царь Иудейский». Сам Константин Константинович сыграл в них роли Гамлета и Иосифа Аримафейского, обнаружив при этом несомненное актерское дарование. Впоследствии эти пьесы были сыграны на сцене Эрмитажного театра силами артистов-любителей «из высшего света».¹

Конечно, значение этих спектаклей было весьма камерным. Сыгранные в домашнем кругу или для избранной публики, они не могли стать значительным событием в русской культуре. Но определенную грань этой культуры они характеризуют, давая нам представление о домашней жизни царского дома. Но в еще большей степени они характеризуют самого Константина Константиновича, многогранность его творческой натуры. При этом надо особо отметить стремление его как переводчика, актера или музыканта выйти за пределы любительского дилетантизма. Во всех своих творческих предприятиях Константин Константинович хотел быть профессионалом, взявшим на себя роль просветителя. В Павловске, например, где на протяжении многих лет Константин Константинович собирал близких ему по художественным интересам гостей на музыкальные и поэтические вечера, он организовал пред-

¹ См. альбом: Имп. Эрмитажный театр. 17 февраля 1900 года. Трагедия о Гамлете, принце Датском. Перевод К. Р. СПб., 1900; здесь помещены фототипии с фотографий А. Пазетти. О постановке «Царя Иудейского» см. комментарии на стр. 495.

ставления, которые сопровождались лекциями по истории театра и театрального дела. В павловском дворце ставились комедии Екатерины II («О, время!»), В. В. Капниста («Ябеда»), водевили 1840-х гг., оперы А. О. Аблесимова («Мельник-колдун, обманщик и сват»), К. А. Кавоса («Иван Сусанин»), А. Н. Верстовского («Аскольдова могила»). Константин Константинович был автором переводов «Мессинской невесты» Шиллера, «Ифигении в Тавриде» Гете, «Гамлета» и отрывка из хроники «Генрих IV» Шекспира, которые сопровождались обширными научными примечаниями, обнаружившими в их авторе серьезные познания в истории, истории литературы и театра. Интерес к ним Константин Константинович безусловно перенял от своих учителей — знаменитых историков К. Н. Бестужева-Рюмина и С. М. Соловьева. О характере этих примечаний и об уровне исторических познаний Константина Константиновича читатель этой книги может составить представление по публикуемым в ней примечаниям его к «Царю Иудейскому».

Следует также упомянуть, что Константин Константинович составил описание сокровищ Павловского дворца¹, сохраняющее свое общекультурное значение и сейчас, и был одним из постоянных рецензентов произведений, представленных к Пушкинской премии².

Однако в истории русской культуры великий князь Константин Константинович остался прежде всего как поэт, печатавший свои стихотворения под инициалами К. Р. Подписывать свои произведения полным именем ему было нельзя: занятия искусствами для великого князя могли быть лишь делом сугубо частным; высту-

¹ Павловск. Вып. 1. СПб., 1900; Вып. 2. СПб., 1902.

² Эти рецензии составили целую книгу: К. Р. Критические отзывы. Пг., 1915.

пять в качестве профессионального поэта, актера или музыканта одному из членов царствующего дома было «не по чину». И Константин Константинович, конечно, осознавал это: первый его поэтический сборник был отпечатан только для автора. В начале 1880-х гг. под инициалами К. Р. в журналах было опубликовано несколько стихотворений, и ни для кого не было секретом, кто их написал. Но инициалы отгораживали хотя и августейшего, но все же поэта К. Р. от великого князя Константина Константиновича. И обращаться к нему как к поэту можно было иначе, чем к члену царствующего дома. Как это сделал А. Н. Майков:

Эти милые две буквы,
 Что два яркие огня
 В тьме осенней, в бездорожье
 Манят издали меня.

Зажжены они в воротах,
 Что в чудесный мир ведут,
 Мир, где только гости с неба,
 Духи чистые живут.

Майков приветствовал К. Р. как родственного себе по духу поэта «чистого искусства» и имел на это полное право. В начале статьи мы цитировали стихотворение К. Р. «Я баловень судьбы...» Оно продолжается так:

Но что мне роскошь, злато, власть и сила?
 Не та же ль беспристрастная могила
 Поглотит весь мишурный этот блеск,
 И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
 Исчезнет, как волны мгновенный всплеск?

Эта декларация бренности земного бытия — общее место романтической поэзии — завершается утверждением непреходящей ценности искусства:

Есть дар иной, божественный, бесценный,
 Он в жизни для меня всего святей,
 И ни одно сокровище вселенной

Не заменит его душе моей:
То песнь моя!.. Пускай прольются звуки
Моих стихов в сердца толпы людской,
Пусть скорбного они врачуют муки
И радуют счастливого душой!

Поэзия как божественный и бесценный дар, способный утратить скорбь и муки и внести примирение в человеческое сердце — таков взгляд К. Р. на назначение поэзии. Он составляет один из устойчивых мотивов его стихотворений и прямо отсылает нас к идеям «чистого искусства». Для К. Р. это поэзия, льющаяся с «неземной высоты», возвышающая душу, поэзия «мира, добра, надежды и любви», позволяющая забыть «юдоль земную» и не потакающая страстям черни («А. Н. Майкову»). Она «творчество живое», познающее «чистую красоту», «жизнь иную», «вечную правду», то, что «незримо», «свято», «несбыточно», «безупречно»; это поэзия любви, объемлющей «все страданье и все блаженство бытия» («Поэту», 1888). Она проявление «силы творческого духа» и говорит о невыразимых словами «помыслах, желаньях и стремленьях», смутных видениях и грезах («А. А. Фету»).

Во всех этих поэтических декларациях нет ничего принципиально нового. К. Р. — поэт традиционных поэтических принципов, сознательно ориентирующийся на своих учителей: Фета, Майкова, Полонского, А. К. Толстого, Пушкина (жреца «поэзии святой», автора таких стихотворений, как «Поэт и толпа»). (См. стихотворение К. Р. «Поэту», 1904). Это делает его поэзию не просто традиционной, но и вторичной по отношению к учителям, и не случайно Фет, Майков и Полонский были «литературными советниками» К. Р.: к их мнению он прислушивался и исправлял свои стихи по их замечаниям. В стихотворениях К. Р. легко угады-

вается набор общих для поэзии «чистого искусства» тем, мотивов и даже «литературных клише».

Исходный мотив их — божественная красота мира и единящая этот мир любовь, которые противостоят земному существованию человека:

Когда меня волной холодной
Объемлет мира суета,
Звездой мне будет путеводной
Любовь и красота.

(«Когда меня волной холодной...»)

Поэзия К. Р. есть по существу последовательная реализация этого тезиса. В природе он видит проявление вечной красоты «нездешнего мира», а в земной любви — вечное чувство, данное Творцом. С этой красотой и этой любовью поэт соизмеряет земное бытие; они же — источник его вдохновения. Красота природы заставляет забыть о горе («В Крым»); сияние бестелесных и недоступных звезд позволяет острее ощутить ничтожество, ложь и злобу земной жизни («Звезды»), а ночь напоминает о вечности. Она уносит прочь от земли и заставляет забыть о «жизни многотрудной», дает сердцу мир и тишину и глядит в душу поэта «всей красотой нетленного наряда» («Сонеты к Ночи»). «Нетленная краса» небес и звезды, отражающиеся в тихой глади озера, говорят о том, что человек, «плененный землею», как будто ближе «к далеким небесам» («У озера»), а безбрежная даль моря заставляет забыть мир земной («Здесь не видно цветов, темный лес поредел...»), и так же, как стихнет «грозный бег» волн и «просветлеют небесные дали», рассеются печали сердца, страдания и беды земной жизни («Не вчера ли, о, море, вечерней порой...»). Затишье в природе вызывает ощущение душевной пустоты («Затишье»), а мятежная стихия — воплощение свободы, силы и твердости, которой хочет обладать и поэт,

Чтоб с совестью чистой и ясной,
С открытым и светлым челом
Пробиться до цели прекрасной
В боренье с неправдой и злом.

(«Над пенистой, бурной пучиной...»)

Как и морская стихия, гроза тоже возрождает душу:

И снова грянет песнь моя победоносно, —
И потечет стихов созвучная волна!

(«Затишье на море... За бурюю строптивой...»)

Поэзия К. Р. рождается лишь в гармоническом слиянии души с Красотой и Любовью:

Я не могу писать стихов,
Когда встречаю порою
Средь всяких дрязг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою.

(«Я не могу писать стихов...»)

В этих словах очень точно выражается непосредственное мироощущение К. Р. как поэта «чистого искусства». Такое мироощущение предполагало в качестве своей предпосылки, необходимой для воплощения Красоты в искусстве, свободу духа и его сердечную гармонию с миром вечных ценностей. А житейские драмы, суэта жизни разрушают ее, вызывают раздражение и злобу, и вдохновение уходит. Оно не ладит с рассудком, который говорит о несовершенстве человека и неизбежности зла:

Что́ может ум без сердца сотворить?
Я не умею петь без увлеченья
И не могу свои творенья
Холодному рассудку подчинить!..

(«Поймете ль вы те чудные мгновенья...»)

Итак, представления К. Р. о назначении искусства определили круг основных тем и мотивов его поэзии. Но в пределах их не замыкается ее содержание. У К. Р. был свой голос, своя интонация, свои излюбленные поэтические сюжеты, и именно это придает его стихотворениям оригинальность и определяет их значение в русской культуре.

К. Р. — поэт непосредственного и простого чувства, чуткого к природе и ищущего сочувствия в близких ему людях. Родовые поместья в Осташеве, Орианде, Павловске и Стрельне, старинные парки, яркие краски юга и неброская красота средней полосы России — все это оказывается сопричастно памяти и лирическому чувству К. Р., сопричастно его я, которое почти всегда присутствует в его стихотворениях: «Я посетил родное пепелище...», «Люблю тебя, приют уединенный...», «Растворил я окно...», «Здесь, в тишине задумчивого сада, опять, о, ночь, меня ты застаешь...», «Мне снилось, что солнце всходило...» и т. д. Это поэзия интимного, личного чувства, непосредственного восхищения, восторга, грусти: недаром в стихотворениях К. Р. нередко преобладает восклицательная интонация.

О содержании его пейзажной лирики наглядное представление дает цикл «Времена года». В нем все традиционно и просто: весна, пора юности и любви, «краса обновленной природы», сменяется летом, «праздником красоты»; «цветущая весна» недолговечна, а «душистое тепло» лета уступит место «осени скучной», которая «к зиме от лета переход», «кроткая пора увядания»; «на смену и зною и свету наступает и стужа и тьма», которые напоминают о зиме и старости. Зима — безжизненная пора, беззвучная и бесцветная, это время, когда земля как бы засыпает до новой весны и воскресения природы. Все это круг общепоэтических

тем и мотивов. Своеобразие цикла К. Р. — в том, как они выражены.

Смена времен года здесь представлена в смене картин, у каждой из которых — свой колорит. Весной, летом и осенью он определяется красками цветов, злаков и листья деревьев, зимой — бесцветием; сирень, черемуха, жимолость, незабудки, васильки, ландыши, пионы, гвоздики, розы, астры, георгины, мак — каждый из этих цветов даст природе свой цвет, напоит воздух своими запахами, но каждому из них положен свой срок цветения, и сменяемость гаммы цветов говорит о жизни природы. У каждого времени года есть и другие приметы: вот прилетели грачи, ласточки, журавли, запел соловей, жаворонок, но настала осень, и

Последней стаи журавлей
Под небом крики прозвучали.
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.

(«Последней стаи журавлей...»)

А зимний пейзаж окрашен в другие тона и краски:

Зловещий ворон в белизне хрустальной
И лунный свет, и глушь, и немота...

(«Времена года»)

Природа в стихотворениях К. Р. живописна и прекрасна; она дает прилив сил и надежды, вызывает грусть и рождает вдохновение:

Дышу черемухи дыханьем,
Внимаю жадно соловью,
Весь отдаюсь весны лобзаньям
И — очарованный — пою.

(«Опять томит очарованьем...»)

Она же учит смыслу жизни и дает силы для жизни:

Как бы досыта, всласть грудью жадною
 Надышаться мне этим душистым теплом,
 Пока мир ледяным не уснул еще сном,
 Усыпленный зимой безотрадною!

(«Отцветает сирень у меня под окном...»)

Критика воспринимала К. Р. как «певца красоты» и в этом смысле — прямого наследника Фета и А. К. Толстого. Ему, как утверждал один из критиков, жизнь известна в своих праздниках и мирных явлениях, а все впечатления «замкнуты в тесный круг безмятежности»¹. Другой критик полагал, что поэзия для К. Р. — «искусство, которым он занимается для украшения своей собственной жизни, не преследуя каких-либо вне наслаждения прекрасным лежащих целей». Это поэзия для себя и близкого поэту круга; она «не служит ответом на запросы современного сердца, ни выражением его чувств»². Такое мнение и впечатление справедливы. В лирике К. Р. мы напрасно стали бы искать откликов на «злобу дня»; она элитарна, замкнута в пределах нескольких мотивов и эмоционально однородна. Но все же эти ее качества обусловлены не праздничностью жизни или безмятежностью ее автора. Оценивая поэзию К. Р. и желая понять строй чувств, в ней выразившийся, мы должны принимать во внимание опять-таки общественное положение ее автора. К. Р. и не мог откликаться на запросы современной жизни так, как это мог сделать любой из поэтов, не потому, что не знал о них, а потому, что имел к ним иное, чем остальные поэты, отношение.

¹ Никольский Б. Благородное десятилетие // Новое время. 1900. № 8781.

² Краснов П. Первые поэты-академики // Книжки Недели. 1900. № 3. С. 189.

Тенденциозная лирика великого князя Константина Константиновича — это что-то трудно представимое. И в выражении чувств он должен был быть сдержан: интимный мир дома, к которому он принадлежал, не мог быть достоянием читателя.

Один из критиков, которого мы только что цитировали, отметил, что любовная лирика К. Р. подражательна и менее оригинальна, чем его лирика пейзажная¹. Это действительно так. Но все же попробуем вчитаться в нее более внимательно. Любовные стихотворения К. Р. (и родственные им по смыслу стихотворения, обращенные к интимно близким поэту людям) несут на себе очевидный отпечаток альбомной лирики. Лучшие из них вошли в цикл «Мечты и думы», но не случайно другая часть их объединена в цикле «В альбом» и составляет часть цикла «Послания и стихотворения на разные случаи». Такие стихотворения отмечены набором поэтических штампов и условным языком намеков, понятных только адресату. Однако за этими намеками скрываются вполне реальные жизненные ситуации, человеческие драмы, страсти, огорчения и радости. В стихотворениях, обращенных к сестре, греческой королеве Ольге Константиновне, преобладает мотив разлуки и радости редких свиданий, и за ним, безусловно, стоят всем понятные чувства: юношеская дружба брата и сестры, их привязанность друг к другу и общность интересов, необходимость жить вдали от родины и семьи и тоска по родине и близким людям. Стихотворение, обращенное к другой сестре, Вере Константиновне, начинается словами:

Ты в жизни скорби и мучений
Не избалована судьбой...

¹ Краснов Пл. Первые поэты-академики. С. 186.

Мы не знаем, что именно имеет в виду К. Р., но, говоря о скорби, он намекает на раннее вдовство Веры Константиновны: ее муж, Вильгельм Евгений, герцог Виртембергский, умер через три года после их свадьбы. Частная жизнь царствующего дома скрыта от нас: вспомним о незыблемом законе этой жизни — хранить «семейную тишину». Но очевидно, что эти люди так же страдали и радовались, переживали утраты и огорчения, были счастливы и несчастны, как и все люди. И когда К. Р. говорит в стихотворном послании великому князю Сергею Александровичу о его «горькой доле» и «еще одной утрате», о том, что тот заслужит счастья «среди порока, зла и лжи», то за этими словами стоят человеческие жизненные невзгоды, только переживаемые людьми особого круга. Их страсти, утраты и беды должны быть скрыты от посторонних глаз и, следовательно, от читателя; альбомная лирика оказалась поэтому наиболее адекватной формой для выражения такого строя чувств и таких эмоциональных состояний.

В то же время лирика К. Р. явно тяготеет к светскому романсу, что вполне соответствует ее основному содержанию — эмоциональному и обращенному к простому чувству. Среди таких произведений есть и «красивые» баркаролы и серенады (в том числе и ставшие популярными романсами: «О, дитя, под окошком твоим...» или «Плыви, моя гондола...») и стихотворения в духе тех, что составляют цикл «Времена года» (среди них есть тоже знаменитые романсы: «Уж гасли в комнатах огни...», «Растворил я окно...» и др.). Их отличает особая мелодичность, и недаром к лирике К. Р. охотно обращались многие композиторы, в том числе П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов, Ц. А. Кюи,

А. К. Глазунов, Э. Ф. Направник, Р. М. Глиэр,
М. М. Ипполитов-Иванов и др.

Вот одно из таких стихотворений:

Несется благовест... — Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

(«Колокола»)

Такие стихотворения легко «укладываются» в музыку, и на слова «Колоколов» создан не один романс. Для этого стихотворение имеет очевидные предпосылки. Оно ритмически строго урегулировано: написанное шестистопным ямбом, оно имеет четкую однообразную метрическую структуру, определяемую ударной первой стопой (7 стихов из 8) и пропуском метрического ударения на третьей (5 стихов из 8) и пятой (6 стихов из 8) стопах, причем первый и три последних стиха метрически совершенно одинаковы. Стихотворение симметрично семантически: 1—2 и 7—8 стихи — параллелизм, придающий ему цельность. Эти и некоторые другие свойства стихотворения и придают ему ту напевность, которая всегда воспринималась как характерная черта поэзии К. Р., непосредственно связывающая его лирику с поэтами «чистого искусства». «К. Р. — единственный из живущих поэтов, — писал Пл. Краснов, — владеющий тайной писать размерами в духе гр. А. К. Толстого и А. А. Фета, от которых он как бы унаследовал свое поэтическое дарование»¹.

¹ Краснов Пл. Первые поэты-академики. С. 185.

Есть и еще одна особенность лирики К. Р. Традиционные для поэзии «чистого искусства» темы «осложнены» у него тремя мотивами: патриотическим, религиозным и народным.

О характере патриотического и религиозного мотивов в лирике К. Р. достаточно ясное представление дает то же стихотворение «Колокола». Его содержание определяется не идеей, а выраженным в стихотворении настроением. Благовест зовет к молитве, и поэт, вдали от родины, вспоминает о православном храме. В этом своем качестве — как ностальгическое чувство и как молитвенное настроение — эти мотивы и будут встречаться в поэзии К. Р. Он говорит о вере без размышлений, об умении простить и возлюбить ближнего, не роптать на судьбу, принять жизнь такой, какова она есть, и принять ее с радостью. (См. стихотворения «Молитва», «На Страстной неделе», «На площади Святого Марка» и др.);

Так будем же, безропотно страдая,
Все наши горести переносить
И радостно, на скорби не взирая,
Земную эту жизнь любить.

(«Опять, опять цветут они...»)

«Верю твердой, слепую» отличается русский человек («Колыбельная песня»). Отсюда возможность слияния таких мотивов с ностальгической темой, как в стихотворении «Колокола». Эти темы могут входить в пейзажные и любовные стихотворения К. Р., не придавая им ни декларативного, ни тенденциозного характера. Яркий пример тому — самое, пожалуй, известное стихотворение К. Р. «Растворил я окно, — стало душно невмочь...», в котором рядом и вместе — сирень, соловей с его вечной песнью, весенняя ночь, грусть,

земные огорчения и тоска о далекой отчизне — своей родине.

Религиозная тема в поэзии К. Р. воплотилась также в цикле «Библейские песни», «строфах» «Севастиан-Мученик» и стихотворной драме «Царь Иудейский».

«Библейские песни» показывают, что эта тема в творчестве К. Р. эстетически однородна с идеями «чистого искусства»: внушенные Богом песни Давида способны утишить «дух унылый» и «облегчить мученье» («Псалмопевец Давид», «Царь Саул»). Выраженная здесь мысль о поэзии как религиозном откровении, несущем примиряющее начало в жизнь, в сущности та же, что и в стихах, обращенных к А. Г. Рубинштейну:

О, пусть нас уносит волшебной игрой
Туда, в те надзвездные дали,
Где нет ни вражды, ни тревоги земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали!

В то же время «Библейские песни» — иллюстрация к сюжетам Священного Писания. Оно для К. Р. — не только «книга спасения», в которой — «отголоски небесные грустной юдоли земной» («Надпись в Евангелие»), но и Священная история, сохранившая абсолютно достоверные факты и события. Эти события поэт как бы и стремится воскресить. Тем же стремлением отмечены драма «Царь Иудейский» и поэма «Севастиан-Мученик»: в первом из этих произведений, обратившись к евангельскому тексту и церковным преданиям, проведя тщательное историческое исследование, К. Р. поставил перед собой цель — воспроизвести в реальных картинах последние дни земной жизни Христа, во втором — «оживить» житие бесстрашного борца за веру и святого мученика, нарисовав картину из жизни Рима III века.

Народная тема в поэзии К. Р. представлена циклом «В строю». Содержание стихотворений, входящих в этот цикл, — будни Измайловского полка, учения Государевой роты под Красным Селом и т. д., своего рода «рассказы в стихах». В одном из них, ставшем популярной народной песней, повествуется о похоронах солдата («Умер»), в другом — об отслужившем свой срок солдате, возвращающемся к опустевшему и разрушенному дому («Уволен»). Общий смысл цикла хорошо передают строки из стихотворения «Снова дежурю я в этой палатке...»:

В лагерной жизни труда и порядка
Я молодею и крепну душой!

Соседство серенад и баркарол со стихами о солдатской судьбе расценивается обычно как свидетельство эклектической «широты» поэзии К. Р.¹ Но такая оценка не вполне верна. Религиозная, патриотическая и народная темы вполне органичны для мирозерцания К. Р. и по своему смыслу соответствуют идее «православия, самодержавия и народности». Эта известная «формула» С. С. Уварова, выражавшая идею «истинно русских охранительных начал» или «официальной народности», была «формулой» отношения к русской государственности, политическим убеждением консервативных социальных сил, ратовавших за сохранение ее основ. В этом своем смысле и качестве она воспринималась как крайне реакционная. Но Государь и царствующий дом сами воплощали в себе эту идею, ибо русское государство было по определению само-

---

¹ См., например: Бялый Г. А. Поэты 1880—1890-х гг. // Поэты 1880—1890-х гг. Л., 1972. С. 57. (Библиотека поэта. Большая серия.)

державным и Государь был самодержцем православного народа. Николай I, Александр II, Александр III, Николай II были политиками разной ориентации, но все они были самодержцами русского православного народа. Неизбежно «официальный» характер патриотизма К. Р. сказался в некоторой «аффектации» этой группы его стихотворений, на что указал поэту Гончаров¹. Но все же внутреннее содержание самого «принципа» русской государственной идеи поэзия К. Р. дает возможность почувствовать.

* * *

В 1909 г. К. Р. написал такие строки о весне:

Пусть земле возвращает она ежегодно
Белоснежного ландыша цвет, —
Призрак старости манит рукою холодной:
Юным дням повторения нет.

Но не жаль мне покинуть земное жилище:
Там, в неведомой сердцу дали
Расцветают красы и светлее, и чище
Милых ландышей бедной земли.

(«Ландыши»)

Константин Константинович был серьезно болен и ощущал приближение смерти. Она наступила 2 июня 1915 г. Перед кончиной ему суждено было пережить тяжелые удары судьбы: начавшаяся война унесла жизнь его любимого сына, князя Олега Константиновича, одаренного юноши, мечтавшего стать писателем.

---

¹ Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 349.

Похоронен Константин Константинович в царской усыпальнице — в соборе Петропавловской крепости в Петербурге.

Судьба семьи его сложилась трагически: 18 июля 1918 г. были расстреляны трое его сыновей: Иоанн, Константин и Игорь; в том же 1918 г. погиб его брат Николай, а 28 января 1919 г. — другой брат, Дмитрий.

А. Б. Муратов

Стихотворения

Из цикла
У БЕРЕГОВ

* * *

Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.

Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.

Орианда
Май 1879

* * *

Умолкли рыдания бури кипучей,
Клокочущей бездны волна улеглась;
Опять выплывает луна из-за тучи,
Над гладью морской тишина разлилась.

В борьбе непрестанной с мятежною страстью
Опять побежден ненасытный недуг,
И с новою силой, и с новою властью
Воспрянет опять торжествующий дух!

Красное Село
2 июля 1883

* * *

Затишье на́ море... За бурю строптивой
Настала мертвая, немая тишина:
Уж выбившись из сил, так вяло, так лениво,
Едва колыхается усталая волна.

Затишье на сердце... Застыли звуки песен,
Тускнея, меркнет мысль, безмолвствуют уста,
Круг впечатлений, чувств так узок и так тесен, —
В душе холодная такая пустота.

Но налетит гроза, и дрогнут неба своды,
Заблещут молнии, и разразится гром,
И грозный ураган на дремлющие воды
Дохнет властительным, победным торжеством.

Так минет наконец пора дремоты косной,
Унылая душа воспрянет ото сна,
И снова грянет песнь моя победоносно, —
И потечет стихов созвучная волна!

Венеция
16 апреля 1885

* * *

Озеро светлое, озеро чистое,
Гладь, тишина и покой!
Солнце горячее, солнце лучистое
Над голубую волной!

О, если б сердце тревожное, бурное
Так же могло быть светло,
Как это озеро в утро лазурное,
Только что солнце взошло!

Фридрихсгафен
27 сентября 1887

У ОЗЕРА

М. Д. Давыдову

Усталый сын земли, в дни суетных забот,
Средь мелочных обид и светского волненья,
У озера в лесу ищу уединенья.
Не налюбуйешься прозрачной гладью вод:
В ней словно тайная есть сила притяженья.
Не оттого ль меня так к озеру влечет,
Что отражается в струях его порою
Вся глубина небес нетленною краскою —
И звезд полуночных лучистый хоровод,
И утро ясное румяною зарею,
И светлых облаков воздушная семья?
Не оттого ль, что здесь, хоть и пленен землею,
К далеким небесам как будто ближе я?

*Близ станции Белой
5 октября 1889*

НА ИМАТРЕ

I

Ревет и клокочет стремнина седая
И хлещет о звонкий гранит,
И влагу мятежную, в бездны свергая,
Алмазною пылью дробит.

На берег скалистый влечет меня снова.
И любо, и страшно зараз:
Душа замирает, не вымолвить слова,
Не свесть очарованных глаз.

И блеск, и шипенье, и брызги, и грохот,
Иная краса каждый миг,
И бешеный вопль, и неистовый хохот
В победный сливаются клик.

Весь ужаса полный, внимая, гляжу я, —
И манит, и тянет к себе
Пучина, где воды, свирепо бушуя,
Кипят в вековечной борьбе.

10 мая 1890

II

Над пенистой, бурной пучиной
Стою на крутом берегу,
Мятежной люблюсь стремниной
И глаз оторвать не могу.

Нависшими стиснут скалами,
Клокочет поток и бурлит;
Сшибаются волны с волнами,
Дробясь о недвижный гранит.

И рвутся, и мечутся воды
Из камня гнетущих оков,
И молит немолчно свободы
Их вечный неистовый рев.

О, если б занять этой силы,
И твердости здесь почерпнуть,
Чтоб смело свершать до могилы
Неведомый жизненный путь;

Чтоб с совестью чистой и ясной,
С открытым и светлым челом
Пробиться до цели прекрасной
В боренье с неправдой и злом.

Иматра
5 августа 1907

ЭЛЕГИИ

I

ОРИАНДА

Я посетил родное пепелище —
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья
Я пережил блаженные мгновенья.

Тогда еще был цел наш милый дом.
Широко сад разросся благовонный
Средь диких скал на берегу морском;
Под портиком фонтан неугомный
Во мраморный струился водоем,
Прохладой в зной лаская полуденный,
И виноград, виясь между колонн,
Как занавескою скрывал балкон.

А ныне я брожу среди развалин:
Обрушился балкон; фонтан разбит;

Обломками пол каменный завален;
Цветы пробились между звонких плит;
Глицинией, беспомощно печален,
Зарос колонн развенчанных гранит;
И мирт, и лавр, и кипарис угрюмый
Вечнозеленую объята думой.

Побеги роз мне преградили путь...
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью взволновали грудь.
Но этот край так полн очарованья,
И суждено природе здесь вдохнуть
Так много предести в свои созданья,
Что перед этой дивною красой
Смирился я плененною душой.

Орианда — Вильдунген
10 августа 1908

II

ОСТАШЕВО

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И белорозовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями.

Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,

Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада...
Люблю присесть на мхом обросший пенек:
Среди зеленой тьмы что за отрада,
Когда в глаза сверкнет из-за дерев
Река, зеркальной гладью заблестев!

Под ельника мохнатыми ветвями
Таинственный, суровый полумрак.
Ковер опавшей хвои под ногами;
Она мягка и заглушает шаг.
А дальше манит белыми стволами
К себе веселый, светлый березняк
С кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травою.

Схожу в овраг. Оттуда вверх ведет
Ступенями тропа на холм лесистый;
Над нею старых елей мрачный свод
Навис, непроницаемый, ветвистый,
И потайной пробился в чаще ход.
Там аромат обдаст меня смолистый.
В густой тени алеет мухомор,
И белый гриб украдкой дразнит взор.

Другой овраг. Вот мост желтеет новый.
С него взберусь опять, на холм другой
И прихожу, минуя бор сосновый,
К отвесному обрыву над рекой.
Мне видны здесь: отлив ее свинцовый,
Далекий бег и заворот крутой,
Простор и гладь, и ширь, и зелень луга
Прибрежного напротив полукруга.

А вдалеке на берегу наш дом
С колоннами, классическим фронтоном,
Широкой лестницей перед крыльцом,
Двумя рядами окон и балконом.
— Смеркается. Малиновым огнем
Река горит под алым небосклоном.
Уж огонек между колонн в окне
Из комнаты моей сияет мне.

Домой, где ждет пленительный, любимый
За письменным столом вседневный труд!
Домой, где мир царит невозмутимый,
Где тишина и отдых, и уют!
Лишь маятник стучит неутомимый,
Твердя, что слишком скоро дни бегут...
О, как душа полна благодаренья
Судьбе за благодать уединенья!

Осташево
20 августа 1910

III В КРЫМ

Княгине З. Н. Юсуповой

Навстречу птицам перелетным
На дальний юг стремились мы
Из царства северной зимы
К весны пределам беззаботным.

Небес полдневных глубины
Чем дальше, тем ясней синели;
Алмазней звезды пламенели
Среди полночной тишины.

И все обильнее цветами,
Благоуханьем и теплом
Весна дарила с каждым днем,
Лаская нежными лучами.

Пустынных гор последний кряж
Нас отделял еще от цели;
Вдали ворота зачернели,
Все ближе, ближе... О, когда ж!

Мы трепетно переступали
Порог скалистый... Наконец!..
В нас сердце замерло... Творец!
Не сон ли это, не мечта ли?

У наших ног обрыв крутой,
А впереди — неизмеримый,
Безбережный, необозримый,
Лазоревый простор морской.

Неописуемое море,
Лицом к лицу перед тобой,
Пред этой дивной красотой
Не всякое ль забудешь горе!

Кореиз
27 апреля 1911

IV

ИЗ КРЫМА

Баронессе Н. Ф. Мейендорф

Необъятное южное море,
Млея в золоте жарких лучей,
Ты надолго сокроешься вскоре
Из плененных тобою очей.

К морю севера путь мой, к печальным
Побережьям туманов и бурь;
И объемлю я взором прощальным
Беспредельную даль и лазурь.

За скалистой исчезла горою
Бирюзовая гладь... О, прощай,
Зачарованный вешней порою
Благодатный полуденный край!

Не видать уж лиловых глициний,
Кипарисов, повитых плющом,
По горам стройных кедров и пиний,
И фиалок над звонким ключом.

Но мой север, мой край полуночный
Мне сулит вместо лавров и роз
Милых ландышей цвет непорочный
И душистую свежесть берез.

И спешу я от знойной и темной
Красоты пышнозвездных ночей
В край родной, где заря в неге томной
Во всю ночь не смыкает очей.

*Павловск
21 мая 1911*

Из цикла
БИБЛЕЙСКИЕ ПЕСНИ

ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД

О, царь, скорбит душа твоя,
Томится и тоскует!
Я буду петь: пусть песнь моя
Твою печаль врачует.

Пусть звуков арфы золотой
Святое песнопенье
Утешит дух унылый твой
И облегчит мученье.

Их человек создать не мог,
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их не могу я!

О, царь, ни звучный лязг мечей,
Ни юных дев лобзанья
Не заглушат тоски твоей
И жгучего страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется, —
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется.

И вспрянет дух унылый твой,
О, царь, и торжествуя,
У ног твоих, властитель мой,
Пусть за тебя умру я!

Татой (близ Афин)
Сентябрь 1881

ЦАРЬ САУЛ

Душа изнывает моя и тоскует, —
О, пой же мне, отрок мой, песню твою:
Пусть звуки ее мою скорбь уврачуют, —
Я так твои песни святые люблю!

Гнетут меня злобного духа объятья,
Опять овладело уныние мной,
И страшные вновь изрыгают проклятья
Уста мои вместо молитвы святой.

Томлюся я, гневом пылая, и стражду;
Недугом палимая мучится плоть,
И злоба в душе моей... Крови я жажду,
И тщетны усилия зло побороть.

Не раз, жалом немощи той уязвленный,
Тебя мог убить я в безумном бреду.
О, пой же! Быть может, тобой исцеленный,
Рыдая, к тебе я на грудь упаду!..

Петербург
15 мая 1884

Из цикла

ПОСЛАНИЯ И СТИХОТВОРЕНИЯ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

ПИСЬМО

Семейству П. Е. Кеппена

Вот умчались дни золотые,
Как волшебные, чудные сны:
Так разносятся брызги седые
Голубой океанской волны.

Но то время хотя и далеко,
Я поныне мечтаю о нем;
Оно в душу запало глубоко,
Оно врезалось в сердце моем.

В вашем доме я столько участия,
Столько дружбы всегда находил;
С вами я и мгновения счастья,
И минуты печали делил.

Если ж сердце порой изнѣвало
Среди всякой тревоги мирской,
В вашем доме, как путник усталый,
Находил я и мир, и покой.

И теперь среди прелестей юга,
В благодатной, роскошной стране
Дорогого семейного круга
Лица милые видятся мне.

Мне мерещатся Настины глазки,
Светлорусые волны кудрей,
Ее милые, нежные ласки,
Лепет слышится детских речей.

Но как вспомню, что долго и много
Мне скитаться еще надлежит,
Что идем не одной мы дорогой,
Что разлука меж нами лежит,

Так болезненно сердце сожмется,
Так заноеет мучительно грудь!
Но что делать! Ведь время несется.
Верю я, что окончится путь,

Что достигну я края родного,
Что вас всех я увижу опять
И что вы не откажетесь снова,
Как бывало, меня приласкать.

Флоренция
24 октября 1882

А. Н. МАЙКОВУ

I

В ОТВЕТ НА ЕГО ПИСЬМО
С НОВЫМИ СТИХОТВОРЕНИЯМИ

Опять твое раздалось пенье,
Опять звучит нам песнь твоя!
К ней, очарован, в восхищенье
Опять прислушиваюсь я.

Забята вновь юдоль земная,
Я будто слышу твой призыв,
И, словно крылья расправляя,
Вмиг встрепенувшись и ожив,

Душа и просится, и рвется
В те неземные высоты,
Откуда голос твой несется,
Туда, откуда манишь ты.

О, пой нам! Пой не умолкая
С той высоты, чтоб и опять
Я в этой дивной песне рая
Мог вдохновенье почерпать.

*Мраморный дворец
23 февраля 1887*

II

НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ
ЕГО ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
30-ГО АПРЕЛЯ 1888

Твоя восторженная лира
И песни чистые твои
Нам проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты черни ветреной в угоду
Себе, певец, не изменял,
Свою священную свободу
Страстям толпы не подчинял;

Ты пел в течение полвека,
Бессмертья лаврами увит,
Ту песнь, что душу человека
И возвышает, и живит.

О, если б струны эти пели
Нам долго, долго твой завет,
Как несравненной должен цели
Быть верен истинный поэт!

Мраморный дворец

А. А. ФЕТУ

I

Отважно пройдена дорога,
И цель достигнута тобой:
Ты, веря в доброе и в Бога,
Свершил высокий подвиг свой.

И ныне следом за тобою
Пуститься в путь дерзаю я;
Пусть путеводною звездой
Сияет вера мне твоя.

А ты, испытанный годами,
Не унывающий боец,
Ты, убеленный сединами,
Венчанный славою певец,

Меня, взрощенного судьбою
В цветах и счастье, и любви,
Своей дряхлеющей рукою
На трудный путь благослови.

Мраморный дворец
29 марта 1887

II

НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ
ЕГО ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
28-ГО ЯНВАРЯ 1889

Есть помыслы, желанья и стремленья,
И есть мечты в душевной глубине:
Не выразить словами их значенья,
Неведомы, таятся в нас оне.

Ты понял их: ты вылил в песнопенья
Те звуки, что в безгласной тишине
Пленяют нас, те смутные виденья,
Что грезятся лишь в мимолетном сне.

Могучей силой творческого духа
Постигнув все неслышное для уха,
Ты угадал незримое для глаз.

И сами мы тех сердца струн не знали,
Что в сладостном восторге трепетали,
Когда, чаруя, песнь твоя лилась.

Мраморный дворец
25 января 1889

Я. П. ПОЛОНСКОМУ,
НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ
ЕГО ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
10-ГО АПРЕЛЯ 1887

Незабвенных поэтов бессмертную лиру
Унаследовал ты, о, певец!
Ты ревниво и свято сберег ее миру
И стяжал себе славы венец.

В чутких струнах будила волшебные звуки
Вдохновенная песня твоя,
То врачую сердец сокровенные муки,
То веселье и радость лия.

Лишь во имя того, что светло и правдиво,
Что волнует восторгами грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпеливо
Свой тернистый прокладывал путь.

И за то, что завет тех певцов незабвенных
Ты исполнил, трудясь и любя,
Никогда в песнопеньях твоих вдохновенных
Не забудет отчизна тебя.

Мраморный дворец

И. А. ГОНЧАРОВУ

Венчанный славою нетленной,
Бессмертных образов творец!
К тебе приблизиться смиренно
Дерзал неопытный певец.

Ты на него взглянул без гнева,
Своим величьем не гордясь,
И звукам робкого напева
Внимал задумчиво не раз.

Когда ж бывали песни спеты,
Его ты кротко поучал;
Ему художества заветы
И тайны вечные вещал.

И об одном лишь в умиленье
Он ныне просит у тебя:
Прими его благодаренье
Благословляя и любя!

Гатчина
31 декабря 1887

ЖЕНИХУ

НА ПОМОЛВКУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Ты томился всю ночь до рассвета,
Погруженный в тревожные сны;
Долго, долго прождал ты расцвета
И улыбки душистой весны.

Но настал этот день светозарный,
Солнце счастья взошло над тобой,
И за яркость весны благодарный,
Просиял ты расцветшей душой.

Весь в лучах, в этот миг просветленья,
В ослепительном блеске зари
Ты, чья жизнь — лишь твоей отраженье,
Ты любовью своей озари,

Чтоб на ней все яснее и жарче
Разгорался твой радостный свет,
Чтоб любви все пышнее и ярче
Распускался пленительный цвет!

Мраморный дворец
30 октября 1888

А. Г. РУБИНШТЕЙНУ,
НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ
ЕГО МУЗЫКАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Игры упоительной звуки текли.
Мы в нежном восторге внимали.
Все радости неба, все горе земли
Те звуки в себе отражали.

Пленять нас и трогать им было дано:
Пред ними стихали сомненья,
И было так много обид прощено
И пролито слез умиленья!

О, пусть нас уносит волшебной игрой
Туда, в те надзвездные дали,
Где нет ни вражды, ни тревоги земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали!

Павловск
17 ноября 1889

ГРАФУ П. Д. БУТУРЛИНУ

В ОТВЕТ НА ЕГО «ДВАДЦАТЬ СОНЕТОВ»

Когда певучие твои звучат сонеты,
Мне мнится, что на миг взвились края завес,
Сокрывших славный век художества чудес,
Любовью к вечному, к прекрасному согретый.

О, как далек тот век! И где его поэты?
Где незабвенные избранники небес?
Не их ли дух, певец, в твоём стихе воскрес
За то, что набожно ты их хранишь заветы?

Не изменяй же им! Верь в светлый идеал,
Что, как звезда, тебе путь жизни осиял,
Звезда, какой была Лаура для Петрарки!

Люби, как он любил; как он, пой до конца,
Чтоб звучный, словно гром, и, словно молнья, яркий
Твой стих восторгами воспламенял сердца!

Кондрксивиль
18 мая 1892

Из цикла
МЕЧТЫ И ДУМЫ

СЕРЕНАДА

О, дитя, под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду...
Убаюкана пеньем моим,
Ты найдешь в сновиденьях отраду;
    Пусть твой сон и покой
    В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

Много горестей, много невзгод
В долгнем мире тебя ожидает;
Спи же сладко, пока нет забот
И душа огорчений не знает;
    Спи во мраке ночном
    Безмятежным ты сном,
Спи, не зная земного страданья!

Пусть твой ангел-хранитель святой,
Милый друг, над тобою летает
И, лелея сон девственный твой,
Песню рая тебе напевает;
    Этой песни святой
    Отголосок живой
Да дарует тебе упованье!

Спи же, милая, спи, почивай
Под аккорды моей серенады!

Пусть приснится тебе светлый рай,
Преисполненный вечной отрады!

Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

Палермо
5 марта 1882

* * *

Поймете ль вы те чудные мгновенья,
Когда нисходит в душу вдохновенье,
И, зародившись, новой песни звук
В ней пробуждает столько тайных мук
И столько неземного восхищенья?
Те приступы восторженной любви,
Тот сокровенный творчества недуг —
Поймете ль вы?..

Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души
Излил в свои стихотворенья...

Но если, бессознательно порою
Высокий долг поэта позабыв,
Пленялся я чарующей мечтою,
И звуков увлекал меня наплыв, —
Не осудите слабости случайной,
Души моей поймите голос тайный.
Что может ум без сердца сотворить?
Я не умею петь без увлеченья
И не могу свои творенья
Холодному рассудку подчинить!..

Стрельна
13 июля 1882

ОТДОХНИ

Отдохни, отдохни! Совершая
Утомительный жизненный путь,
Ты устала, моя дорогая!
Не пора ли тебе отдохнуть?

Среди всякого зла и гоненья,
Всякой злобы и желчи людской
Не нашла ты себе утешенья
В этой грустной юдоли земной.

Как волна беспокойного моря,
Без тревоги ты жить не могла:
Если б даже и не было горя,
Ты сама бы его создала!

Но взглядишь: в нашей жизни печальной
Разве нет и хороших сторон?
Ведь не все слышен звон погребальный, —
Раздается ж и радости звон.

Помирись же с судьбою суровой,
Горемычной земли не кляни
И, собираясь с силою новой,
Милый друг, отдохни, отдохни!

Стрельна
8 августа 1882

* * *

Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, —
Рождением к величью я призван.

Но что мне роскошь, золото, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотит весь мишурный этот блеск,
И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск?
Есть дар иной, божественный, бесценный,
Он в жизни для меня всего святей,
И ни одно сокровище вселенной
Не заменит его душе моей:
То песнь моя!.. Пускай прольются звуки
Моих стихов в сердца толпы людской,
Пусть скорбного они врачуют муки
И радуют счастливого душой!
Когда же звуки песни вдохновенной
Достигнут человеческих сердец,
Тогда я смело славы заслуженной
Приму неувядаемый венец.
Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь,
Но тем, что песни русские, родные
Я буду петь немолчно до конца
И что во славу матушки России
Священный подвиг совершу певца.

Афины
4 апреля 1883

* * *

Уж гасли в комнатах огни...
Благоухали розы...
Мы сели на скамью в тени
Развесистой березы.

Мы были молоды с тобой!
Так счастливы мы были
Нас окружавшею весной;
Так горячо любили!

Двурогий месяц наводил
На нас свое сиянье:
Я ничего не говорил,
Боясь прервать молчанье;

Безмолвно синих глаз твоих
Ты опускала взоры:
Красноречивей слов иных
Немые разговоры.

Чего не смел поверить я,
Что в сердце ты таила,
Все это песня соловья
За нас договорила.

Павловск
30 июля 1883

* * *

Принцессе Елисавете Саксен-Альтенбургской

Взошла луна... Полуночь просияла,
И средь немой, волшебной тишины
Песнь соловья так сладко зазвучала,
С лазоревой пролившись вышины.

Ты полюбила, — я любим тобою,
Возможно мне, о друг, тебя любить!
И ныне песнью я зальюсь такою,
Какую ты могла лишь вдохновить.

Стрельна
8 сентября 1883

РАЗЛУКА

Еще последнее объятье,
Еще последний взгляд немой,
Еще одно рукопожатье, —
И миг пронесся роковой...

Но не в минуту расставанья
Понятна нам вся полнота
И вся действительность страданья,
А лишь впоследствии, когда
В семье, среди родного круга,
Какой-нибудь один предмет
Напомнит милый образ друга
И скажет, что его уж нет.

Пока разлука приближалась,
Не верилось, что час пробьет;
Но что несбыточным казалось,
Теперь сознанью предстает
Со всею правдой, простотою
И очевидностью своей.
И вспоминается с тоскою
Вся горечь пережитых дней;
И время тяжкое разлуки
Так вяло тянется для нас,
И каждый день, и каждый час
Все большие приносят муки.

Стрельна
5 октября 1883

* * *

Принцессе Елисавете Саксен-Альтенбургской

Я засыпаю... Уж слабея и бледнея,
Сознание еле властно надо мной,
И все еще, как наяву, дрожа, немея,
Я вижу образ твой перед собой.

За мной смыкаются действительности двери,
Я сплю, — и в царстве призраков и снов
Ты мне являешься, пленительная пери,
И звуки ласковых я слышу слов.

Я просыпаюсь, полн волшебных впечатлений,
К тебе протягиваю руки я, —
Но расступились уже ночные тени,
Уж воцарилось сияние дня.

И пронеслися мимолетные виденья...
И целый день с томлением, с тоской
Я темной ночи жду, — жду грез и усыпленья,
Чтоб хоть во сне увидеться с тобой!

*Мраморный дворец
9 октября 1883*

* * *

Великой Княгине Елисавете Маврикиевне

О, не дивись, мой друг, когда так строго
Я пред тобой молчаньем обуян;
На дне морском сокровищ много,
Но их не выдаст океан.

В душе моей загадочной есть тайны,
Которых не поведать языком,
И постигаются случайно
Они лишь сердцем, не умом.

О, пусть духовный взор твой сокровенно
Проникнет в глубину души моей,
И тайны все ее мгновенно
Легко ты разгадаешь в ней.

Так месяц глубь морскую пронизает
Снопом своих серебряных лучей
И безмятежно созерцает
На дне сокровища морей.

*Красное Село
3 августа 1884*

* * *

Я не могу писать стихов,
Когда встречаюся порою
Средь всяких дрызг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою.
Я говорил себе не раз:
Оставь, не обращай вниманья!
Смотри: не каждый ли из нас
Несовершенное созданье?
Мы жертвы слабые судьбы,
Проступки наши так понятны:
У розы даже есть шипы,
И есть на самом солнце пятна.
Но нет, пусть ум твердит свое!

Душа с рассудком не мирится,
И сердце бедное мое
Тоской и злобою томится.
И тщетно ищешь рифм и слов,
Зовешь напрасно вдохновенье, —
И раздраженный, в озлобленье
Я не могу писать стихов!

Дрезден
22 мая 1885

* * *

Нет! Мне не верится, что мы воспоминанья
О жизни в гроб с собой не унесем;
Что смерть, прервав навеки радость, и страданья,
Нас усыпит забвенья тяжким сном.

Раскрывшись где-то там, ужель ослепнут очи
И уши навсегда утратят слух?
И память о былом во тьме загробной ночи
Не сохранит освобожденный дух?

Ужели Рафаэль, на том очнувшись свете,
Сикстинскую Мадонну позабыл?
Ужели там Шекспир не помнит о Гамлете
И Моцарт Реквием свой разлюбил?

Не может быть! Нет, все, что свято и прекрасно,
Простившись с жизнью, мы переживем
И не забудем, нет! Но чисто, но бесстрастно
Возлюбим вновь, сливаясь с Божеством!

Штадтгаген
24 мая 1885

* * *

Мне снилось, что солнце всходило,
Что птицы очнулись от сна
И стаей неслись легкокрылой
Поведать природе унылой,
Что скоро вернется весна!

Забыты снега и морозы,
Уж льды расторгает поток;
И вот — оживают березы,
Повеяло запахом розы,
И теплый пахнул ветерок...

То сном мимолетным лишь было,
Обманчивым призраком грез:
Нет, солнце еще не всходило,
И в мире царили уныло
И льды, и снега, и мороз!

И прежнего боле тоскуя,
Душа нетерпенья полна,
Я жду твоего поцелуя,
Дождаться тебя не могу я,
Весна, молодая весна!

Мраморный дворец
16 декабря 1885

МОЛИТВА

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Павловск
4 сентября 1886

* * *

Садик запущенный, садик заглохший;
Старенький, серенький дом;
Дворик заросший, прудок пересохший;
Ветхие службы кругом.

Несколько шатких ступеней крылечка,
Стекла цветные в дверях;
Лавки вдоль стен, изразцовая печка
В низеньких, темных сенях;

В комнате стулья с обивкой сафьяной,
Образ с лампадой в углу,
Книги на полках, камин, фортепьяно,
Мягкий ковер на полу...

В комнате этой и зиму, и лето
Столько цветов на окне...
Как мне знакомо и мило все это,
Как это дорого мне!

Юные грезы! Счастливые встречи
В поле и в мраке лесном...
Под вечер долгие, тихие речи
Рядом, за чайным столом...

Годы минувшие, лучшие годы,
Чуждые смут и тревог!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголок!

Ныне ж одно только на́ сердце бремя
Незаменимых потерь...
Где это доброе старое время?
Где это счастье теперь?

Павловск
13 сентября 1886

РОЗЫ¹

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Нам незнакомы были бури, —
Беспечны были мы с тобой.
Для нас цветы благоухали,
Луна сияла только нам,
Лишь мне с тобою по ночам
Пел соловей свои печали.

---

¹ Написано к состязанию «Измайловских Досугов» на тему из Стихотворений в прозе И. С. Тургенева: «Как хороши, как свежи были розы!»

— В те беззаботные года
Не знали мы житейской прозы:
    Как хороши тогда,
    Как свежи были розы!

То время минуло давно...
— Изведав беды и печали,
Мы много скорби повстречали;
    Но унывать, мой друг, грешно:
Взгляни, как Божий мир прекрасен;
Небесный свод глубок и чист,
Наш сад так зелен и душист,
И теплый день, и тих, и ясен,
Пахнул в растворенную дверь;
В цветах росы сияют слезы...
    Как хороши теперь,
    Как свежи эти розы!

За все, что выстрадали мы,
Поверь, воздастся нам сторицей.
Дни пронесутся вереницей,
И после сумрачной зимы
Опять в расцветшие долины
Слетит счастливая весна;
Засветит кроткая луна;
Польется рокот соловьиный,
И отдохнем мы от труда,
Вернутся радости и грезы:
    Как хороши тогда,
    Как свежи будут розы!

*Мраморный дворец
9 декабря 1886*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Князю Иоанну Константиновичу

Спи в колыбели нарядной,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В теплом своем уголку!

В тихом безмолвии ночи
С образа, в грусти святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.

Сколько участия во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время,
Час неизбежный пробьет;
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и забот.

Будь же ты верен преданьям
Доброй, простой старины;
Будь же всегда упованьем
Нашей родной стороны!

С верою твердой, слепую
Честно живи ты свой век!
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек!

Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод,
Служит примером терпенья
Наш православный народ.

Спи же! Еще не настали
Годы смятений и бурь!
Спи же, не зная печали,
Глазки, малютка, зажмурь!..

Тускло мерцает лампадка
Перед иконой святой...
Спи же безопасно и сладко,
Спи, мой сынок, дорогой!

*Мраморный дворец
4 марта 1887*

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

Жених в полночи грядет!
Но где же раб Его блаженный,
Кого Он бдящего найдет,
И кто с лампадою возженной
На брачный пир войдет за Ним?
В ком света тьма не поглотила?

О, да исправится, как дым
Благоуханного кадила,
Моя молитва пред Тобой!
Я с безутешною тоской
В слезах взираю издалека
И своего не смею ока

Возвесть к чертогу Твоему.
Где одеяние возьму?

О, Боже, просвети одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мне надежду
Во дни святых Твоих Страстей!
Услышь, Господь, мои моления
И тайной вечера Твоей,
И всечестного омовенья
Прими причастника меня!

Врагам не выдам тайны я,
Вспомнить не дам Иуду
Тебе в лобзании моем,
Но за разбойником я буду
Перед Святым Твоим крестом
Взывать коленапреклонный:
О, помяни, Творец вселенной,
Меня во царствии Твоем!

*Мраморный дворец
Страстная Среда 1887*

* * *

Когда меня волной холодной
Объемлет мира суета,
Звездой мне служат путеводной
Любовь и красота.

О, никогда я не нарушу
Однажды данный им обет:
Любовь мне согревает душу,
Она — мне жизнь и свет.

Не зная устали, ни лени,
Отважно к цели я святой
Стремлюсь, чтоб преклонить колени
    Пред вечной красотой.

Берлин
5 декабря 1887

* * *

Меня бранят, когда жалею
Я причиняющих печаль
Мне бессердечностью своею;
Меня бранят, когда мне жаль
Того, кто в слабости невольной
Иль в заблужденье согрешит...

    Хоть и обидно мне, и больно,
Но пусть никто не говорит,
Что семя доброе бессильно
Взойти добром; что только зло
На ниве жатвою обильной
Нам в назидание взошло.

Больней внимать таким суждениям,
Чем грусть и скорбь сносить от тех,
Кому мгновенным увлеченьем
Случится впасть в ничтожный грех.

    Не все ль виновны мы во многом,
Не все ли братья во Христе?
Не все ли грешны перед Богом,
За нас распятым на кресте?

Мраморный дворец
1 мая 1888

ПОЭТУ¹

I

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Пушкин

Пусть гордый ум вещает миру,
Что все незримое — лишь сон,
Пусть знанья молится кумиру
И лишь науки чтит закон.

Но ты, поэт, верь в жизнь иную:
Тебе небес открыта дверь;
Верь в силу творчества живую,
Во все несбыточное верь!

Лишь тем, что свято, безусловно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тем, что светит правдой вечной,
Певец, пленяться должен ты.

Любовь — твое да будет знанье:
Проникнись ей, и песнь твоя
В себя включит и все страданье,
И все блаженство бытия.

Мраморный дворец
5 мая 1888

---

¹ Написано к состязанию «Измайловских Досугов».

ПОЭТУ

II

Служа поэзии святой,
Благоговейно чти искусство;
Ему отдайся всей душой,
Дари ему и ум, и чувство.

Будь верен долгу своему
И, гордый званием поэта,
Преследуй песнью ложь и тьму
Во имя истины и света.

На лад возвышенный настрой
Свою божественную лиру,
О небесах немолчно пой
Их забывающему миру.

Во зле лежит он искони,
Но люди жаждут обновленья —
К добру и правде их мани
Могучей силой песнопенья.

Пой о любви толпе людской,
Пой величаво, вдохновенно,
Священнодействуя смиренно
Перед поэзией святой.

*Мраморный дворец
12 января 1904*

В ДОЖДЬ

Великому Князю Сергею Александровичу

Дождь по листьям шелестит,
Зноем томящийся сад
Жажду теперь утолит;
Слаще цветов аромат.

Друг, не страшись. Погляди:
Гроз не боятся цветы,
Чуя, как эти дожди
Нужны для их красоты.

С ними и я не боюсь:
Радость мы встретим опять...
Можно ль наш тесный союз
Жизненным грозам порвать?

Счастье не полно без слез;
Небо синей из-за туч, —
Лишь бы блистал среди гроз
Солнышка радостный луч.

*Красное Село
4 июля 1888*

* * *

О, не гляди мне в глаза так пытливо!
Друг, не заглядывай в душу мою,
Сияясь постигнуть все то, что ревниво,
Робко и бережно в ней я таю.

Есть непонятные чувства: словами
Выразить их не сумел бы язык;
Только и властны они так над нами,
Тем, что их тайну никто не постиг.

О, не гневись же, когда пред тобою,
Очи потупив, уста я сомкну:
Прячет и небо за тучи порою
Чистой лазури своей глубину.

Красное Село
17 июля 1888

* * *

Принцу Петру Александровичу Ольденбургскому

Говорят мне: «Собою владеть ты умеи,
Научиться пора хладнокровью;
Надо сдержанней быть; ты немало людей
Необдуманной сгубишь любовью...»

Но любовь удержать разве властна душа,
Как добычу орел в сильных лапах?
Нет, цветам, благовоньем весенним дыша,
Не сдержать упоительный запах!

Коль любить, так безумствуя в страсти слепой,
В этом бреде бессилен рассудок...
Знать ли солнцу, что им с вышины голубой
Спалена красота незабудок?

Красное Село
19 июля 1888

* * *

О, как люблю я этот сад тенистый!
Со мною здесь лишь птицы да цветы.
Беспечно я вдыхаю воздух чистый
Здесь, вдалеке от светской суеты.

Как я им рад, певцам крылатым неба,
Когда, слетаясь доверчивой семьей,
Клюют они, порхая, крошки хлеба,
Что любящей им сыплю я рукой!

А вы, питомцы северного лета, —
Цветы мои, — я каждого из вас,
Лишь расцветет, улыбкою привета
Люблю встречать, счастливый всякий раз.

О, милый сад, приют отдохновения,
Приветливой и мирной простоты!
Ты мне даришь часы уединенья, —
Со мною здесь лишь птицы да цветы.

*Красное Село
19 июня 1893*

* * *

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умиленьем,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

*Красное Село
10 июня 1899*

* * *

Бывают светлые мгновенья:
Земля так несравненно хороша!
И неземного восхищенья
Полна душа.

Творцу миров благоуханье
Несет цветок, и птица песнь дарит:
Создателя Его созданье
Благодарит.

О, если б воедино слиться
С цветком и птицею, и всей землей,
И с ними, как они, молиться
Одной мольбой;

Без слов, без думы, без прошенья
В восторге трепетном душой гореть
И в жизнерадостном забвеньи
Благоговеть!

*Стрельна
2 июля 1902*

* * *

Блаженны мы, когда идем
Отважно, твердою стопою
С неунывающей душою
Тернистым жизненным путем;

Когда лукавые сомненья
Не подрывают веры в нас,
Когда соблазна горький час
И неизбежные паденья

Нам не преграда на пути,
И мы, восстав, прах отряхая,
К вратам неведомого края
Готовы бодро вновь идти;

Когда не только дел и слова,
Но даже мыслей чистоту
Мы возведем на высоту,
Все отрешаясь от земного;

Когда к Создателю, как дым
Кадилаый, возносясь душою,
Неутомимую борьбою
Себя самих мы победим.

Иматра
1 августа 1907

* * *

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, ясной,
Чтоб непорочностью бесстрастной
Дышали дело, мысль и речь!

Но силы мрачные не дремлют,
И тучи — дети гроз и бурь —
Небес приветную лазурь
Тьмой непроглядною объемлют.

Как пламень солнечных лучей
На небе тучи заслоняют —
В нас образ Божий затемняют
Зло дел, ложь мыслей и речей.

Но смолкнут грозы, стихнут бури,
И — всепрощения привет —
Опять заблещет солнца свет
Среди безоблачной лазури.

Мы свято совесть соблюдем,
Как небо утреннее, чистой
И радостно тропой тернистой
К последней пристани придем.

Стрельна
21 августа 1907

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Земля пробудилась от долгого сна,
Явилась предвестница лета, —
О, как хороша ты, младая весна,
Как сердце тобою согрето!

Люблю я простор этих ровных полей,
Люблю эти вешние воды.
Невольно в душе отразилась моей
Краса обновленной природы.

Но грустно и больно, что все, к чему мы
Привязаны сердцем так нежно,
Замрет под холодным дыханьем зимы
И вьюгой завется снежной!

Афины
20 апреля 1882

* * *

Уж скоро стает снег, и понесутся льдины¹
Вдоль по течению освобожденных струй,
И вновь слетит весна в расцветшие долины
И подарит земле свой первый поцелуй.
А перелетных птиц ликующая стая
Вернется поглядеть на вешние цветы,

---

¹ Написано к состязанию «Измайловских Досугов» на тему стихотворения А. Н. Майкова: «Над необъятною пустыней океана...».

И солнце загорит, восторженно блистая,
Над этим праздником чудесной красоты.

Как много свежести, тепла, благоуханья,
Как много света нам несет с собой весна!
Как много счастья в ней, любви, очарованья!
Как упоительна, как хороша она!

Но всем ли принесет она одни улады,
Одно веселие, надежды и цветы?
Но все ли будем мы так искренно ей рады,
И сбудутся ли все заветные мечты?
Когда дары своей кошницы благовонной
Рукою щедрою посыплет нам весна,
Быть может, кто-нибудь найдется обделенный
И незамеченный? Бездольного она
Своими теплыми не озарит лучами,
Ему пленительной улыбки не пошлет
И, осыпая мир душистыми цветами,
Вдаль от забытого направит свой полет.
Быть может, как мечта, как звук неуловимый,
Как лучезарный сон, беспечна, молода,
В избытке юности она промчится мимо,
Не ведая его!

О, пусть же и тогда
Не молвит он вослед ей злобного укора,
И, горькую печаль глубоко затая,
Пусть не кидает он завистливого взора
Ее избранникам и баловням ея.
О, пусть не выдает души своей страданья
Он ни единою напрасною слезой,
Чтоб не смутить ничем все это ликование
И радость, и восторг, навеянный весной.

*Мраморный дворец
30 апреля 1886*

* * *

Еще и Марта нет, а снег
Уж тает, обнажая землю.
Я вешних вод веселый бег
Опять, обрадованный, внемлю.

Струи взломали хрупкий лед,
Грачи обратно прилетели...
Пройдет еще две-три недели —
И мир воскреснет, зацветет.

Пригрей, о, солнце, землю лаской
Твоих живительных лучей
И оживи весенней сказкой
Глухую мертвенность полей!

Зазимовавшею душою
Пора очнуться ото сна:
Добра и света дай, весна,
И мне в борьбе со злом и тьмою!

Павловск
28 февраля 1910

* * *

Прошла зима! Не видно снега,
Запели птицы с высоты...
Что за чарующая нега
Кругом разлита! Это ты,
Весны желанная примета!
Теченьем льдины унесло,
И в этот ясный час рассвета
Благоуханно и тепло!

Весна! В душе стихают бури,
Как в небе тают облака.
Весна! Душа полна лазури,
Как эта тихая река.

*Мраморный дворец
11 апреля 1888*

ВЕСНОЙ

Д. А. Муринову

Вешние воды бегут... Засиневшее
Небо пригрело поля.
Зимнее горе, давно наболевшее,
Выплакать хочет земля.

Зори полночные, негою томною
Млея, гоните вы прочь
Тысячезвездную, холодно-темную,
Долгую зимнюю ночь.

Ласточки, жаждой свиданья влекомые,
Милые дети весны,
Нам вы, вернувшись в гнезда знакомые,
Счастья навеете сны.

Яблоня, снег отряхнув, белоснежную
Ризой цветов убрана;
О, как пленительна свежестью нежною,
Как благовонна она!

Грей ты нас, солнце; сияй ослепительно
Стуже на смену и тьме;
Дай насладиться весной упоительной,
Дай позабыть о зиме.

Мраморный дворец
4 мая 1902

* * *

Вернулся Май! Уж журавли
Обратно прилетели,
Луга цветами зацвели,
Леса зазеленели.
За богатырским сном зимы
Настало пробужденье,
Как после ночи долгой тьмы
Денницы возрожденье.
Земля как будто лишь ждала
Весеннего лобзанья,
И в миг природа ожила,
И всюду ликованье.
Весь мир поет, и ширь полей,
И рожи тихий шелест,
И в каждой песне соловей
Весны волшебной прелесть.
Порою вешнею счастлив
Поэт: уж он не дремлет
И силы творческой прилив
Душою чуткой внемлет;
Он ударяет по струнам,
И, полно вдохновенья,
Его свободно к небесам
Несется песнопенье.

Земмеринг
6 мая 1882

* * *

Улыбка радостная Мая
И первой ласточки прилет!
Земля цветет, благоухая,
И соловей в саду поет.

Его певучей внемля сказке,
Я в ночь гляжу — не наглажусь
И словно материнской ласке,
Как нежный сын, ей отдаюсь.

Заря не меркнет. Небосвода
Неугасима глубина.
Благодарю, о, мать-природа!
Как хороша твоя весна!

Павловск
13 июня 1890

* * *

Распустилась черемуха в нашем саду,
На сирени цветы благовонные;
Задремали деревья... Листы, как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюбленные.

А отливы заката, алея, горя,
Синеву уж румянят небесную:
На весну наглядеться не может заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.

Напоенный душистым дыханьем берез,
Воздух в юную грудь так и просится, —
И, волшебных, чарующих полная грез,
Далеко моя песня разносится!

Альтенбург
21 мая 1885

* * *

Повеяло черемухой,
Проснулся соловей,
Уж песнью заливаётся
Он в зелени ветвей.
Учи меня, соловушко,
Искусству твоему!
Пусть песнь твою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздаётся песнь моя
Могуча и сильна,
Пусть людям в душу просится,
Пусть их живит она;
И пусть все им становится
Дороже и милей,
Как первая черемуха,
Как первый соловей!

*Красное Село
20 июня 1884*

* * *

Опять томит очарованьем
Благоуханная весна,
Опять черемухи дыханьем
Ее краса напоена.
Нежнозеленою, сквозистой
Оделись дымкою леса,
Струей повеяло душистой,
Лаская, греют небеса.
Мне запах милый и знакомый
Былое в сердце воскресил:
Объятый тайною истомой,
Прилив учуа свежих сил,

Дышу черемухи дыханьем,
Внимаю жадно соловью,
Весь отдаюсь весны лобзаньям
И — очарованный — пою.

Гатчина
4 мая 1890

СИРЕНЬ

Сирень распустилась у двери твоей
И лиловыми манит кистями:
О, выйди! Опять любоваться мы ей
Восхищенными будем глазами.

Смотри: гнутся ветви все в пышном цвету, —
Как обильны они и пушисты!
Недолго глядеть нам на их красоту
И вдыхать этот запах душистый.

Весна промелькнет словно шаткая тень,
Как во сне пронесется крылатом...
Скорей! Наглядимся ж на эту сирень
И ущемся ее ароматом.

Красное Село
6 июня 1888

* * *

Отцветает сирень у меня под окном,
Осыпаются кисти пушистые...
Уж пахнуло, повеяло летним теплом;
Гуще зелень берез; солнце знойным лучом
Золотит их стволы серебристые.

Скоро лето придет и опять уберет
Васильками всю ниву зеленую;
Скоро жимолость в нашем саду зацветет,
И опять незабудками сплошь зарастет
Мшистый берег над речкой студенюю.

Скоро скошенным сеном запахнет кругом...
Как бы досыта, всласть грудью жадною
Надышаться мне этим душистым теплом,
Пока мир ледяным не уснул еще сном,
Усыпленный зимой безотрадною!

Павловск
28 июня 1885

* * *

Вчера соловьи голосистые
Запели порою ночной,
И тополя листья душистые
Шептались во сне меж собой.

С зарею встречаясь малиновой,
Другая заря занялась...
С тобою за рощей осиновою
В полночный мы встретились час.

Напрасно тропинкой знакомою
Ты шла на свиданье со мной:
Я, сладкой объятый истомою,
Не мог любоваться тобой.

Любуясь той ночью одинокою,
Я молча и млея, и дрожал;
За песнью следя соловьиною,
Я тополей запах вдыхал.

О, вешняя ночь благовонная!
Я понял волшебный твой свет:
Земля, в это небо влюбленная,
Ему свой являла расцвет.

Красное Село
8 июня 1888

* * *

Государыне Императрице
Марии Федоровне

На балконе, цветущей весною,
Как запели в садах соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя в кроткие очи твои.

Тихий голос в ушах раздавался,
Но твоих я не слушал речей:
Я как будто мечтой погружался
В глубину этих мягких очей.

Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живет в задушевных мечтах,
Все сказалось так просто и ясно
Мне в чарующих этих очах.

Не могли бы их тайного смысла
Никакие слова превозмочь...
Словно ночь надо мною нависла,
Светозарная, вешняя ночь!

Красное Село
15 июня 1888

* * *

Вчера мы ландышей нарвали,
Их много на поле цвело;
Лучи заката догорали,
И было так тепло, тепло!

Обыкновенная картина:
Кой-где березовый лесок,
Необозримая равнина,
Болото, глина и песок.

Пускай все это и уныло,
И некрасиво, и бедно;
Пусть хорошо все это было
Знакомо нам давным-давно, —

Налюбоваться не могли мы
На эти ровные поля...
О, север, север мой родимый,
О, север, родина моя!

*Красное Село
16 июня 1885*

ЛАНДЫШИ

Если ландыша листья средь жаркого лета
Мне в тени попадутся лесной,
Я не вижу на них благовонного цвета,
Облетевшего ранней весной.

Затаенною грустью и радостью ясной
Сердце сладко занует в груди:
Много счастья изведено в жизни прекрасной,
Мне не знать уж весны впереди.

Пусть земле возвращает она ежегодно
Белоснежного ландыша цвет, —
Призрак старости манит рукою холодной:
Юным дням повторения нет.

Но не жаль мне покинуть земное жилище:
Там, в неведомой сердцу дали
Расцветают красы и светлее, и чище
Милых ландышей бедной земли.

Либенштейн
3 июля 1909

ЛЕТОМ

Давно черемуха завяла,
И на сирени средь садов
Уж не качались опахала
Благоухающих цветов.

По длинным жердям хмель зеленый
Вился высокою стеной,
И рдели пышные пионы,
Нагнувшись низко над травой.

Гляделись звезды золотые
В струи прозрачные реки,
И словно очи голубые
Во ржи синели васильки.

Мы дождались середины лета,
Но вешних дней мне было жаль,
И с этой радостью расцвета
Прокралась в душу мне печаль.

Лишиться вновь мне страшно стало
Всего, чем жизнь так хороша,
Чего так долго сердце ждало,
Чего так жаждала душа!

Красное Село
14 июля 1888

* * *

С. А. Философовой

Я нарву вам цветов к именинам,
Много пестрых, пахучих цветов:
И шиповнику с нежным жасмином,
И широких кленовых листов.
Подымуся я ранней порою,
Заберуся в густую траву
И, обрызганных свежей росой,
Вам лиловых фиалок нарву.
Побегу я в наш садик тенистый
И по всем буду шарить кустам:
Есть у нас и горошек душистый,
И гвоздика махровая там;
Камыши берега облепили,
Отражаясь в зеркальном пруде,
Белоснежные чашечки лилий
Распустились в прозрачной воде.
Я в широкое сбегая поле,
Где волнуется нива кругом,

Где хлеба созревают на воле,
Наливается колос зерном;
Где кружится рой пчел золотистый,
Копшатся проворно жуки,
Где, пестрея во ржи колосистой,
С алым маком цветут васильки.
Я обеими буду руками
И цветы, и колосья срывать
И со всеми своими цветами
Вас скорей побегу поздравлять.

Стрельна
28 августа 1884

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Гром затих. Умчались тучи,
Бурю ветром унесло;
Снова блещет полдень жгучий,
В небе ясно и светло:

В сад скорее! Потенистей
Мы дорожку изберем;
Зелень здесь еще душистей,
Теплым вспрыснута дождем.

Хорошо нам здесь на воле,
И так дышится легко!
Посмотри, как это поле
Разостлалось широко!

Здесь зеленый всходит колос
Средь раздольной ширины...
Слышишь: жаворонка голос
Льется с синей вышины.

В той дали голубоватой
Ослепленный тонет взор...
Так и тянет нас куда-то
В тот заманчивый простор!

Альтенбург
16 октября 1887

* * *

Как жаль, что розы отцветают!
Цветов все меньше по садам,
Уж дни заметно убывают,
И звезды ярче по ночам.
Жасмин отцвел, сирень увяла,
Давно нет ландышей нигде,
Один шиповник запоздалый
Еще алеет кое-где.
Уж сено убрано; долины
Лиловым вереском полны;
Уж спеют ягоды рябины,
Уж листья желтые видны...
Мы и заметить не успели,
Как осень скучная пришла,
Как пронеслися те недели
Весны и солнца, и тепла,
Как миновало наше лето,
А с ним и все его цветы,
И все благоуханье это,
Весь этот праздник красоты!

Красное Село
3 августа 1885

* * *

Смеркалось; мы в саду сидели,
 Свечá горела на столе.
 Уж в небе звезды заблестели,
 Уж смолкли песни на селе...
 Кусты смородины кивали
 Кистями спелых ягод нам,
 И грустно астры доцветали,
 В траве пестрея здесь и там.
 Между акаций и малины
 Цвел мак махровый над прудом,
 И горделиво георгины
 Качались в сумраке ночном.
 Тут и березы с тополями
 Росли, и дуб, и клен, и вяз,
 И ветви с зрелыми плодами
 Клонила яблоня на нас;
 Трещал кузнечик голосистый
 В кусте осыпавшихся роз...
 Под этой яблоней тенистой
 В уме столпилось столько грез
 И столько радужных мечтаний,
 Живых надежд, волшебных снов
 И дорогих воспоминаний
 Былых, счастливейших годов!

. . . . .
 Сад задремал; уже стемнело,
 И воцарилась тишина...
 Свеча давно уж догорела,
 Выходила полная луна, —
 А мы... мы все в саду сидели,
 Нам не хотелось уходить!
 Лишь поздней ночью еле-еле
 Могли домой нас заманить.

Мыза Смерди
15 августа 1885

* * *

Как хорошо бывало летом
В цветущем садике моем,
Так жарко, знойно так пригретом
Горячим солнечным лучом!
Тот запах липового цвета,
Уж я вдыхал его, вдыхал!
Прошли те дни тепла и света,
Когда весь мир благоухал,
Когда душистого горошка
Так много было под окном...
А уж теперь моя дорожка
Опавшим устлана листом,
Мои березки пожелтели,
Уж осыпается мой сад...
И мне сдается: не во сне ли
Весь этот радужный наряд,
Которым, как в волшебной сказке,
Была разубрана земля,
Весь этот блеск, все эти краски,
Всю эту прелесть видел я!

*В карауле в Зимнем дворце
13 сентября 1885*

* * *

Пронеслись мимолетные грезы!
Беззаботные минули дни!
— Словно осенью листья березы,
Незаметно умчались они.

Все, что горького в прошлом прожито
Наболевшей душою моей,
Хоть на миг было мной позабыто
Среди этих безоблачных дней...

Но конец пышноцветному лету,
Уж грозит нам седая зима,
И на смену и зною, и свету
Наступают и стужа, и тьма.

Принимайся ж опять за работу
И за подвиг берись трудовой:
Будь готов и печаль, и заботу
Снова встретить отважной душой.

Павловск
2 октября 1886

* * *

Не много дней осталось цвести
Красе роскошной Божья сада:
Уж краткое мне слышится «прости»
В печальном шуме листопада.

И тем спешит налюбоваться взор,
Чего не погубила осень:
Она сорвет с земли ее убор,
Щадя лишь хвои мрачных сосен.

О, солнце, грей! Благоухайте ж мне,
Весной взлелеянные розы!
Лишь бы пронести хоть память о весне
Сквозь ночь и стужу зимней грезы!

Павловск
1 сентября 1889

* * *

Улыбкою утра пригретые снова,
В лесную мы прячемся тень.
Казалось, зима разлучить нас готова, —
Вдруг теплый один еще день.

Осенней красою любятися взоры,
И радость в душе, и печаль:
Нас радужно-пестрые тешат узоры,
И листьев опавших нам жаль.

И сердце о крае незримом мечтает,
Где вечер не ведает тьмы,
Где осени губящей лето не знает
И где не расстанемся мы.

Павловск
21 сентября 1889

ЕЛИ

Когда листы, поблекнув, облетели
И сном зимы забылось все в лесу,
Одни лишь вы, задумчивые ели,
Храните прежнюю красу.

И словно шепчете вы с тихой грустью:
«Спи, темный лес! Уснуло все кругом;
Струи ручьев, в живом стремленье к устью,
Застыли, скованные льдом;

Мороз дохнул; метель спугнула стаю
Жильцов твоих осиротелых гнезд,
И песнь ее к иному рвется краю,
Где ярче блеск полночных звезд;

Охваченный дремотой непробудной,
Ты изнемог под саваном зимы...
Нам не вздремнуть: одеждой изумрудной
Всегда равно пленяем мы.

Но минут дни, и сон стряхнувши зимний,
Ты зацветешь, взломают лед ручьи,
И прилетят под кров гостеприимный
Певцы крылатые твои.

Пускай тогда ты юною красою
Затмишь, о, лес, печальный наш наряд:
Твоих ветвей объятья нас от зною
Листвой душистой защитят».

Павловск
21 октября 1889

* * *

Красу земли сгубил жестокий
К зиме от лета переход,
И полн лишь неба свод глубокий
Неувядаемых красот.

Грустят цветы в саду печальном,
Им ароматом не дохнуть;
Но взор поднимешь, в небе дальном
Все так же ярк Млечный Путь.

Здесь все так тускло и ненастно,
Лесов осыпался наряд,
А звезды неба так же ясно
В лучах немеркнущих горят.

Пусть влажной мглой и туч клубами
Лазурь небес заволокло:
Мы знаем, там, за облаками,
Всегда и пышно, и светло!

Павловск
21 октября 1889

* * *

Как пленительно-тихо в отцветших полях!
Наша осень полна обаянья:
Сколько прелести в грустных, безжизненных днях
Этой кроткой поры увяданья!

Воздух влажен и свеж, облетают листья,
Тучи кроют лазурь небосвода,
Безответно, безропотно блекнут цветы,
И покорно зимы ждет природа.

Не блаженство ли этой внимать тишине,
Где пред смертью покорность такая?
Так же мирно навеки уснуть бы и мне,
Без напрасной борьбы угасая!

Павловск
30 октября 1889

* * *

Зарумянились клен и рябина,
Ярче золота кудри берез,
И безропотно ждет георгина,
Что спалит ее первый мороз.

Только тополь да ива родная
Все сдаваться еще не хотят
И, последние дни доживая,
Сохраняют зеленый наряд.

И, пока не навеяло снега
Ледяное дыханье зимы,
Нас томит непонятная нега,
И печально любимся мы.

Но промчалось лето с весной,
Вот и осени дни сочтены...
Ах, уж скоро мы с этой красою
Распростимся до новой весны!

Павловск
Осенью 1897

* * *

Багряный клен, лиловый вяз,
Золотолистая береза...
Как больно в сердце отдалась
Мне красок осени угроза!

Природы радужный наряд
И блеск, и роскошь увяданья
С покорной грустью говорят,
Что уж близка пора прощанья,

Прощанья с летом и теплом,
И липы блеклыми листьями,
Что, золотым опав дождем,
Шуршат в аллее под ногами,

И с вашей яркою красой,
Береза, клен и вяз лиловый,
До дней, когда вы жизни новой
Дождетесь новою весной.

Павловск
23 сентября 1898

* * *

Последней стаи журавлей
Под небом крики прозвучали.
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.

Давно скосили за рекой
Широкий луг, и сжаты нивы.
Роня листья, над водой
Грустят задумчивые ивы.

В красе нетронутой своей
Лишь озимь зеленеет пышно,
Дразня подобьем вешних дней...
— Зима, зима ползет неслышно! —

Как знать. Невидимым крылом
Уж веет смерть и надо мною...
О, если б с радостным челом
Отдаться в руки ей без бою;

И с тихой, кроткою мольбой,
Безропотно, с улыбкой ясной
Угаснуть осенью безгласной
Пред неизбежною зимой!

*Козельский уезд
1 октября 1901*

К ОСЕНИ

Роковая, неизбежная,
Подползла, подкралась ты,
О, губительница нежная
Милой летней красоты!

Обольстительными ласками
Соблазнив и лес, и сад,
Ты пленительными красками
Расцветила их наряд.

Багрянницей светозарною
Ты по-царски их убрав,
Сдернешь прихотью коварною
Ризу пышную дубрав.

Но пока красы обманчивой
Не сорвала ты с лесов,
Сколько прелести заманчивой
В этой радуге цветов!

Скоро с кротостью печальною
В увяданья тихий час
Сад улыбкой нас прощальною
Подарит в последний раз.

И с порою грустью веющей
Я безропотно мирюсь
И природе вечереющей
Побежденный отдаюсь.

*Павловск
30 сентября 1907*

ЗИМОЙ

О, тишина
Глуши безмолвной, безмятежной!
О, белизна
Лугов под пеленою снежной!

О, чистота
Прозрачных струй обледенелых!
О, красота
Рощ и лесов заиндевелых!

Как хороша
Зимы чарующая греза!
Усни, душа,
Как спят сугробы, пруд, береза...

Сумей понять
Природы строгое бесстрастье:
В нем — благодать,
Земное истинное счастье.

Светлей снегов
Твои да будут сновиденья
И чище льдов
Порывы сердца и стремленья.

У ней учись,
У зимней скудости прелестной,
И облекись
Красою духа бестелесной.

Павловск
18 марта 1906

К КОНЦУ ЗИМЫ

Чем солнце зимнее теплее,
Тем ослепительней снега;
А нагота ветвей в аллее
Все так же мертвенно строга.

Хоть не сдают еще морозы —
Но жизни чувствуется прилив,
И светлые роятся грезы,
Печаль унылую сменив.

Назло зиме, где в полдень жарче,
Уж тает ледяной наряд,
И капли с крыш алмазов ярче
Слезами счастья горят.

Уже не хохлится сонливо
Семья домашних голубей
И суетится хлопотливо,
Купаясь в золоте лучей.

Царица Ночь изнемогает,
Дню покоряясь, как царю,
А он все шире раздвигает
Утра и вечера зарю.

И крыльев плеск, и воркованье,
И жизнерадостные сны,
И всепобедное сиянье —
Все веет близостью весны.

Павловск
31 марта 1906

СНЕГ

Падай, падай, снег пушистый,
Расстилайся пеленой,
Падай, легкий, падай, чистый,
Землю зябнущую крой.

Заметая дали мглою,
Всякий цвет, отлив и тень
Непорочной белизною
Словно саваном одень.

И беззвучной, и бесцветной,
И безжизненной порой
Дай природе безответной
Мир и отдых, и покой;

Чтоб забыться ей, зимою
Усыпленной до весны,
Чтобы грезилась тобою
Ей навеянные сны;

Чтоб копила в ней сила
На иное бытие,
И с весною воскресила
Тайна творчества ее.

Павловск
12 января 1907

ВРЕМЕНА ГОДА

СОНЕТ

О, радость утра ясного весной!
Ты ласточек навеяна крылами.
Вы, небудки, споря с небесами,
Так празднично убрались бирюзой.

О, летний день! Сияя над землей,
Ты теплыми даришь ее лучами
И мака знойными во ржи цветами
И жаворонка песней заливной.

О, золотистость осени печальной!
Скорбь увяданья, грусти красота
И журавлей отлет зарей прощальной.

О, зимней ночи жуть и нагота!
Зловещий ворон в белизне хрустальной
И лунный свет, и глушь, и немота...

*Симбирск — Москва
28 октября 1910*

Из цикла
НА ЧУЖБИНЕ

ВЕНЕЦИЯ

I

НАДПИСЬ К КАРТИНЕ

С какую кротостью и скорбью нежной
Пречистая взирает с полотна!
Грядущий час печали неизбежной
    Как бы предчувствует Она!

К груди Она Младенца прижимает
И Им любуется, о Нем грустя...
Как Бог, Он взором вечность проникает
    И беззаботен, как дитя!

Гмунден
20 мая 1882

II

БАРКАРОЛА

Плыви, моя гондола,
    Озарена луной,
Раздайся, баркарола,
    Над сонною волной.

Настроена гитара:
О, друг, я в честь твою
Всего земного шара
Все песни пропою!
Смотри, уж на Пьяцетте
Потушены огни,
При ярком лунном свете
С тобою мы одни.
Замолкли серенады,
И ставни заперты, —
Среди ночной прохлады
Не спим лишь я да ты.
До Лидо недалеко,
Мы быстро доплывем;
Там море так широко
Раскинулось кругом;
Там месяц волны любит:
Смотри, как с вышины
Лучами он голубит
Морские глубины.
Там, в голубом просторе,
В лазоревой дали
Забудем мы и горе,
И бедствия земли.
Пусть звуки поцелуя
Подслушает волна,
И, как тебя люблю я,
Пусть подглядит луна!

Гмунден
24 мая 1882

III

МОСТ ВЗДОХОВ

Под мостом вздохов проплывала
Гондола позднею порой,
И в бледном сумраке канала
Раздумье овладело мной.
Зачем таинственную сенью
Навис так мрачно этот свод?
Зачем такой зловещей тенью
Под этим мостом обдает?
Как много вздохов и стенаний,
Должно быть, в прежние года
Слыхали стены этих зданий
И эта мутная вода!
Могли б поведать эти своды,
Как в дни жестокой старины,
Бывало, оглашались воды
Паденьем тела с вышины;
И волн, и времени теченье
Спешило тело унести:
То были жертвы отомщенья
Совета Трех и Десяти...
Но не болтливы стен камня,
Не разговорчива вода,
И лишь в одном воображенье
Встают минувшие года.
Безмолвна мраморная арка,
Безмолвен сумрачный канал...
Крылатый лев Святого Марка
Сном вековечным задремал.

Штутгарт
4 июня 1882

IV

Скользила гондола моя над волной
Морского широкого лона.
Заката малиновый луч надо мной
Румянил лазурь небосклона.

Жемчужные сверху ряды облаков
Гляделись в спокойное море,
И слышался бой отдаленный часов,
Теряясь в безбрежном просторе.

Желанием сладостным, нежной тоской
Душа изнывала и млела:
Хотелось слиться с волной голубой,
Лететь выше неба предела;

Хотелось угаснуть, как луч золотой,
Застыть, как те звуки в просторе, —
Хотелось объять ненасытной душой
Все небо и целое море!

Стрельна
12 июля 1882

V

Помнишь, порою ночью
Наша гондола плыла,
Мы любовались луною,
Всплескам внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
Тихим Венеция сном,
В сонные воды канала
Звезды гляделись кругом.

Мимо палаццо мы дождей,
Мимо Пьяццетты колонн
Плыли с тобою... О, Боже,
Что за чарующий сон!

Искрились волны лагуны...
Где-то в дали голубой
Плакали нежные струны, —
Пел гондольер молодой;

Пел он про месяц и море,
Про голубую волну,
Пел про блаженство и горе,
Пел про любовь и весну.

Дивная песнь навевала
Грезы блаженной любви,
В душу она проникала,
Страсть разжигала в крови...

Помнишь, порою ночью
Тихо гондола плыла,
Мы любовались луною...
О, что за ночь то была!

*Красное Село
28 июля 1882*

* * *

Растворил я окно, — стало грустно невмочь, —
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.

А вдали где-то чудно так пел соловей;
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей;
Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени.

Мейнинген
13 мая 1885

КОЛОКОЛА

Несется благовест... — Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

Штутгарт
20 октября 1887

В ГОРАХ ГАСТЕЙНА

Главой венчанною снегами
Как высоко, громада гор,
Ты вознеслася над долами
В недосягаемый простор!

Что́ перед мощью горделивой
Твердыни царственной твоей
В борьбе тревожно суетливой
Заботы жалкие людей?

Душой из дольного я мира
Стремлюся в эти высоты,
Обитель отдыха и мира,
Приют нетленной чистоты.

Берлин
12 июля 1900

Из цикла
В АЛЬБОМ

* * *

Великой княгине Елисавете Феодоровне

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Село Ильинское
24 сентября 1884

* * *

Королеве Эллинов Ольге Константиновне

I

Давно ли, кажется, больной, нетерпеливый,
Тревожно так, с томлением, с тоской,
В мучительном бреду, то грустный, то счастливый,
Я ожидал свидания с тобой?

И наконец настал желанный час свиданья,
И всей душой отдавшись ему,
Не находил я слов и, притаив дыханье,
Прислушивался к счастью своему.

В избытке радости уста мои немели,
Мутился ум, кружилась голова, —
Я так блаженствовал! Но не прошло недели,
Как раздались прощальные слова.

И мне не верится, что наяву то было:
Нет, то был радужный, волшебный сон,
И как во тьме ночной померкшее светило,
Мгновенно пролетел и сгинул он!

То лихорадочный был бред ума больного, —
Нет призраков, уж смолкли голоса.
И на действительность я раскрываю снова
Слезами обожженные глаза...

Венеция
5 мая 1885

II

Измученный в жизни тревоги и зол,
Опять, моя радость, я душу отвел
С тобою:

И на́ сердце вновь и светло, и тепло,
Как будто бы жаркое солнце взошло
Весною.

Оно растопило и льды, и снега,
И пышно опять запестрели луга
Цветами;

И синие блещут опять небеса,
Крылатыми вновь огласились леса
Певцами...

Спасибо, о, солнце! Спасибо твоим
Лучам светозарным, лучам золотым
И зною!

Тебе ж, моя радость, сказать я пришел
Спасибо за то, что я душу отвел
С тобою!

Павловск
10 августа 1887

III

Что тебе на прощанье скажу я?
Пред разлукой немеет язык,
И безмолвный, грустя и тоскуя,
Я опять головою поник.

Но, как темная ночь, минет горе,
Надо ж радости солнцу блеснуть!
Не прощаемся ль мы, чтобы вскоре
Повстречаться опять где-нибудь?

Провожая тебя, в час прощанья
Я промолвлю лишь слово одно:
Это слово мое: до свиданья!
Нас обоих утешит оно.

Павловск
24 сентября 1888

* * *

Когда, провидя близкую разлуку,
Душа болит уныньем и тоской,
Я говорю, тебе сжимая руку:
Христос с тобой!

Когда в избытке счастья неземного
Забьется сердце радостью порой,
Тогда тебе я повторяю снова:
Христос с тобой!

А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,
Тогда тебе твержу я в утешенье:
Христос с тобой!

Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о, друг, ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой!

С.-Петербург
7 января 1886

* * *

Когда с зарей над сонною землею
Забрезжит луч небесного огня,
Я начинаю новый день мольбою:
Благослови меня!

Лишь только вечер, тихо догорая,
Подернет сумраком сиянье дня,
Я говорю тебе, о, дорогая:
    Благослови меня!

И если знаешь ты, мой ангел милый,
Как дорога молитва мне твоя,
То и всегда, всю жизнь и до могилы
    Благословляй меня!

Павловск
4 сентября 1886

* * *

Великой Княгине Анастасии Михайловне
Великой Герцогине Мекленбург-Шверинской

Твоей любуясь красотой
И взором ласково-стыдливом,
Пять светлых дней провел с тобой
Я в упоении счастливом.

Прошли те радостные дни,
Как все проходит в мире этом,
Но верь, не могут быть они
Забыты любящим поэтом.

Твой образ в памяти моей
Запечатлелся так глубоко,
Что — верь мне — после многих дней,
Скитаясь долго и далеко,

Его я вспомню! И опять,
Как звезды неба в мраке ночи,
Твои задумчивые очи
Мне будут издали сиять.

Шверин
10 октября 1887

* * *

*Великой Княгине Вере Константиновне,
Герцогине Виртембергской*

Ты в жизни скорби и мучений
Не избалована судьбой,
И много бед и огорчений
Уже испытано тобой.

Душою кроткой и смиренной
В надежде, вере и любви
Переносила неизменно
Ты все страдания свои.

Своим безропотным терпеньем
Ты скорбь умела побороть,
Приемля все с благоговеньем,
Что посылал тебе Господь.

О, верь: сторицею с годами
Вознаградится этот труд;
Не все ль, кто сеяли слезами,
Святою радостью пожнут?

Штутгарт
25 октября 1887

* * *

*Принцессе
Евгении Максимилиановне Ольденбургской*

Мне бессильным не выразить словом,
Как у вас отдыхает душа,
Как под вашим приветливо кровом
И как ваша Рамонь хороша!

Хороша она далью лесною
И дворцом над обрывом крутым,
Хороша тихоструйной рекою
И привольным простором степным.

Но милее и лучше, и краше
Гор, оврагов, озер и полей
Дорогое радушие ваше
С простотой деревенской своей.

*Киев
12 сентября 1896*

СЕВАСТИАН-МУЧЕНИК

ПОСВЯЩЕНИЕ

Королеве Эллинов Ольге Константиновне

Тебе, тебе, мой ангел нежный,
Я посвящаю этот труд;
О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтут.

Ты мне внушила эти строки,
Они тобой вдохновлены:
Пускай же будут в край далекий
Они к тебе унесены.

И если грудь занает больно
Тоской по нашей стороне,
Пускай тогда они неволью
Тебе напомнят обо мне.

И пусть хоть тем тебе поможет
Тот, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не может
И чья душа полна тобой.

СЕБАСТИАН-МУЧЕНИК

Претерпѣвый же до конца, той спасѣтса.

(Матф. XXIV, 13)

I

В Риме праздник. Рыщут колесницы,
Топот, стук колес по мостовой,
Ржанье, свист бича и крик возницы
В гул слилися. К форуму толпой
Повалил народ. Снуют носилки,
Пыль клубится облаком густым;
Фыркает, храпит и рвется пылкий
Конь под всадником лихим.

II

В честь богини зеленью, цветами
Убран был Венеры пышный храм;
От курильниц синими клубами
Возносился легкий фимиам.
В наготе божественного тела,
Фидия рукою создана,
В благовонном сумраке белела
Олимпийская жена.

III

Совершая жертвоприношенье,
Цезарь сам стоял пред алтарем,
И жрецы в немом благоговеньи
С утварью теснились кругом.
Все во прах повергнулись толпою,
Преклонился сам Максимиан, —
Не поник отважной головою
Лишь один Севастиан.

IV

Засверкали цезаревы очи
И зловещим вспыхнули огнем,
Вне себя он стал мрачнее ночи
Искаженным яростью лицом:
«Ты ль не хочешь чтить моей святыни,
Возмущая наше торжество!
Ты ль, трибун мой, дерзкою гордыней
Оскорбляешь божество!»

V

И бесстрашно, твердо и спокойно
Отвечал ему Севастиан:
«Человеку, цезарь, недостойно
Почитать бездушный истукан.
Правды нет в твоей безумной вере,
Ваши боги — лживая мечта,
Не могу я кланяться Венере,
Исповедуя Христа!»

VI

Он — мой Бог! Его святою кровью
Грешный мир искуплен и спасен;
Лишь Ему с надеждой и любовью
Я молюсь коленопреклонен.
Небеса Он создал, создал землю,
Создал все, что дышит и живет.
Лишь Его велениям я внимлю,
Он мне помощь и оплот!»

VII

Неподвижно, в трепетном молчанье,
Царедворцы робкою толпой
Роковое слушали признание,
Изумляясь дерзости такой.
Обезумел цезарь, злобы полный,
Ярый гнев уста его сковал,
И смятенным ликторам безмолвно
Он трибуна указал.

VIII

Вмиг вокруг него живой стеною
Их сомкнулись тесные ряды;
Повлекли они его с собою
В гору, в Палатинские сады.
Нумидийской цезаревой страже
Сдали там с рук на руки его...
И покорно стал от злобы вражьей
Он конца ждать своего.

IX

Гаснет алый запад, догорая,
В небесах багряною зарей;
Быстро тень надвинулась густая,
И звезда зажглася за звездой.
Уж померкло небо голубое,
Тихо все... Уснул великий Рим;
И в немом, задумчивом покое
Ночь спустилася над ним.

X

Уж во власти тихого Морфея,
Под его чарующим крылом
Все, в дремоте сладкой цепenea,
Позабылось безмятежным сном.
Лишь, к стволу привязан кипариса,
Молодой трибун-христианин,
Там, в саду цветущем Адониса,
В эту ночь не спит один.

XI

А кругом на храмы, на чертоги
Налегла таинственная тьма;
Сторожат изв'аянные боги
Рощи Палатинского холма;
Сладко в них цветы благоухают,
Водометы плещут и журчат
И росой свежей орошают
Мрамор царственных палат.

XII

Полночь дышит влажною прохладой...
У стены на каменном полу
Стража крепко спит под колоннадой.
Догорев, костер дымит в углу;
Пламя, вспыхнув, озарит порою
То карниз, то вазу, то плиту,
И кружася, искры над золою
С треском гаснут на лету.

XIII

И задумчив узник одинокий,
Кротких глаз не сводит он с костра:
Скоро мрак рассеется глубокий,
Минет ночь, — недолго до утра.
Заблестит восток воспламененный,
Брызнут солнца первые лучи
И разбудят этот город сонный,
И проснутся палачи.

XIV

На него они наложат руки,
Истерзают молодую грудь,
И настанет час предсмертной муки,
И окончен будет жизни путь.
Словно искра, в мраке исчезая,
Там, над этим тлеющим костром,
Жизнь его, как утро, молодая
В миг один угаснет в нем.

XV

Но ни жизни, полной юной силы,
Ни даров земных ему не жаль,
Не страшит его порог могилы;
Отчего ж гнетет его печаль?
Отчего заныла грудь тоскою?
Отчего смутилось сердце в нем?
Иль ослаб он бодрюю душою
Пред мучительным концом?

XVI

Не его ли пламенным желаньем
Было встретить доблестный конец,
Радость вечную купить страданьем
И стяжать мучения венец?
Не мечтал ли дни он молодые
Положить к подножию Креста
И, как те избранники святые,
Пасть за Господа Христа?

XVII

Но они не ведали печали:
Не в тиши безмолвной и глухой, —
Посреди арены умирали
Пред ликующей они толпой.
Нет, в душе их не было кручины,
Погибать отрадней было им:
В Колизее славной их кончины
Был свидетель целый Рим.

XVIII

Может быть, звучали в утешенье
Им слова-напутствия друзей,
Их молитвы, их благословенья;
Может быть, меж сотнями очей
Взор они знакомый различали
Иль привет шептавшие уста;
Мужества, дивясь, им придавали
Сами недруги Христа.

XIX

А ему досталась доля злая
Позабутым здесь, в глуши немой,
Одиноко, в муках замирая,
Изнывать предсмертною тоской.
Никого в последнее мгновенье
Не увидит он, кто сердцу мил,
Кто б его из мира слез и тленья
Взором в вечность проводил.

XX

А меж тем над спящею столицей,
Совершая путь обычный свой,
Безмятежно месяц бледнолицый
Уж плывет по выси голубой.
Просияла полночь; мрак редее,
Всюду розлит серебристый свет,
И земля волшебным блеском рдеет
Небу чистому в ответ.

XXI

Там белеет храм Капитолийский,
Древний форум стелется под ним;
Здесь колонны, арки, обелиски
Облиты сияньем голубым;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали извиистой каймой
Тибра мутные струятся волны
За Тарпейскою скалой.

XXII

И любясь дивною картиной,
Позабылся узник молодой;
Уж теперь не горем, не кручиной, —
Сердце полно сладкой тишиной.
Приутихло жгучее страданье,
И в душе сомненье улеглось:
Этой ночи кроткое сиянье
    Словно в грудь ему влилось.

XXIII

Примиренный с темною судьбою,
Вспоминает он былые дни:
Беззаботной, ясной чередою
Пронеслись на севере они.
Видит он зеленые равнины,
Где блестят сквозь утренний туман
Альп далеких снежные вершины, —
    Видит свой Медиолан,

XXIV

Видит дом родной с тенистым садом,
Рощи, гладь прозрачную озер
И себя, ребенком малым, рядом
С матерью; ее он видит взор,
На него так нежно устремленный...
Как у ней был счастлив он тогда,
Этим милым взором осененный,
    В те беспечные года!

XXV

От нее услышал он впервые
Про Того, Кто в мир тоски и слез
Нам любви учения святые
И грехов прощение принес;
Кто под знойным небом Галилеи
Претерпел и скорбь, и нищету,
И Кого Пилат и фарисеи
Пригвоздили ко кресту.

XXVI

Но года промчались стрелою...
— Детства дней счастливых не вернуть! —
Он расстался с домом и семьею,
Перед ним иной открылся путь:
Он, покорный долгу, в легионы
Под знамена бранные вступил
И свой меч, отвагой закаленный,
Вражьей кровью обагрил.

XXVII

Бой кипел на западе далеком:
Там с врагами Рима воевал
Юный вождь. Ревнивым цезарь оком
На победный лавр его взирал.
Против франков, в войске Константина,
Острых стрел и копий не страшась,
Севастьян и с ним его дружина
Храбро билися не раз.

XXVIII

Но и в грозный час кровавой битвы,
Поминая матери завет,
Благодатной силою молитвы
Соблюдал он в сердце мир и свет.
Бодрый дух его не устрашали
Зной и стужа, раны и нужда;
Он сносил без жалоб, без печали
Тягость ратного труда.

XXIX

И властям всегда во всем послушный,
Он жалел подвластных и щадил;
С ними он, доступный, благодушный,
И печаль, и радости делил.
Кто был горем лютым иль несчастьем,
Или злой невзгодой удручен,
Шел к нему, и всякого с участием
Принимал центурион.

XXX

И за то с любовью беспримерной
Подчинялись воины ему,
Зная, что своей дружины верной
Он не даст в обиду никому,
И везде, из всех центурий стана,
И в бою, и в пору мирных дней
Отличалась сотня Севастьяна
Ратной доблестью своей.

XXXI

И привязан был он к этой сотне
Всеми силами души своей;
В ней последним ратником охотней
Был бы он, чем первым из вождей
Всех когорт и легионов Рима.
Не желал он участи иной,
Не была душа его палима
Властолюбия мечтой.

XXXII

В бранном стане, в Галлии далекой
Скромный дорог был ему удел,
И его на блеск и сан высокий
Променять бы он не захотел.
Почесть с властью или роскошь с силой,
Или все сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
Заменить бы не могли.

XXXIII

Что людьми зовется верхом счастья,
То считал тяжелым игом он.
Но увы, непрошеною властью
Слишком рано был он облечен!
О, какую горькою кручиной
Сердце в нем исполнилось, когда
С этой храброй, доблестной дружиной
Он расстался навсегда.

XXXIV

Никогда доселе сердцем юным
Ни тщеславен не был он, ни горд;
У преторианцев став трибуном,
Во главе блестящих их когорт,
Он остался воином смиренным,
Ни наград не ждавшим, ни похвал,
И горя усердьем неизменным,
Честно долг свой исполнял.

XXXV

Но душе его прямой и нежной
Чужд был этот гордый, пышный Рим,
Этот Рим порочный и мятежный,
С ханжеством, с безверием своим
Утопавший в неге сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этотдушный Рим с подобострастной
Развращенною толпой.

XXXVI

Здесь, в тревожной суетной столице,
Окружен неправдою и злом,
Как в глухой, удушливой темнице,
Изнывал он сердцем и умом.
Полн отваги, мужества и рвенья,
До конца готовый претерпеть,
Жаждал он скорей принять мученья
И за веру умереть.

XXXVII

И пришла пора освобожденья:
Только ночь прожить еще одну,
И настанет час успокоенья.
С упованьем глядя в вышину,
Он привет читает в блеске ночи:
Звезд лучи, пронизывая тьму,
С голубых небес, как Божьи очи,
Светят радостно ему.

XXXVIII

Небо залито лазурью нежной,
Закатился месяц в облака;
Медленно, неслышно, безмятежно
Уплывает ночь. Вот ветерка
Предрассветная прохлада веет,
Край небес, светлея и горя,
Заалел с востока... Тьма редеет, —
И зарделася заря.

XXXIX

Узник видит утра пробужденье,
Светом солнца обдало его,
И за день последнего мученья
Он прославил Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тело обнажили;
Высоко над головой

XL

Подняли беспомощные руки,
Притянули к дереву плотней...
Лютые принять готовый муки,
В ожиданьи участи своей,
Он стоял живой пред ними целью
В алом блеске утренних лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидийских палачей.

XLI

В этот час предсмертного томленья
Все земное мученик забыл;
Полн восторга, в сладком упоенье,
В небесах мечтою он парил.
Перед ним отверзлись двери рая;
Озарен сияньем неземным,
Звал его, венец ему сплетая,
Лучезарный серафим.

XLII

И не видел узник нумидийца
С длинным луком, с стрелами его;
В забытьи не видел, как убийца
Долго, долго целился в него,
Тетива как дрогнула тугая,
Не видал, как спущена была
И примчалась, воздух рассекая,
Смертоносная стрела.

XLIII

Лишь когда отточенное жало
Глубоко в нагую грудь впилося,
В ней от боли сердце задрожало,
И очнулся он от светлых грез.
Шумный говор, крики, взрывы смеха
Услыхал он, мукою томим:
Зверская, кровавая потеха
По душе пришлася им.

XLIV

Чередуюсь каждый в нетерпенье
В грудь стрелу спешил ему послать,
Чтобы силу, ловкость и уменье
Над бессильной жертвой показать.
И стрела вонзалась за стрелою...
Он терпел с молитвой на устах;
Кровь из жгучих ран лилась струею,
И мутилося в глазах.

XLV

Уж сознание гасло и бледнело,
И молитв мешались слова;
На руках без чувств повисло тело,
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабые колени...
В область тьмы, забвения и сна
Погрузился дух... Земных мучений
Чашу он испил до дна.

XLVI

А честное мученика тело,
Брошено руками палачей,
Скоро б незарытое истлело
Под огнем полуденных лучей,
Где-нибудь во рву иль яме смрадной,
Где бы хищный зверь, в ночную тьму,
Оглодал его, где б коршун жадный
Очи выклевал ему.

XLVII

Уж его от дерева поспешно
Отвязать мучители хотят...
Той порою, плача неутешно,
Две жены прокрались тайно в сад.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются из очей:
Им в ответ звучат одни угрозы
С бранью злобной палачей.

XLVIII

Жены им дрожащими руками
Сыпят деньги... Шумный спор возник,
Зазвенело злато... Меж стрелками
Завязалась драка; слышен крик...
А они страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полные печали,
Унесли его с собой...

I

Рим ликует. Зрителей без счета
Уж с утра стеклося в Колизей:
Христианам вновь грозит охота, —
Под ареной слышен вой зверей.
И до зрелищ жадный, в нетерпенье,
Ожидает цезаря народ...
Вдруг раздались клики в отдаленье:
«Тише, тише! Он идет!»

II

Распахнулась дверь. Цветов кошицы
Высоко держа над головой,
Дев прекрасных сходят вереницы
Меж колонн по лестнице крутой.
Из дворца идут они, как тени,
Устлан путь узорчатым ковром;
Их цветы на гладкие ступени
Пестрым сыплются дождем.

III

Двигается дружина за дружиной:
Здесь и дак косматый, и сармат,
Здесь и скиф под шкурою звериной.
Блещут медь, железо и булат,
Рог и трубы воздух оглашают,
И проходят пращники, стрелки;
Серебром и золотом сияют
Стражи цезарской полки.

IV

Свищут флейты, и гремят цевницы,
Скачет шут, и вертится плясун.
Вот певцов проходят вереницы
И под звуки сладкогласных струн
Воспевают в песне величавой
Вечный Рим с владыками его,
Их полки, увенчанные славой,
И знамен их торжество.

V

Звонких лир бряцанье заглушает
Грохот бубнов и кимвалов звон.
Горделиво цезарь выступает,
Облеченный в пурпур и виссон.
Скиптр его из драгоценной кости
И орлом украшен золотым;
Дорогой венец на длинной трости
Черный раб несет над ним.

VI

Вдруг кимвалы стихли, смолкли бубны,
И застыл кифар и гуслей звук,
В отдаленье замер голос трубный,
Все кругом недвижно стало вдруг.
Цепenea в ужасе безмерном,
Цезарь глаз не сводит со стены,
И к стене той в страхе суеверном
Взоры всех устремлены.

VII

Там в окне, над мраморною аркой,
Между двух порфировых колонн,
Полосою света залит яркой,
Полунаг, изранен, изможден,
Словно призрак иль жилец загробный,
Отстрадавший юноша предстал.
Красотой небесной, бесподобной
Ясный взор его сиял.

VIII

Волоса на плечи упали
Золотистой шелковой волной,
Кроткий лик, исполненный печали,
Выражал величье и покой;
Бледны были впалые ланиты,
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Как печать на нем легла.

IX

Посреди молчанья гробового
Он, вздохнув, отверз уста свои;
Полилось восторженное слово,
Как потока вешние струи:
«Цезарь! О, возьми меня с собою!
В Колизее ждет тебя народ...
Христиан, замученных тобою,
Кровь на небо вопиет.

X

Уж песок арены зверь взрывает...
Медлишь ты, бледнеешь и дрожишь!
Иль тебя то зрелище пугает?
Что ж смущен ты, цезарь, и молчишь?
Содрогнешься ль ты перед страданьем?
Иль твой слух еще не приучен
К детским крикам, к воплям и стенаньям
Старцев, юношей и жен?

XI

Мало ль их, смерть лютую приявших!
Мало ль их, истерзанных тобой!
Одного из тех перестрадавших
Ныне видишь ты перед собой.
Эта грудь — одна сплошная рана,
Вот моя кровавая броня!
Узнаешь ли ты Севастиана?
Узнаешь ли ты меня?

XII

Но сильней любовь и милосердье
Жала стрел убийственных твоих:
Я уход, заботу и усердье
Близ твоих чертогов золотых,
Под одною кровлею с тобою
Находил у праведных людей;
Я их доброй, ласковой семьею
От руки спасен твоей.

XIII

О, как тяжело было пробужденье
После казни той, когда я ждал,
Что очнуся в небе чрез мгновенье,
Осушив страдания фиал.
Но не мог расстаться я с землею,
Исцелела немощная плоть,
И ожившим, цезарь, пред тобою,
Мне предстать судил Господь.

XIV

Страха чужд, тебе отдавшись в руки,
Я пришел принять двойной венец.
Претерпеть опять готов я муки
И отважно встретить свой конец.
Цезарь, там, я слышу... гибнут братья.
С ними смертью пасть хочу одной!
К ним иду я кинуться в объятья, —
Цезарь! Я иду с тобой!»

XV

Недвижимо, притаив дыханье,
Как волшебным скованные сном,
Тем словам, в томительном молчанье,
Все внимали трепетно кругом.
Он умолк, и как от грез очнулся
Цезарь, а за ним и весь народ;
Гордый дух в нем снова встрепенулся
И над страхом верх берет.

XVI

«Надо мной ты смеешь издеваться
Или мнишь, что кары ты избег!
Червь со львом дерзает ли тягаться,
Или с Зевсом смертный человек?
Испытай же гордой головою,
Что мой гнев громов небес грозней
И что казнь, придуманная мною,
Когтя львиного страшней!

XVII

Пусть потрачены те стрелы даром.
Но палач мой справится с тобой:
Под тяжелым палицы ударом
Размозжится жалкий череп твой.
И погибнешь — миру в назиданье —
Ты за то, что вел безумный спор
С тем, кто власть свою могучей дланью
Над вселенною простер!»

XVIII

Он шагнул вперед; и всколыхалась
Словно море пестрая толпа.
В колоннадах снова песнь раздалась,
Свищут флейты, и гудит труба,
Плясуны вновь пляшут по ступеням,
Вновь грохочут бубны и кимвал,
И вдоль лестниц с кликами и пеньем
Лязг оружия зазвучал.

XIX

Но в последний раз борца Христова
С вышины слышались слова, —
И мгновенно все умолкло снова,
Как объято силой волшебства.
Над немой, смятенною толпою
Словно с неба слово то гремит
И ее, как Божьею грозою
Разражаяся, громит:

XX

«Ты ужели страхом новой казни
Возмечтал слугу Христа смутить?
Воин твой, о, цезарь, чужд боязни,
Казнь одну успел я пережить, —
Верь! Приму вторую также смело,
Умирая с радостью святой:
Погубить ты властен это тело,
Но не дух бессмертный мой.

XXI

О, Господь, простивший Иудеям,
На кресте их злобою распят,
Отпусти, прости моим злодеям:
И они не знают, что творят.
Пусть Христовой веры семенами
В глубине поляжем мы земли,
Чтоб побеги веры той с годами
Мощным деревом взошли.

XXII

Верю я! Уж время недалеко:
Зла и лжи с земли сбегает тень,
Небеса зарделися с востока, —
Близок, близок правды яркий день!
Уж вдали стекаются дружины,
Юный вождь свою собирает рать,
И ничем его полет орлиный
Вы не можете сдержать.

XXIII

Константин — тот вождь непобедимый!
Он восстанет Божиим посланцем,
Он восстанет, Промыслом хранимый,
Укрепленный Господом Христом.
Вижу я: в руке его державной
Стяг, крестом увенчанный, горит,
И богов он ваших в битве славной
Этим стягом победит.

XXIV

Тьму неправды властно расторгая,
Словно солнце пламенной зарей,
Засияют истина святая
И любовь над грешною землей.
И тогда, в день радости и мира,
Осенятся знаменьем креста
И воспрянут все народы мира,
Славя Господа Христа!»

Павловск
22 августа 1887

Из цикла

НОЧИ

* * *

Ни звезд, ни луны. Небеса в облаках.
Ветер замер. В лесу тишина.
Не дрогнёт ни единый листок на ветвях.
Эта ночь тайной неги полна!

Ни слез, ни борьбы, позабыт мир земной,
И одна лишь в душе благодать.
В упоении так сладостно с нежной тоской
Этой ночи безмолвной внимать!

Она овладела таинственно мной...
Ожидая чего-то, стою...
Полновластная ночь, я один пред тобой:
О, поведай мне тайну свою!

Близ станции Белой
2 октября 1889

* * *

Ах, эта ночь так дивно хороша!
Она томит и нас чарует снова...
О, говори: иль не найдется слова,
Чтоб высказать все, чем полна душа?

В такую ночь нельзя владеть собой,
 Из груди сердце вырваться готово!...
 Нет, замолчи: что́ может наше слово
 Пред нескза́нной прелестью такой?

Красное Село
5 июля 1890

* * *

Ночь. Небеса не усеяны звездами:
 В свете немеркнущем тонут оне.
 Чу! Соловьи залились над гнездами...
 Томно и больно, и трепетно мне...

Вдоволь бы песни наслушаться сладостной,
 Взором бы в небе тонуть голубом!
 Горе забыто душой жизнерадостной:
 Ночью ль такой помышлять о земном!

Красное Село
17 июля 1890

* * *

Тихая, теплая ночь. — Позабудь
 Жалкие нужды земли.
 Выйди, взгляни: высоко Млечный Путь
 Стелется в синей дали.

Что перед светлою звездной стезей
 Темные наши пути?
 Им, ознакомленным с ложью людской,
 Неба красой не цвести.

Глаз не сводил бы с лучистых высот!
— Выйди, зову тебя вновь:
В небо взглядишь, отрешься от забот,
К вечности душу готовь.

Павловск
22 августа 1900

СОНЕТЫ К НОЧИ

I

Что за краса в ночи благоуханной!
Мечтательно ласкает лунный свет;
Небесный свод, как ризой златотканной,
Огнями звезд бесчисленных одет.

О, если б там, в стране обетованной,
Где ни забот, ни слез, ни горя нет,
Душе расцвести красою первозданной,
Покинув мир страданий, зол и бед!

Но, может быть, там суждено забвенью
Всего того, чем в нежном умиленью
Здесь на земле пленялася душа?

Нет, будем жить! Хоть скорбью и тоскою
Больная грудь сжимается порою,
Хоть страждем мы, но жизнь так хороша!

Красное Село
23 июля 1890

II

За день труда, о, ночь, ты мне награда!
Мой тонет взор в безбрежной вышине,
Откуда ты глядишься в душу мне
Всею красотой нетленного наряда.

В сиянии твоём — что за услада
И что за мир в отрадной тишине!
Я признаю в сердечной глубине
Власть твоего чарующего взгляда.

Цари, о, ночь, и властвуй надо мной,
Чтоб мне забыть о суете земной,
Пред тайною твоей изнемогая,

И, немощным восхитив к небесам,
Окрепнувшим верни, о, неземная,
Меня земле, к заботам и трудам!

Контрксевиль
18 мая 1892

III

Здесь, в тишине задумчивого сада,
Опять, о, ночь, меня застанешь ты,
И все одной душа полна мечты,
Что я калиф, а ты — Шехеразада.

Последняя нарушена преграда
Меж миром слез и дольней суеты
И царством грез и горней красоты;
Я твой, о, ночь! Меж нами нет разлада.

Ты шепчешь мне про таинства небес,
И словно я с лица земли исчез,
Отдавшись весь твоей волшебной воле.

Калиф внимал красавице своей,
Но ты одна мне рассказала боле,
Чем в тысячу уведал он ночей.

Штадтгаген
11 июня 1892

IV

Люблю, о, ночь, я погружаться взором
В безоблачность небесной глубины.
Какая чистота! Как с вышины
Ласкаешь ты лазоревым убором!

Ты так светла, что меркнет лик луны,
Пустыней горнею плывя дозором,
И сонмы звезд бледнеющим узором
Двойной зари сияньем спалены.

О, нежная, прозрачно-голубая!
Гляжу, с тебя очей не отрывая,
Лицом к лицу пред тайною твоей.

Дай от тебя, о, ночь, мне научиться
Средь дольной тьмы душою становиться,
Как ты сама, все чище и светлей!

Новгород
21 июня 1899

V

Нет, не туда, о, ночь, в плененном созерцанье
Взор устремляется, где в ризе золотой,
В огнях и пурпуре сокрылся царь дневной,
Багряным заревом пылая на прощанье.

Усталые глаза хотят красы иной:
Там, у тебя они найдут очарованье,
Где кротко теплится нетленное сиянье
И млеет ясною и томной синевой.

От рубежа небес с его зарей огнистой
Я очи возвожу к твоей лазури чистой
И признаю меж нас таинственный союз.

Тебе, о, ночь, тебе, царице светозарной,
С восторгом радости, с молитвой благодарной
Я умиленную душою отдаюсь!

Стрельна
4 июля 1899

VI

Она плывет неслышно над землею,
Безмолвная, чарующая ночь;
Она плывет и манит за собою
И от земли меня уносит прочь.

И тихой к ней взываю я мольбою:
— О, ты, небес таинственная дочь!
Усталому и телом, и душою
Ты можешь, бестелесная, помочь.

Умчи меня в лазоревые бездны:
Свой лунный свет, свой кроткий пламень звездный
Во мрак души глубокий зарони;

И тайною меня обвеяв чудной,
Дай отдохнуть от жизни многотрудной
И в сердце мир и тишину вдохни.

*Мраморный дворец
19 сентября 1904*

VII

Какой восторг! Какая тишина!
Благоуханно ночи дуновенье;
И тайною истомой усыпленья
Природа сладостно напоена.

Тепло... Сияет кроткая луна...
И очарованный, в благоговенье
Я весь объят расцветом обновленья,
И надо мною властвует весна.

Апрельской ночи полумрак волшебный
Тебя, мой стих мечтательно-хвалебный,
Из глубины души опять исторг.

Цветущую я созерцаю землю
И, восхищен, весне и ночи внемлю...
Какая тишина! Какой восторг!

*Павловск
21 апреля 1906*

VIII

О, лунная ночная красота,
Я пред тобой опять благоговею.
Пред тишиной и кротостью твоею
Опять немеют грешные уста.

Так непорочна эта чистота,
Так девственна, что, омовенный ею,
Восторгом я томлюсь и пламенею.
Как эта ночь, будь, о, душа, чиста!

Отдайся вся ее целебной власти,
Забудь земли и помыслы, и страсти,
Дай пронизать себя лучам луны.

И просветленней, бестелесней ночи,
И мира полная, и тишины,
Ты вечности самой заглянешь в очи.

Осташево
17 августа 1909

БУДДА

Годы долгие в молитве
На скале проводит он.
К небесам воздеты руки,
Взор в пространство устремлен.
Выше туч святому старцу
И отрадней, и вольней:
Там к Создателю он ближе,
Там он дале от людей.

А внизу необозримо
Гладь безбрежная кругом
Разлилась и тихо дышит
На просторе голубом;
Солнце ходит, месяц светит,
Звезды блещут; вокруг скалы
Реют мощными крылами
Над пучиною орлы;

Но красую Божья мира
Муж святой не восхищен:
К небесам воздеты руки,
Взор в пространство устремлен.
Он не слышит, как порою
Грозно воеет ураган,
Как внизу грохочут громы
И бушует океан.

Неподвижный, цепenea
В созерцанье Божества,
Над измученною плотью
Духа ждет он торжества,
Ждет безмолвия Нирваны
И забвения всего,
В чем отрада человека
И страдание его.

С той поры, когда свой подвиг
Стал свершать он, каждый год,
Как шумел крылами в небе
Первых ласточек прилет,

Пташка старцу щебетала,
Что опять весна пришла,
И гнездо в иссохшей длани
Безбоязненно вила.

И в руке его простертой,
Средь заоблачных высот,
Много птенчиков крылатых
Выводилось каждый год.
И уж праведнику мнилось,
Что навеки стал он чужд
Упований и желаний,
И земных страстей, и нужд.

Что же ласточек все ждет он
С нетерпеньем из-за гор?
Разве снег еще не стаял?
Разве года нет с тех пор,
Как последние вспорхнули
И, простясь с родным гнездом,
Белогрудые, в тумане
Потонули голубом?

И о них воспоминанья
Отогнать не может он.
Для того ль он мир покинул,
Звал забвенья вечный сон,
Заглушал борьбою с плотью
Всякий помысел земной,
Чтобы пташки мимолетной
Ждать с ребяческой тоской?

Иль не все еще живое
Страшный подвиг в нем убил?
Или тщетно истязанье?
Или... Чу! не шум ли крыл?
Он глядит: в лучах восхода
Мчится с дальней стороны
Стая ласточек, — все ближе
Провозвестницы весны,

Ближе!.. Но к нему не вьется
Ни единая из них...
Стая, мимо уплывая,
Тонет в безднах голубых...
И у праведника, руки
Простирающего к ней,
Слезы градом полилися
Из померкнувших очей.

Гатчина
8 декабря 1891

Из цикла
В СТРОЮ

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ДОСУГ¹

Собираясь, как жрецы на жертвоприношение,
Перед художества священным алтарем,
Служа искусству, мы свои произведенья
На суд товарищей смиренно отдаем.

Не ищем мы, друзья, ни славы, ни хвалений, —
Пусть безымянные в могиле мы уснем,
Лишь бы Измайловцы грядущих поколений,
Священнодействуя пред тем же алтарем,

Собравшись, как и мы, стремяся к той же цели,
В досужие часы чрез многие года
Те песни вспомнили, что мы когда-то пели,
Не забывая нас и нашего труда.

Гремите, пойте же, Измайловские струны,
Во имя доблести, добра и красоты!
И меч наш с лирою неопытной и юной
Да оплетут нежней художества цветы.

С.-Петербург
9 января 1885

---

¹ Так называются литературные вечера л.-гв. в Измайловском полку. Стихотворение написано к состязанию на одном из этих вечеров.

ИЗ ЛАГЕРНЫХ ЗАМЕТОК

Знакомые места! Здесь над оврагом
Стояли мы привалом прошлый год:
Мы долго шли все в ногу, крупным шагом
И сделали далекий переход.
Составив ружья, кто на суковатом
Уселся пне, кто скатку подложил,
Одолженную вежливым солдатом,
А мне сиденьем барабан служил.
Увешанный медалями, крестами,
Степенно, важно, сидя на бревне,
Курил фельдфебель трубку в стороне.
Фланговый шапку украшал цветами,
Один прилаживал манерку к ранцу,
Другой зевал, — раздался храп и свист;
Дремавшему на травке новобранцу
Стеблем цветка нос щекотал горнист.
А вот и луг за рощею тенистой,
Где на участке ротный жалонёр
Нарвал мне ландышей букет душистый,
Пока мы брали приступом забор.
Вот речка, — здесь победу одержали
Мы над петрушками¹; был славный бой!
Одну сторожку мы атаковали,
Где овладел противник высотой.
Я людям прочитал нравоученье
И вкратце объяснил атаки ход;
У «скачек» начали мы наступленье;

---

¹ Цветные значки, обозначающие противника: красные - артиллерию, желтые — резерв, белые — цепь.

По правилам — шагов за восемьсот —
В атаку перешли; два первых взвода
В цепи. Была чудесная погода, —
Полковник наш отъехал далеко, —
Дышалось так свободно и легко.
Цель перебежками все подвигалась,
Пока во рву не удалось залечь.
Я подозвал резерв; тут открывалась
Позиция врага. Его картечь
Давно бы всех перекрошила нас,
Но там не неприятельская пушка
Была, а только красная петрушка!
И стойко мы держались. Здесь как раз
Мы очутились на краю обрыва,
Где перекинут мост через реку.
Четвертый взвод за третий вздвоил живо,
Ура! — и мы на вражьем берегу
Рассыпались. Вторая полурота
В цепи, а взводы первый и второй
Теперь в резерв сомкнулись за рекой.
Нам предстояла главная работа:
Уж близко неприятеля стрелки,
Уж подготовлен был удар в штыки,
И я шагов за двести приказал
Горнисту с барабанщиком сигнал
Подать к атаке. Не поняв, в чем дело,
Цель на петрушек бросилась бегом;
Ура на всю окрестность загредело,
И по дороге пыль взвилась столбом.
Но вот уж храбрецы приутомились,
Пройдя с утра верст десять по жаре,
Бегут все тише и... остановились.

А белая петрушка на горе,
Недосягаема, неуязвима,
Торчит одна, цела и невредима!
«Поручик Дрентельн! Где ваш третий взвод?
Назад! Кто вас просил начать атаку?
Мы все сначала повторим».

И вот

Назад по моему вернулись знаку
Мои богатыри со всех сторон;
И взводному я унтер-офицеру
Стал выговаривать за то, что он
Не выучился лучше глазомеру,
Что слишком рано закричал ура,
Что лишь тогда в штыки идти пора,
Когда уверен, что ничто не может
Атаки нашей боле удержать,
Что все она сомнет и уничтожит.

Поручику Цицовичу начать
Все снова поручил я. И опять
Под мнимым мы огнем перебежали
Все тот же мост; цепь снова рассыпали,
Раздался звук знакомого сигнала,
И сомкнутая часть к нам подбежала.
Опять вступили мы в отважный бой,
Но уж теперь я сам повел атаку
И шашкой замахал над головой;
Мои бойцы чуть не вступили в драку
С петрушками; стремглав они бегут,
И высота осталась за нами.

Мы торжествуем, наш окончен труд,
И утираем пот с лица платками.
Знакомые места, где мы не раз
Учились с Государевою ротой,
Где с конницей дрались мы и с пехотой, —
Как нежно, горячо люблю я вас!
Я вас люблю все более и боле,
И каждый лес люблю, деревню, поле,
Люблю и зелень каждого куста!
О, юная, лихая жизнь на воле,
О, милые, знакомые места!

*Павловск
1 июля 1885*

УМЕР

Умер, бедняга! В больнице военной
Долго родимый лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал...
Рано его от семьи оторвали:
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать!
С невыразимой тоскою во взоре
Мужа жена обняла;
Полную чашу великого горя
Рано она испила.
И протянул к нему с плачем ручонки
Мальчик-малютка грудной...

...Из виду скрылись родные избенки,
Край он покинул родной.
В гвардию был он назначен, в пехоту,
В полк наш по долгом пути;
Сдали его в Государеву роту
Царскую службу нести.
С виду пригожий он был новобранец,
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смысленый, живой;
С еле заметным пушком над губами,
С честным открытым лицом,
Волосом рус, с голубыми глазами,
Ну, молодец молодцом.
Был у ефрейтора он на поруке,
К участи новой привык,
Приноровился к военной науке,
Сметливый был ученик.
Старым его уж считали солдатом,
Стал он любимцем полка;
В этом Измайловце щеголеватом
Кто бы узнал мужика!
Он безупречно во всяком наряде
Службу свою отбывал,
А по стрельбе скоро в первом разряде
Ротный его записал.
Мы бы в учебной команде зимою
Стали его обучать,
И подготовленный, он бы весною
В роту вернулся опять;
Славным со временем был бы он взводным...
Но не сбылись те мечты!

...Кончились лагеря; ветром холодным
Желтые сдуло листы,
Серый спустился туман на столицу,
Льются дожди без конца...
В осень ненастную сдали в больницу
Нашего мы молодца.
Таял он, словно свеча, понемногу
В нашем суровом краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдал он душу свою.
Умер вдали от родного селенья,
Умер в разлуке с семьей,
Без материнского благословенья
Этот солдат молодой.
Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полк о кончине его известили, —
Хлопоты с мертвым пошли:
В старый одели мундир, положили
В гроб и в часовню снесли.
К выносу тела в военной больнице
Взвод был от нас наряжен...
По небу тучи неслись вереницей
В утро его похорон;
Выла и плакала снежная вьюга
С жалобным воплем таким,
Плача об участи нашего друга,
Словно рыдая над ним!
Вынесли гроб; привязали на дроги,
И по худой мостовой

Серая кляча знакомой дорогой
Их потащила рысцей.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтоб до угла хоть дойти:
Взводу до первого лишь поворота
Надо за гробом идти.
Дрогам вослед мы глядели, глядели
Долго с печалью немой...
Перекрестились, шапки надели
И воротились домой...
Люди чужие солдата зарюют
В мерзлой земле глубоко,
Там, за заставой, где ветры лишь воют,
Где-то в глуши далеко.
Спи же, товарищ ты наш, одиноко!
Спи же, покойся себе
В этой могилке сырой и глубокой!
Вечная память тебе!

Мыза Смерди
22 августа 1885

В ДЕЖУРНОЙ ПАЛАТКЕ

I

Гаснет день. Я сижу под палаткою
И гляжу, как гряды облаков
Мчатся тенью прозрачной и шаткою
Над зеленым простором лугов.

Приутихли беседы веселые;
Вечер... Все разбрелось на покой;
Только поступью ровной, тяжелою
Ходит взад и вперед часовой.

И легко, и привольно так дышится
После долгого, знойного дня;
Где-то песня солдатская слышится...

И сижу я один без огня...
Тихо полог палатки колышится,
Сладкий сон обвеваает меня...

*Красное Село
14 июля 1886*

II

Снова дежурю я в этой палатке;
Ходит, как в прежние дни, часовой
Взад и вперед по песчаной площадке...
Стелется зелень лугов предо мной.
Здесь далеки мы от шумного света,
Здесь мы не знаем тревожных забот.
Жизнь наша рвением горячим согрета,
Каждый здесь царскую службу несет.

Вот отчего мне так милы и любы
Эти стоянки под Красным Селом,
Говор солдатский веселый и грубый,
Шепот кудрявых березок кругом,
Эта укромная наша палатка,
Этот широкий простор луговой...
В лагерной жизни труда и порядка
Я молодею и крепну душой!

*Красное Село
31 мая 1888*

III

Вот и опять под этой же палаткой
Сижу один, как в прежние года.
Мне не забыть, о, муза, как украдкой,
Незримая, являлась ты сюда!

Лишь только ночь, бывало, в небе ясном
Своих огней заводит хоровод,
Уж сердцем я, всегда тебе подвластным,
Невольно твой угадывал приход.

Я замирал, восторгов чистых полный
Под взором глаз невидимых твоих,
И в этот час, таинственно-безмолвный,
Пленительный в душе слагался стих.

О, если бы тот миг учуять снова!
Уже во тьме узоры звезд зажглись.
Все спит кругом. Душа моя готова.
Я жду тебя... О, муза, появись!

*Красное Село
5 июля 1889*

IV

Ты снова со мною, о, муза моя,
Здесь, под лагерной этой палаткою;
Вновь песни любимые слушаю я,
Упиваясь их негою сладкою.

Те песни дают постигать красоту,
Где ее угадать и не чается:
От них, как от вешних лучей, все в цвету,
Все в волшебные сны облекается.

Тобой вразумленный, я в песнях твоих
Полюбил нашу долю солдатскую,
И все, что прекрасно в ней, вылилось в стих,
Вдохновленный любовью братскою,

И обдало новою жизнью меня,
Жизнью, полною смысла и рвеня.
Прими ж в благодарность, о, муза моя,
Этот радостный возглас хваления!

*Красное Село
2 июня 1890*

УВОЛЕН

Уволен! Отслужена служба солдата,
Пять лет пронеслись словно день;
По-прежнему примет родимая хата
Его под радушную сень.
Там ждет не дождется жена молодая,
Там ждут и сынишка, и мать...
Малютка-то вырос, отца поджидая,
Пожалуй, его не узнать.
Уж близко теперь: вот знакомые нивы
И речка, и жиденский мост;

Вот церковь белеет, и старые ивы
Склонились на мирный погост;
Вот избы: все снегом пушистым одето,
Овин, огороды, гумно,
И трудно поверить ему, что все это
Покинуто им так давно.
Как будто вчера лишь с родной, дорогою
Семьей разлучили его.
Седая старушка дрожащей рукою
Крестила сына своего;
Вся бледная мужу повисла на шею,
От слез надрываясь, жена:
Всего лишь два годика прожил он с нею,
Уж с ним расставалась она.
Покойник отец был испытан годами,
Сурового нрава мужик,
Но как ни крепился, — не сладил с слезами,
Прощаясь с сыном, старик.
Болезненно сердце заняло тоскою
У нашего парня в груди:
Все счастье, казалось, разбито судьбою,
И горе одно впереди...
Но в горе мужает душа человека:
Кто в жизни бедой закален,
Тот духом сильнее. Таков уж от века
Нам Богом положен закон.

Солдатом он стал Государевой роты
В одном из гвардейских полков;
Сначала скучал без обычной работы,
Оторван от сельских трудов.

И шумно, и душно казалось в столице
Ему после тихих полей,
Где рос на свободе он вольною птицей
На родине милой своей.
И долго по ней тосковал он... Но время
И молодость взяли свое, —
Привык, и слюбилось солдатское бремя
И новое это житье.
Товарищей добрых нашлося довольно,
Таких же, как он, молодцов,
От той же отторгнутых жизни привольной,
От жен, матерей и отцов.
Им стала второю семьею та рота,
Сроднил меж собою их полк,
Одна их связала друг с другом забота,
И царская служба, и долг.
Тот долг исполняя во всем терпеливо
Не ради похвал и наград,
Служил он усердно, исправно, ретиво,
Как служит наш русский солдат.
Веселый и ревностный, бойкий, смышленный,
Он с честью носил свой мундир,
И вышел лихой из него отделенный
И взводный потом командир.

Идут ли походом в дни жаркие лета,
И все приуныли в пути,
Он бодр и беспечен, хотя б на край света
Еще приходилось идти.
Дожди ли над лагерем нашим польются,
Тоску наводя на людей,

В палатке его и поют, и смеются,
Хоть вымокли все до костей.
Зимой, в долгий вечер, в казарме толпою
Солдаты его окружают;
Товарищам книжку прочесть иль простою
Занять их беседой он рад.
Когда ж на покой разбредутся, то волю
Заветным мечтам он дает,
Родных вспоминает, их горькую долю
И долго очей не сомкнет.

Немного вестей приходило оттуда;
Писали, уж с год, что постом
В могилу отца уложила простуда,
И не было писем потом.
Теперь что́-то сталося с ними? Быть может,
Ему изменила жена?..
И сердце тоска безотчетная гложет,
Душа злой кручины полна...
А время летело; с родными свиданья
Уж близился радостный час,
Стрелкою промчались дни ожиданья,
И был он уволен в запас.
И вот наконец он на родине милой,
Подходит к деревне родной...
Забилось сердце, и дух захватило,
От радости сам он не свой.
Вот с края деревни знакомая крыша
Приветливо манит к себе;
Все шибче, земли под ногами не слыша,
Бежит он к родимой избе.

И все с каждым шагом растет нетерпенье...

Вот, вот она, хата его!

Но что это значит? В каком разрушенье:

Дверь настежь, внутри — никого;

Повыбиты стекла, свалились ворота...

Но что же жены не видать?

Иль, может, нашлась ей какая работа,

А с ней и сынишка, и мать?

И душу тревожит дурная примета...

Спросить бы соседей?.. Но к ним

Идти он боится, страшася ответа,

Предчувствием смутным томим.

Задами, послушный неведомой силе,

Он к церкви неспешной стопой

Идет поклониться отцовской могиле

И думает: тою порой

Вернутся родные...

По кладбищу бродит

Он между могил и крестов;

Легко на одном незнакомом находит

Он надпись из нескольких слов.

У самой ограды под старой сосною

Отец его был схоронен.

И набожно воин, крестясь рукою,

Кладет за поклоном поклон.

Других два креста та сосна осенила

Угрюмою тенью своей,

И свежая детская чья-то могила

Ютилася тут же под ней.

Случайным, рассеянным взглядом невольно

Прочел имена он, и вдруг

В глазах помутилось, грудь сжалась так больно,
И выпала шапка из рук.
Опять, пораженный, как грома ударом,
Читает те надписи он, —
Глаза не ошиблись: на службе недаром
Он грамоте был обучен.
И снова не веря, он снова читает
Все те ж роковые слова...
Кручина жестокая сердце терзает,
Поникла на грудь голова.
Ему те надгробные строки сказали,
Что счастье погибло навек:
Что некому высказать лютой печали,
Что лишний он стал человек,
Что тех, кто так дороги были и милы,
Ему не видать никогда,
Что в мире остались ему лишь могилы,
Лишь горе да злая нужда...
Садилось солнце; зарею вечерней
Румяный зардел небосклон;
Смеркалось... Ударили в церкви к вечерне,
И тихий слышался звон.
Лились, замирая вдали, эти звуки,
Как зов милосердный Того,
Кто дал человеку душевные муки
И в горе утешит его.

*Павловск
10 сентября 1888*

НА 25-ЛЕТИЕ ИЗМАЙЛОВСКОГО ДОСУГА

Робко мы в храме огонь возжигали
С жертвой смиренной своей,
Не проникая туманные дали
Жречества будущих дней.

Лиру и меч мы сплетали цветами
И не гадали о том,
Как наш алтарь разгорится с годами
Светлым и жарким огнем.

Вам завещаем мы наше служенье:
Старым пора на покой, —
Юное, полное сил поколение
Пусть нас заменит собой.

О, да не гаснет наш пламень заветный,
Бережно вами храним!
Пусть он пылает отрадный, приветный,
Пусть озаряются им

Долго Досуги! Дверь храма родного
Двадцать пять лет отперта;
Нам ее отперли эти три слова:
Доблесть, добро, красота.

Павловск
2 ноября 1909

СОЛДАТСКИЕ СОНЕТЫ

I

НОВОБРАНЦУ

Теперь ты наш. Прости, родная хата,
Прости, семья! С военною семьей
Сольешься ты родством меньшого брата,
И светлый путь лежит перед тобой.

Усердием душа твоя богата,
Хоть дремлет ум, объят глубокой тьмой;
Но верность, честь, все доблести солдата
Тебе внушит отныне долг святой.

И прежний мрак уступит дня сиянью:
Все доброе, досель в груди твоей
Дремавшее, пробудится к сознанию;

Когда ж придешь к своим, в простор полей,
Не изменяй высокому призванью
И сей добро на родине своей!

*С.-Петербург
11 января 1891*

II

ЧАСОВОМУ

Взят от сохи, полей вчерашний житель,
Ты на часах сегодня, рядовой,
Недремлющий терпенья выразитель,
Неколебим, могуч и тверд душой.

Предстань тебе крылатый небожитель
И повели с поста сойти долой, —
Не внял бы ты: лишь тот твой повелитель,
Чьим словом здесь стоишь ты, часовой.

Твоя рука оружия не положит,
Тебя ничто лишить его не может,
Ты лишь Царю отдать его готов.

В глазах толпы пусть твой удел ничтожен.
Нет! На тебя великий долг возложен:
Здесь на посту ты Божий да Царев!

*С.-Петербург
13 февраля 1891*

III

ПРЕД УВОЛЬНЕНИЕМ

В его глазах прочел я скорбь немую,
Лишь он предстал впервые предо мной:
Семью и дом, и сторону родную
Покинул он для жизни боевой.

Прошли года. Всю силу молодую,
Весь рьяный пыл он в долг влагает свой.
Усердие и простоту святую —
Как не любить в солдате всей душой?

И я люблю с отеческой заботой;
Но сжиться он едва успеет с ротой,
Как подойдет срок выслуженных лет.

Я с ним делил и радости, и горе,
А он — печаль в моем прочтет ли взоре,
Которым я взгляну ему вослед?

*Красное Село
26 июля 1890*

IV

ПОЛК

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас — все так же ново
И знаменует нам и братство и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою!¹
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,

---

¹ *В а р и а н т:*

О, ветхий наш штандарт, краса полка родного,
Ты, бранной славою увенчанный в бою!

Лихая удаля, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и вере православной
В едином слове том сливается: наш полк!

Красное Село
31 мая 1899

V

ПОРТ-АРТУРЦАМ

Среди громов и молний бури бранной
Твердыни вы незыблемый оплот.
Смерть, в очи вам глядяся непрестанно,
Борцам венцы бессмертия плетет.

О, страстотерпцы! Мукой несказанной
Запечатлен осады грозный год...
За ужасы лишений и невзгод
Блеснет ли вам свободы день желанный?

Вы претерпеть готовы до конца;
Богатырей в вас ожили сердца
С их мужеством, отвагою и рвением.

России слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш, страдания и кровь
Мы скорбью платим вам, и восхищеньем.

Псков
8 декабря 1904

VI

КАДЕТУ

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой.
Ты не один: орлиная вы стая.

Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела:
Ей нужны труд и знанье, и усилья.

Пускай твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя.

*Воронеж — Вольск
11 марта 1909*

VII

ЮНКЕРУ

Ты — что рассвета вешняя заря:
Минула ночь, до дня еще далеко,
Как утра блеск твое сияет око,
Решимостью и удалью горя.

Мир тесен для тебя: вдаль за моря
Стремишься ты, за облака высоко,
И рад сражаться с недругом жестоко
За родину, за веру, за Царя.

Повеет лето за весной прекрасной.
О, встречу его, храня душою ясной
Отвагу, доблесть, мужество и честь;

Чтобы закатом осени холодной
До зимней тьмы стезею благородной
Светильник правды и добра донести.

Полоцк
6 декабря 1910

*Царь
Иудейский*

Царь Иудейский

Драма
в четырех действиях
и пяти картинах

*Благодарно посвящается
вечно дорогой памяти незабвенного
ПАВЛА ЕГОРОВИЧА КЕППЕНА*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Понтий Пилат, прокуратор Иудей.

Прокула, его жена.

Иосиф Аримафейский } члены синедриона.
Никодим }

Иоанна, жена Иродова домоправителя.

Префект когорты.

1-й трибун легиона.

2-й трибун легиона.

Центурион.

Саддукей.

1-й }
2-й } фарисей.
3-й }
4-й }

Симон Кириянин, садовник Иосифа.

Александр, невольник Прокулы } сыновья
 Руф, поселянин } Симона.

Лия, иудейка, невольница Прокулы.

Вартимей, поселянин из окрестностей Иерихона.

1-я }
 2-я } мироносицы.
 3-я }

1-й }
 2-й }
 3-й }
 4-й } из народа
 5-й }

1-я }
 2-я } женщины

1-я }
 2-я } девушки — продавщицы цветов.

Слуга Иосифа.

Голос глашатая.

Голос левита.

Сирийские рабы }
 Сирийские рабыни } пляшущие, без речей.

Воины, невольники, народ.

Действие в Иерусалиме; оно обнимает неделю от торжественного входа в этот город Христа Спасителя до дня Воскресения Христова. Между первым и вторым действиями проходит четверо суток; между третьим и четвертым — с небольшим сутки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

У городской стены; она со своими башнями тянется слева, глубоко вдаль. В стене на первом плане ворота; видна только верхняя их часть, нижняя же скрывается под сценой. Дорога, ведущая от них, пролегая ниже уровня сцены, в начале не видна и, постепенно поднимаясь, сравнивается с полом сцены правее ее середины. Здесь дорога загибает влево и, все повышаясь, доводит до узкого прохода, сделанного в здании на заднем плане в глубине, правее середины. Отсюда дорога круто заворачивает влево и тянется на высоте в глубине сцены параллельно рампе, до городской стены, проходя мимо нескольких лавок, где торгуют различным товаром. Эти лавки замыкают вид в глубину слева; плоская крыша их навеса при поднятии занавеса густо занята народом. Дорога, изгибаясь, образует слева площадку, посреди которой растет вековая развесистая маслина, за объемистым стволом которой могут скрыться два человека; между могучих корней этого дерева врос в землю большой камень, служащий сиденьем. С этой площадки слева, приткнувшись к зданиям, которые лепятся вдоль городской стены, ведет вверх узкая лестница с каменной стенкой; ступенями этой лестницы площадка соединена с проходящей в глубине над нею дорогой. Справа площадка замыкается водоемом, выходящим на образуемый дорогой уклон. Справа на первом плане, против водоема, помещение центуриона и составляющих стражу воинов; с дороги к двери этого помещения ведут несколько ступеней, а самая дверь, расположенная наискось, не видна. Это помещение воинов тянется в глубину и соединяется со зданием, в котором сделан уже упомянутый узкий проход. На площадке, примыкающей к этим постройкам, возвышаются несколько старых запыленных кипарисов. Справа на авансцене, между дорогой и ступенями, ведущими к воинам, угол на уровне пола сцены; в этом углу каменная скамья, прислоненная к стенке, ограждающей ступени. Вечереет. До поднятия занавеса слышны клики восторженной народной толпы.

Явление первое

Сцена запружена народом. У многих в руках пальмовые и масличные ветви и цветы. Уклон дороги до узкого прохода, сделанного в здании на заднем плане, забросан цветами и зеленью и устлан верхними одеждами. За проходом из глубины города слышны постепенно удаляющиеся клики. В проходе давка. Среди общего ликования и радостного шума раздаются отдельные голоса.

1-й из народа

Благословен Давидов сын!

2-й

Осанна!

1-й

Осанна! Царь Израилев, грядущий
Во имя Господа!

2-й

Осанна в вышних!

1-й

Благословен наш Царь!

2-й

На небе мир,

И слава в вышних!

1-й

Будь благословенно
Грядущее во имя Бога царство
Царя Давида, нашего отца!

3-й

Кто это?

4-й (*презрительно*).

Галилеянин!

5-й (*с верою*).

Пророк!

1-й

То Иисус, пророк из Назарета.

1-я женщина

Смотри, вот след копыт Его ослицы.

2-я

Я подостлала свой платок; по нем
Она ступала со своим осленком.

1-я

Дай мне платок, отдай!

2-я

О, нет! Его я
На память о Пророке сохраню. (*Шум тише.*)

В а р т и м е й

¹ [Нет, не протиснуться! Я опоздал.
Дождуся здесь. Когда закат померкнет
И с неба первые заблещут звезды,
Он здесь пройдет в Вифанию обратно.
К ученикам Его пристану я,
И на Себя позволит наглядеться
Божественный, вернувший зренье мне.

Проходят девушки, продавщицы цветов,
с пустыми корзинами.

1-я девушка

Вернусь домой с пустыми я руками:
Толпа забрала все мои цветы
И под ноги Пророку побросала.

2-я

Сестра, не сетуй, что за целый день
Труда пропал наш заработок даром.
Я добровольно путь Его устлала
Цветами орошенными лугов.
Верь, розы все и лилии твои
Господь наш примет жертвой благовонной,
Что принесла Его Пророку ты.

¹ Напечатанное в скобках при исполнении на сцене выпускается.

Он любит лилии полей; недаром
Он говорит о них, что даже сам
Царь Соломон в своей великой славе
Не одевался так роскошно в пурпур
И золото, как всякая из них.]

Саддукей

Обманщик Он! Охота же вам верить,
Что нищий свергнет Кесарево иго
И, воцарившись в городе святом,
Воссядет на Давидовом престоле.

Вартимей

Но и Давид не знатного был рода:
Вчера пастух — назавтра стал царем.

1-й фарисей

Презренный! Галилейского бродягу
С царем Давидом сравниваешь ты!

2-й из народа

Он бесноватых укрощает словом...

5-й

Он прокаженным здравие дает...

1-й

Учитель даже мертвых воскрешает...

Саддукей

То бабьи рассказы. Одни глупцы лишь
В наш век способны верить в чудеса.

1-я женщина

Но как не верить, если всенародно
Слепорожденному отверз Он очи...

2-я

В Наине юношу вернул Он к жизни,
У матери единственного сына.

1-й из народа

А в Галилее, в городе одном, —
В каком, теперь названья не припомню, —
Есть Иаир, начальник синагоги;
Он дочь его от смертного одра
Воздвиг...

2-й

Вчера в Вифании, я видел,
Восстал мертвец по слову Иисуса.

1-я

[Зачем ходить далеко: Вартимей,
Скажи нам, как тебя в Иерихоне
Избавил Он от слепоты твоей.

В ар т и м е й

Тому уже лет восемь будет скоро,
На молотье глаза я засорил;
Они болели долго; я все хуже
Стал видеть ими — и вконец ослеп.
Протягивать за подаяньем руку
Пришлось мне и милостыней жить.
Раз, сидя у ворот Иерихона,
Из города я шум далекий слышу:
Как будто моря бурные валы,
Рокоча, бьются о скалистый берег.
Все ближе, ближе шум толпы народной,
И в возгласах и кликах различил
Я имя Иисуса Назарея.
Я понял, что проходит предо мною
Тот праведный Пророк из Галилеи,
Кого молва зовет у нас Мессией,
Целителем недужных и калек
И другом обездоленных и нищих.
И стал взывать к Нему я со слезами:
— «О, Иисус, Давидов Сын, помилуй!» —
Меня молчать напрасно понуждали,
Я все кричал. Другие ж говорят:
— «Остановился Он; вставай, вставай же,
Иди, не бойся: Он тебя зовет». —
Я живо скинул верхнюю одежду,
Бегу к Нему, колени преклоняю
И слышу голос ласковый и тихий:
— «Чего ты хочешь от Меня?» — Ему
Я говорю: — «Учитель, чтоб прозреть мне!» —
И тот же дивный голос раздался —
О, и теперь в ушах моих звучит он:
— «Иди! Тебя твоя спасает вера!» —
И я прозрел.

2-я женщина

Ну, как Ему не верить!

Саддукей

Вольно вам верить нищему, бродяге!
Меня не убедит сновидец этот,
Помешанный, что бредит наяву.]

2-й фарисей

Учитель ваш обманщик, обольстителъ,
А не пророк и не Давидов сын.

Возбужденная толпа наступает на саддукея и фарисеев.

Вартимей

Он оскорбил Учителя!

1-я женщина

Пророка

Бесчестит он!

3-й фарисей

Молчать! Кто дал вам право
Его пророком звать?

4-й фарисей

Он не от Бога,

А лжепророк!

1-й из народа

Как смеешь ты хулить
Посланца Божия!

1-й фарисей

А ты как смеешь
Его посланцем Божьим признавать!

2-й из народа

Самарянин!

3-й

Пес!

5-й

Нечестивец!

2-й фарисей

Вон!

1-й из народа

Камнями их побить!

Саддукей (*подбежав к помещению воинов*).

Сюда!

Народ хватается за камни, угрожая саддукею и фарисеям.

1-й фарисей (*тоже у помещения воинов*).

На помощь!

Явление второе

На крики из двери выбегает римская стража
с центурионом во главе.

Центурион

Что здесь за шум?

Саддукей

Мы, воин благородный,
Здесь справиться не можем с низкой чернью:
Она царем провозгласить готова
Бродягу, нищего из Назарета;
А мы — мы чтим единого царя.

1-й фарисей

И вашего, и нашего владыку...

2-й

Да здравствует Тиверий!

3-й

Много лет,
И слава кесарю!

Вартимей (в сторону).

У, лицемеры!

1-й из народа (так же).

Приспешники!

2-й

Продать народ готовы
Они, дрожа за собственную шкуру.
(Ропот толпы.)

Центурион

Не страшен кесарю и не опасен
Безвредный галилейский проповедник.
Здесь, что ни день, усобья и раздор. (Фарисеям.)
Не сами ли затеяли вы ссору,
Толпу хулой Пророка раздражив?
Ступайте лучше по домам.

Саддукей и фарисеи спешно уходят в город.

Явление третье

Центурион (народу).

Уймитесь! (Воинам.)

Всех, у кого в руках найдется камень,
Схватить и заковать. Ну, разойтись!

Воины хватают некоторых и уводят.

Центурион уходит за ними. Народ разбегается с криками.

Явление четвертое

1-й из народа

Насильники!

2-й

Злодеи!

3-й

Палачи!

4-й

Нам долго ль иго римское терпеть!

5-й

Скорей бы от неверных нас избавил
Мессия!

1-я женщина

Воцарится Иисус —
И нас освободит...

2-я

Когда ж дождемся!

Сцена пустеет. Вартимей уходит налево.
Солнце начинает садиться. Местность залита красноватым
светом. Выходят, беседуя, Иосиф и Никодим.

Явление пятое

Никодим

[Сбылись слова Захарии пророка:
«Ликуй от радости, о, дочь Сиона!
Ликуй и торжествуй, Ерусалим!
К тебе грядет твой Избавитель, Царь твой,
Спасающий, и праведный, и кроткий,

Грядет к тебе, сидящий на ослице
И на осленке, сыне подъяремной».
Но душу мне сомнения терзают:
О, если б мог и я Его признать!]
Четвертый год идет уж, друг Иосиф,
Как Он впервые в Иерусалим
Пришел на праздник. Чистое ученье
И чудеса Его, каких никто
Творить не мог бы, если бы с ним не был
Господь, уже тогда внушили мне,
Что Он от Бога посланный Учитель.
[Уже тогда я тайно ночью темной
К Нему пошел, и дивные глаголы
Услышал от Него. Он говорил,
Что Царства Божия тот не увидит,
Кто не родится свыше от воды
И Духа.

Иосиф

Да, необычайны эти
Слова! И все же, как пловец, который
И сквозь туман угадывает берег, —
В неясной мгле таинственных речей
Я истину божественную чую...
Но продолжай: что дальше, Никодим?

Никодим

Дух дышит там, где хочет; голос Духа
Мы слышим и не ведаем, откуда
Приходит и куда уходит он.
Бывает так со всяким, кто от Духа
Рожден.

Иосиф

Но как же может это быть?

Никодим

Он говорил со мной о том, что знает,
Свидетельство давал о том, что видит.
Незловивый, Он кротко укорял,
Что земнородные не принимают
Свидетельства Его. Он о земном
Вещал, но не смогли мы верить, — как же
Уверуем, когда заговорит
Нам о небесном Он? Свет в мир явился.
Но в мире тьма была милее людям,
Чем свет, затем, что злы дела их были.
Творящий злое ненавидит свет
И не идет ко свету, полный страха,
Что свет деянья злые обличит,
А правое творящий сам ко свету
Идет, чтоб добрые его дела,
Содеянные в Боге, явны были.

Иосиф

Как глубоко мне в душу западают
Его проникновенные слова!
Ты повторяешь их с благоговеньем,
Три долгих года в сердце носишь их,
Готовый верить чистому ученью,
Ты чудотворца видишь в Иисусе
И все ж Мессию в Нем не признаешь?

Никодим

В том глубина страдания моего,
Что сердцем я давно Его признал,
Но ум и знание не допускают
Уверовать в любимую мечту.
[Могу ли я, Израилев учитель,
Пророков отменяя и закон,
Забыть все то, что им противоречит,
И с совестью сомненья примирить?]
Мы знаем: Иисус из Назарета —
Сын плотника, а Избавитель наш,
Израиля надежда, Моисеем
Издавна предреченный нам Мессия,
Восстанет из Давидова потомства
И в Вифлееме должен быть рожден.

Иосиф

Не сведущ я в законе и пророках...
[И не по мне их глубина и мудрость.
Благоговейно святость их я чту
И верую отеческим преданьям.]
Священные Писания глаголы
Напоминают звезды в небесах:
В тиши ночей из темно-синей дали
Загадочно, таинственно они
Льют нам свое сияние на землю;
Восхищены нетленною краскою,
Мы трепетно подъемлем взоры к ним,
Но их течение в вышине безбрежной,
Неисчислимость их нам непонятны,
Их светлый сонм непостижим и чужд.

Как звездочет, вникающий пытливо
В небес полных огненную книгу,
Ты изучил пророков и закон;
Я ж отдаюсь души слепому чувству,
Порывам сердца повинуюсь я.

Появляются Симон Кириянин,
ведя ослицу с осленком¹, и Руф.

Явление шестое

Симон (*Иосифу*).

Привет тебе, мой добрый господин!

Иосиф

Откуда, Симон?

Симон

Был я на работе
В полях и виноградниках твоих.
Вдруг слышатся из города мне крики
И шум какой-то: сад твой, господин,
От городской стены совсем ведь близко —
Я в город поспешил на голоса
И увидел на площади близ храма
Несметную толпу; она в восторге
Учителя, ликуя, провожала.
Он ехал впереди, и я узнал
Под Ним свою ослицу и осленка.

---

¹ Ослица с осленком на сцене не появляются.

Никодим

Но как они Учителю достались?

Руф

Так, господин, случилось это: дома
Я был один. Отец ушел работать, —
Послышались шаги. Глянул в окно я —
Пылит дорога. Вот, к ограде нашей
Какие-то два мужа подошли
И от ствола смоковницы тенистой
Хотят ослицу нашу отвязать.
— «Что делаете вы?» — им закричал я;
Они ж спокойно молвят мне в ответ:
— «Учителю нужна ослица ваша». —
Я посмотрел: от Виффагии шел
С толпой учеников Своих Учитель.
Усердно мы — отец, брат Александр
И я — чтим Иисуса. И охотно
Я уступил отцовскую ослицу.
Воссел Учитель, продолжая путь
Чрез гору Елеонскую в наш город.
Побрел и я за Ним. И вот с горы
Спускаться стали, и внизу открылся
Как на ладони весь Ерусалим,
В лучах горячих золотясь на солнце...
[Запели мы: «Осанна», слава Бога.
Заслыша песнь, из города навстречу
Нам повалил народ; и все росла
Толпа. Пророку нашему бросали
Мы под ноги одежды и цветы.
Лишь в городские Он вступил ворота,
Пришел в движенье весь Ерусалим,
И радостно звучал народный клик:

— «Осанна, Царь Израилев, осанна!» —
В толпе средь нас и знатные нашлись;
Недобрым оком глядя исподлобья
На Праведника нашего, они
Со злобой на ухо Ему шептали:
— «Учитель, удержи учеников». —
И им Он отвечал: — «Вам говорю Я:
Когда б ученики Мои замолкли,
То камни возопили бы за них!»]

Симон

У входа в храм остановился Он.
Я бросился Учителю навстречу
И под уздцы держал свою ослицу,
Когда с нее слезал Он. И, меня
Узнав, Он с кроткою взглянул улыбкой
Мне пристально в глаза и молвил тихо:
— «Ты оказал одну услугу Мне:
Другой жду от тебя Я вскоре, Симон». —
И с этим словом медленно всходить
Стал по широким мраморным ступеням
Он в Божий храм. [В притворе Соломона
Его подростки обступили. — Он
Детей так любит и так ласков с ними,
И дети льнут к Нему. — «Осанна Сыну
Давидову!» — запела их толпа,
Отцам и взрослым братьям подражая.
Когда ж первосвященник, негодуя,
Ему заметил: — «Или Ты не слышишь,
Что отроки поют?» — Пророк ответил
Словами нашего Царя Давида:
— «Из уст младенцев и грудных детей
Звучит хвала»...] — А я побрел домой,
Все думу думая, гадая тщетно,

Какую бы еще услугу вскоре
Мог оказать я Божью человеку.

Руф

Его слова сбываются всегда.

Симон

Пора домой мне с Руфом. Добрый вечер!
Храни вас, Боже!

Иосиф

Мир тебе. Прощай!

Симон и Руф уходят.
Иосиф и Никодим садятся под маслиной слева.

Никодим

[Я с завистью смотрю и умилением
На простодушие этих поселян.
Они по зову сердца слепо верят,
Не ведая сомнений. Словно птицы
Небесные иль полевые звери,
Они пытливой мыслью не стучатся
В чертога знания запертую дверь.
Им жизнь ясна, страх смерти им неведом,
И нет для них загадки бытия.

Иосиф

Народ признал Мессию в Иисусе,
Но наши фарисеи, саддукеи,
Законники и книжники навряд
Народную в Него разделят веру.

Не по душе им проповедь Его.
Учение любви и всепрощенья
Не привлечет того, кто сердцем черств,
А гордость их, корысть и лицемерье
Суровых не потерпят обличений.
В среде синедриона злоба зреет,
Борьба идет не на живот, а на́ смерть,
И должен в ней погибнуть Иисус!]

Явление седьмое

Входят саддукей и несколько фарисеев.
Они не замечают Иосифа и Никодима.

Саддукей

Об Иисусе можно здесь свободно
Поговорить...

Никодим

Об Иисусе? Слышишь,
Иосиф?

Иосиф

Слышу, слышу. Нам с тобою
Они знакомы. Неохота мне
Встречаться с ними: доброго не жду я
От них. (*Пытается уйти.*)

Никодим (*задерживая Иосифа*).

Молчи!

1-й фарисей

Я в храме не был. Что же
Случилось там, скажи?

Саддукей

А вот что; слушай:
Тот, бесом одержимый, галилейский
Пророк, а попросту — бродяга, нищий...

1-й

Ну, знаю. Дальше!

Саддукей

В храм забрался...

2-й фарисей

Где-то

Веревку поднял, свил ее жгутом
И, угрожая, стал распоряжаться:
Гнать покупающих и продающих.

3-й

Скамьи торговцев голубями Он
Принялся опрокидывать...

4-й

А также

Столы меновщиков...

Саддукей

Не позволяя
Через храм пронести какую-либо вещь...

2-й

Хотя там был и сам первосвященник, —
Стал разглагольствовать, напоминая
Толпе слова Исаии-пророка:
«Для всех народов будет дом Мой домом
Молитвы; вы же сотворили в нем
Вертеп разбойников».

1-й

Нет, это слишком!
Пора унять Его!

2-й

Какая дерзость!

1-й

Расправиться бы с Ним!

Саддукей

На то и звал
Тебя я вон из города. На воле,
Здесь, вдалеке от проклятой толпы,
Что за своим Мессией самозванным
Бежит, как стадо глупое баранов,
Обсудим лучше мы, что делать нам.

Пусть с вами, фарисеями, нередко
Мы, саддукеи, ладить не хотим.
Но Иисус и вам, и нам опасен:
Объединиться мы должны теперь.
Вы видите, мы сладить с Ним не в силах:
Весь мир идет за Ним из-за чудес,
Им якобы творимых. Коль Его мы
Оставим на свободе, наш народ
Уверует в Него, а там, пожалуй,
Провозгласит царем над Иудеей.
И римляне тогда, бесповоротно
Страною нашей завладев, разрушат
Святой Сион и Соломонов храм.

1-й

Не лучше ль для избранныго народа,
Чтоб галилеянин один погиб,
Чем гибнуть всем из-за Него?

2-й

Конечно.

Спасти бы нам хоть призрак той свободы,
Которую еще дарит нам Рим!

3-й

Да здравствует вовеки Иудея!

4-й

Да здравствует Израильский народ!

1-й

Смерть Назарею!

2-й

Гибель лжепророку!

3-й

Да гибнет галилеянин!

4-й

На смерть!

Саддукей

Вы ничего не смыслите! И тронуть
Теперь вам не дадут Его. Народ
Им только лишь и бредит. Не сейчас ли
Вы сами видели, с каким восторгом
За Ним текла бессмысленная чернь?
Она камнями мигом забрасает
Того, кто б не почтил ее кумира.
Но дайте срок: остынет этот пыл.
И если без народа...

1-й (*вполголоса*).

Понимаю!

Тайком...

2-й (*так же*).

В глухом, безлюдном месте...

3-й (*так же*).

Ночью...

1-й

Впотьмах...

Са ддукей

Внезапно схватим Иисуса...

1-й

Сведем к первосвященнику на суд...

2-й

Свидетелей найдем...

3-й

Вину подыщем...

4-й

И к смерти без труда приговорим.

И о с и ф *(тихо Никодиму)*.

Какая низость! Изверги, убийцы!
Их молча слушать — свыше сил моих.

Н и к о д и м *(так же)*.

Молчи! Зачем нам связываться с ними!

Са ддукей

И эта же толпа, за Ним сегодня
Бежавшая как за своим Царем,
Боготворившая Его, поверит

Посмевающим осудить ее Мессию
И будет казни требовать Его.

2-й

Да, да, ты прав: народ непостоянен
И переменчив, как весной погода.

1-й

Но чтоб Его схватить в пустынном месте,
Не при народе, надо б разузнать,
Где пребывает Он, где ночь проводит...

Са д д у к е й

Об этом всем разведать я успел.
Среди Его учеников знаком мне
Один, по имени Иуда, родом
Искарот. Звон серебра ушам
Его милее, чем слова ученья
О бескорыстии. Я посулил
Иуде этот сладкий звон; еще мы
В цене не сговорились, но уже
В болтливости его сказалась алчность.

2-й

Скорей расправиться пришло бы время
С безбожником!

3-й (*саддукею*).

С тобою я готов
Быть заодно.

1-й, 2-й и 4-й

И я!

Никодим (*Иосифу*).

К себе пойду я.

Саддукей

Благодарю всем сердцем за такое
Единодушие в правом деле. Но —
Ни слова никому.

1-й

Что там за шум?

Невольники несут из города на носилках Прокулу;
на других носилках несут Иоанну.
Никодим, скрываясь за маслиной, уходит в город.

Явление восьмое

2-й фарисей

Сюда несут Пилатову супругу.

3-й

Кто с нею?

2-й

Иоанна; муж ее
Зовется Хуза: он домоправитель
У Ирода. Она за Иисусом

С Его учениками, с Магдалиной
В Ерусалим пришла из Галилеи...
И римлян не гнушается она
И входит в их дома.

Саддукей (*с низким поклоном*).

Привет матроне!

1-й фарисей

Поклон, о, Прокула!

2-й

Живи и здравствуй!

3-й

Будь счастлива!

4-й

И мир, и благодать!

Прокула

Благодарю! И мой привет примите.

(Саддукей и фарисеи уходят в город.)

Явление девятое

Иосиф (*идя навстречу Прокуле
и знаком останавливая носильщиков*).

Я не посмел бы подойти с поклоном,
Когда бы важная меня причина
Не побуждала докучать тебе.

Прокула (носильщикам).

Поставьте здесь под эту маслиной
Мои носилки. — Мир тебе, Иосиф!
Привыкла я в приморской Кесарии
К простору синему пустынных волн.
Прибыв сюда на праздник, задыхаюсь
Я в пыльном городе; и за стенами
Мне чистым воздухом полей широких
Хотелось полной грудью подышать;
Но я и здесь тебя готова слушать.

Иосиф

Я знаю, госпожа, ты пылким сердцем
Всегда за правду смело постоишь
И чуткою душою непустишь,
Чтоб праведник невинно пострадал.

Прокула

В любое время и везде, Иосиф,
Я рада встретиться с тобой. И если
Ты к доброму мне делу повод дашь,
Тебе я буду только благодарна.

Иосиф

Ты, несомненно, Прокула, слыхала
Об Иисусе Галилейском.

Иоанна

Ах!

Прокула

Об Иисусе! Слышишь, Иоанна,
О Нем и он мне будет говорить!
Который раз сегодня это имя
Звучит в ушах моих! Не за минуту ль
С тобой о Нем беседовали мы?
Я много слышала о Нем, Иосиф,
И пламенно Его хотела видеть,
Но не сбывалась моя мечта.
И вот сегодня, — нет тому и часа, —
По узкой улице Он на ослице
Проехал мимо дома моего.
Мне не был виден лик Его сначала:
Понурена была Его глава.
Но с домом, где живу я, поравнявшись,
Возвел Он очи на меня и долго
Остановил на мне пытливый взор.
Ни у кого доныне не видала
Такого я прекрасного лица:
Оно сияло дивным выраженьем
Величья, кротости и тихой грусти.

Иосиф

Ты только что, прибыв на это место,
Здесь повстречала знатных иудеев.
А перед тем за несколько мгновений
Я, ими не замеченный, услышал,
Как сговорились меж собой они
Его схватить, оклеветать коварно
И осудить на смерть.

И о а н н а

Не может быть.

П р о к у л а

Чем смерть Он заслужил?

И о с и ф

Они Его

В преторию на суд должны представить,
Ты знаешь, госпожа, лишь прокуратор
Здесь утверждает смертный приговор...
В твоих руках, о, Прокула, отныне
Жизнь Иисуса. Мужу передашь
Ты, что из зависти, по злобе только
Невинного дерзнули осудить.
Супруг твой — римлянин и не потерпит,
Чтоб римского закона справедливость
Была поругана, чтоб клевета
Над правдою победу одержала.

П р о к у л а

Я мужу передам, что от тебя
Сейчас услышала.

И о с и ф

Уж солнце село.

Прости. Мне, Прокула, пора на отдых.
Пойду. Прими прощальный мой привет.

Прокула

Прощай, Иосиф. Добрый вечер! Если
Что новое про Иисуса ты
Разведаеть, то заходи, прошу я,
Ко мне в преторию. Во всякий час
Тебе я буду рада.

Иосиф

Мир тебе! (*Уходит*).

Явление десятое

Прокула (*Иоанне*).

Когда Пилат назначен был сюда,
Я ехала со страхом в Иудею;
Здесь думала лишь варваров найти я,
Непримиримых, мрачных изуверов.
Но вот Иосиф встретился мне здесь,
Сошлась я и с тобою, Иоанна...
Он, как и ты, я вижу, почитает
Того Учителя из Галилеи.
Скажи мне, чем пленил вас Иисус?

Иоанна

Ах, Прокула, сама Его сегодня
Ты видела... Ужель не ощутила
Ты обаянья образа Его?

Прокула

[Я от тебя не скрою, Иоанна:
Когда на мне остановил Он очи,

Как будто вечность мне в глаза глянула,
И в неземном я взоре том прочла
Такую глубину любви небесной
И полноту такую милосердья,
Что мне по гроб тех глаз не позабыть!]

И о а н н а

И спрашиваешь ты, чем Он пленяет?

П р о к у л а

Я не могу лишь чувству отдаваться;
Рассудком, разумом хочу сознать я,
Чем покоряет Он Себе сердца,
Какою силою их привлекает.
Откуда Он? Кто Мать Его, отец?
Что знаешь ты про них?

И о а н н а

Из Галилеи

Они. Их город — Назарет. Отец
Давно уж умер. Говорят, что был он
Из рода славного царя Давида;
Он в бедности и родился и жил,
Был плотником и научил и Сына
Тому же ремеслу. И после смерти
Отца один у Матери остался
И плотничьим поддерживал трудом
Марию отрок Иисус.

П р о к у л а

Потомок

Царей, но темный, незаметный плотник,
Как властвовать Он может над умами?

И о а н н а

В сердцах читает Он; все наши тайны
Открыты перед Ним. Он наделен
Великой чудодейственной силой.

П р о к у л а

Я от тебя слыхала, Иоанна,
О чудесах Его; но чудесами
Меня не убедишь. И в Риме также
Мы о чудесных слышим исцеленьях
При храмах Эскулапа иль Изиды.
Мне доводы нужны сильнее этих,
Чтобы уверовать могла я смело
В Его божественность. Но продолжай.
Ты имя Матери Его сейчас
Упоминала предо мной. Знакома ль
Ты с Нею и давно ли, Иоанна?

И о а н н а

Да, Прокула, Ее давно я знаю
И счастлива, что жребий выпал мне
С Нею сблизиться. Нет Женщины прекрасней.
Как в пору вешнюю, когда природа
Как бы торопится явить зараз
Всю полноту своих очарований,
Когда теплом повеет благовонным,
И запестреют первые цветы,
И соловьи по рощам зарокочут, —
Так в образе Марии слил Творец
Все добродетели и совершенства:

В Ней чистота безоблачного утра
И сумерек вечерних тишина,
И ясность нежная луны сиянья,
И непорочность лилий полевых,
И горлицы незлобивость и кротость.
Недаром с белой лилией в руке
К Ней прилетал крылатый небожитель
Пред тем, как стала Матерью Она,
И возвестил рожденье Иисуса.
[С тех пор нередко жены Назарета
Видали, — да и мне самой не раз
Случалось замечать, встречаясь с Нею, —
К колодцу ли с кувшином на плече
Идет Она с горы походкой легкой,
Иль пряжей занята в своем саду,
Или в часы заката на крылечке
С соседками беседу заведет, —
Ее лицо вдруг озарится светом,
Забудет все кругом Она, к кому-то
Невидимому нами устремит
Прекрасный взор, и губы что-то шепчут:
То с ангелами говорит Она.

Прокула

С сердечным трепетом и умилением
Я повесть слушаю твою; она
Загадкою таинственных явлений
И тихой прелестью в душе моей
Затронула неведомые струны:
Хоть чудеса холодный ум смущают,
Но смеем ли мы гордо отрицать
Общенье мира, видимого нами,
С невидимою областью небес?

Иоанна

Незримое глазам порочным нашим
Доступно неземным очам Марии.]

Прокула

Не знаешь, право, кто из них счастливей:
Мария ли, дав жизнь такому Сыну,
Иль Иисус, любя такую Мать.
[Поведай мне еще о Нем.

Иоанна

Уж в детстве

Он, говорят, стал чудеса творить:
С ребятами, бывало, птичек лепит
Из глины; у других, они, понятно,
И остаются глиной; у Него ж,
Оживши, встрепенутся в малых ручках,
Вспорхнут и с песнью к небу улетят.
Поздней, — уж статным юношей, — однажды
Над чем-то Он работал в мастерской,
Строгал, и стружки в кольца завивались
И падали, на солнце золотясь.
Проходит мимо нищая вдовица
И просит подаянья. Юный плотник
Стал шарить по углам, просил хоть сикля
У Матери, за пряжею сидевшей,
Но в доме ни лепты не оказалось.
Тогда с улыбкой стружку подал Он
Вдовице; и мгновенно превратилась
Та стружка в золото в руках у нищей.]

Прокула

Но главное хочу я знать: чему же
Он учит?

Иоанна

К покаянью Он зовет;
Любить врагов Он нам повелевает
И ближнего, как самого себя.
Платить добром, благотворить Он учит
Тем, кто клянут и ненавидят нас.
Блаженство обещает Он и Царство
Небесное всем, изгнанным за правду,
И алчущим, и жаждущим ее,
И чистым сердцем, кротким, миротворцам
И милостивым всем, и нищим духом.
Он утешенье плачущим сулит.
Он говорит всем тем, кого поносят
И всячески злословят за Него:
«Возрадуйтесь, возвеселитесь, ибо
Награда ваша в небе велика.
Да светит свет ваш пред людьми, да видны
Им будут ваши добрые дела,
Да вознесут они и да прославят
Предвечного Отца на небесах».

Прокула

Твоим речам я внемлю, Иоанна,
И замирает сладостно душа;
Они ласкают, трогают, волнуют,
Мне слышится родное что-то в них,
Как будто мне они уже звучали
Когда-то, где-то, как забытый сон,
Как песня матери над колыбелью...

Вдали из города, сперва совсем тихо,
но постепенно все громче раздается пение
учеников Иисусовых¹. Уже стемнело

Явление одиннадцатое

Прокула

Но смерклось... Первая звезда зажглась
На небе синем... С трапезой вечерней
Ждет Понтий. Мне давно пора домой.
Какие звуки издали несутся,
В тиши касаясь слуха моего?
Ты слышишь, в городе поют как будто?
Да, там поют: я различаю ясно
Мужские голоса.

Иоанна

То Иисус

Из города в Вифанию идет.
Там Лазарь, друг Его, с двумя сестрами
Живет. Под их гостеприимным кровом
Учителю всегда готов приют.

---

¹ ПЕСНЬ УЧЕНИКОВ ИИСУСОВЫХ

О, Господи! Боже спасенья,
К Тебе я взываю мольбой,
И жаркие сердца моленья
Всегда и везде пред Тобой;
И днем, и в ночное молчанье
Возносятся к небу они.
О, Боже, в ответ на стенанье
Ты ухо Твое преклони!
Во зле находил я уладу,
Душа истомилась моя,
Я жизнью приблизился к аду,
Страшит меня ярость Твоя.

И Мать Его, пришедшая на праздник,
Теперь гостит у них и поджидает
В дом Лазаря возлюбленного Сына.
Да, это Он идет; я узнаю
Слова псалма царя Давида в пенье
Двенадцати Его учеников.

Прокула (*невольникам*).

Спешите же, рабы! — О, если б только
Еще хоть раз мне на Него взглянуть!

Прокулу и Иоанну уносят.
Сцена некоторое время пуста.

Явление двенадцатое

Налево входит Вартимей.
Пение из города громче.

Вартимей

О, наконец! Тебя я вновь увижу!
Пускай с небес на землю пала ночь,
И мрак ее мне взоры застилает,

Во рву, в преисподней лежу я,
И смертная сень надо мной,
И, мучась во тьме и тоскуя,
К Тебе я взываю мольбой.
Ты ведаешь, как я страдаю:
Готовы глаза изнемочь,
Я руки к Тебе воздеваю,
О, Боже, весь день и всю ночь.
Услышь этот вопль и моления,
Я нищ, о, Господь, пред Тобой!
О, Боже мой, Боже спасенья,
К Тебе я взываю мольбой!

Но Ты, Равви, — незаходящий свет!
Слепым я был, но не глазами только:
Была слепа издавна и душа.
[Она во тьме томилась и страдала,
Я позабыл и правду, и добро,
И только смутное воспоминанье
О непорочной детской чистоте,
Как о давно вдали померкшем свете,
Бессильно теплилось на дне души.]
И вот, свершил Ты надо мною чудо,
И за Тобою следом я пошел.
Я услышал Твое святое слово
И ужаснулся мрака своего.
Приди, приди ж, Мессия, Сын Давидов!
Ты, мне глаза телесные раскрывший,
Раскрой теперь духовные мне очи
И душу просвети, о, Раввун!

Преклоняет колени,
простирая руки к еще невидимому Иисусу.
Песнь слышится уже громко за самым узким проходом в
глубине и продолжается еще по падении занавеса.

Занавес медленно опускается.

Корейс
5 июня 1911

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

У Пилата. Перистиль дворца Ирода Великого. Две стены, сходящиеся под прямым углом в глубине сцены. В правой стене две двери: первая, ближайшая к зрителю, на судейский помост (лифостротон, или гаввафу), заперта до явления двадцатого; вторая дверь во внутренние покои Пилата. В левой стене, посередине, закрытая занавеской третья дверь, ведущая

к выходу из дворца. Между дверьми в правой стене ниша с мраморной статуей. Отступя от стен и параллельно им идет колоннада из нескольких колонн, на которых утверждено перекрытие, образующее навес над проходом между стенами и колоннами; пол этого прохода выше уровня сцены на четыре мраморные ступени, ведущие к каждой из трех дверей. Проход слева ведет к Прокуле, а справа в другие покои. Посередине мраморного мозаичного пола фонтан. Отверстие в потолке затянуто легкой тканью, сквозь которую сверху проходит свет. Богатая обстановка: ложе, столы, кресла, скамьи, мраморы, бронза, вазы с цветами, курильницы, светильники, ковры, дорогие ткани. Предрассветный сумрак.

Явление первое

Лия, одна, сидит на мраморной скамье
и вытирает серебряный кувшин.
Вбегает Александр, сильно встревоженный.

Александр

О, ясный свет моих очей! О, Лия!

Лия (*пугливо озираясь*).

Потише, Александр! Остерегайся!

Александр

Нет никого! О, Лия дорогая!
Всю ночь я глаз не мог сомкнуть в волненье...
Я и теперь еще дрожу за нашу
Любовь... Недоброе грозит ей что-то!

Лия

Мой Александр! О, как страшат меня
Твои слова! В чем дело? Что случилось?

Александр

Вчера, лишь я успел тебе признаться,
И в роще Гефсиманской голоса
Так напугали нас, ты обещала
Свиданье мне в другом пустынном месте.
Туда, я видел, поспешила ты.
Я за тобой поодаль шел, чтоб вместе
Не подглядели нас. И вдруг толпа
Мне преградила путь. То были слуги
Первосвященника. Я их узнал
При свете факелов. Не видно было,
Кого вели они; но рассмотрел
Я римских воинов. На меди шлемов
И лат играли месяца лучи
И пламень светочей. Шли эти люди,
Кто с кольями, а кто с мечами... Лия,
Зачем ты не сдержала обещанья
Мне подарить хоть несколько мгновений
В глуши Иосафатовой долины?
Зачем у моста чрез поток Кедронский,
Под старым кипарисом у гробницы
Меня не дождалась ты?

Лия

Там ждала я,
Но шум толпы послышался за мной:
Я испугалась и бежать пустилась.
Зачем нам помешали! Ах, зачем
Ты не нагнал меня, мой Александр!

Александр

Потише, Лия! В доме спят. Поттише!

Лия

Не позабуду я вчерашней ночи!
И лунный свет, и тень маслин ветвистых,
Журчанье струй и жданное так долго
Твое, мой милый, первое признание,
Все это сном мне кажется теперь!

Из третьей двери, не замечаемая ими,
показывается Иоанна.

Но счастье, как всегда, не полно: если б
Мы в нем могли Учителю открыться!
О, дорогой Учитель! Он так добр
И милостив, и кроток, и приветлив!
О, если бы за нас Он помолился
И брачный наш союз благословил!

Александр

Но, Лия милая, ты позабыла,
Что для рабов не существует брака.
В неволе ты одна моя отрада!
Вплоть до вчерашней ночи мы с тобой
Почти не говорили. Только взором
За каждым я твоим следил движеньем.
Как благодарен я и этой ночи,
И нежному весны благоуханью,
И нашей встрече в одинокой роще!
Невольню вылилось мое признание...
Меня не оттолкнула ты, о, пальма
Иерихона, роза Энгадди!

Лия

О, дорогой, о, милый мой! О, розан
Сарона! Стройный кедр ливанский мой!

Явление второе

Иоанна (*неслышно приблизившись, за их спиной*).

Привет мой вам, друзья!

Они в испуге вскакивают. Начинает светать.

Надеждам светлым

Доверчиво душой вы отдались;
Любовь, как солнце, взор вам ослепила
И вас зовет в заманчивую даль...

(Замечает кувшин и рассматривает.)

Что за изящество! Как здесь сказалась
Искусного художника работа!

[Чеканить так способен лишь один
Среброковач Димитрий из Ефеса
Иль знаменитый Зенодор Арвернский].
Хотя языческий, но все ж прекрасный
Здесь миф изображен: Амур крылатый,
Влюбленный юноша; а вот Психея —
Бессмертная душа, его подруга.

Но я б сказала: Александр и Лия.

Друзья мои! Невольно услышала
Я исповедь доверчивой любви.
Я обладаю нежной вашей тайной.

За то, что мной похищена она,
Я заплачу вам помощью своею:
У Прокулы я буду хлопотать,
Чтоб вам Пилат свободу дал.

Александр

Господь

Вознагради тебя!

Лия

О, госпожа!

Всевышний Бог воздай тебе сторицей
За милости твои!

Иоанна

Моя душа

Скорбит за соплеменников несчастных,
Которым рабство выпало в удел.
И все сыны Израилевы стонут,
Подавлены языческим ярмом;
Но в доме у себя свободен каждый,
А вы, друзья, и дома лишены!

Александр

Не попусту, конечно, в этот дом
К язычникам ты, госпожа, приходишь
В столь ранний час. Заблещет скоро солнце;
Уже над алтарем Господня храма
Восходят к небу облаком густым
Клубы курений сладких фимиама
И жертвы утренней священный дым.
Сейчас звенящей меди трубным звуком
Левиты возвестят великий день,
Когда опресноки, пасхальный агнец
И травы горькие напомнят нам
О годовщине бегства из Египта.
Мы в этот день должны себя беречь
От осквернения. Как же в дом неверных
Сегодня входишь ты?

Иоанна

Мы в Галилее

Уже давно отстали от закона.

У Ирода в его Тивериаде
В довольстве мы и роскоши живем,
Придерживаясь больше римских нравов,
Чем Моисеева завета. [Только
На праздник Пасхи в Иерусалим
Четверовластник Ирод приезжает
Израилеву Богу поклониться.]
— За мной послала ваша госпожа...

Слева входит Прокула.

Явление третье

Прокула

Ты здесь уж, Иоанна! Как я рада,
Что поспешила ты. — Недобрый сон
Меня измучил этой долгой ночью.
Как будто в местности пустынной, дикой
Я в сумерки бреду. И вот, вдали
Мерцает свет. Гляжу — и Иисуса
Знакомый, дивный образ узнаю.
И тихо, еле слышно издалека
Доносится ко мне Его призыв:
— «Иди за Мной!» — Бегу я, что есть духу,
[Но тернии и каменные глыбы
Мне ранят ноги, преграждая путь;
Я все ж бегу, не замечая боли.]
Светлее, ярче образ, ближе, ближе,
Совсем уж близко, вот Он, в двух шагах, —
[Я выбилась из сил, но настигаю...]
Вдруг — пропасть предо мной; внизу, на дне,
[Так глубоко, что взором не измерить,
Во тьме кипит, бурлит, шипит и воеет]
Потока бурного водоворот.

А с берега другого, издалека
Зовет и манит светлый образ вновь.
Сквозь шум стремнин опять я голос слышу:
— «Иди за Мной!» — Мечусь в тревоге смертной
Я, как безумная, по краю бездны.
Вот ринулась... Лечу стремглав в пучину
И — просыпаюсь...

Л и я

Это вещей сон!

Прокула

И трижды мне он снился этой ночью.
Из третьей двери входит Иосиф, сильно взволнованный.

Явление четвертое

Иосиф

Послушный, Прокула, твоим желаньям
Пришел я с вестью: в роще Гефсиманской
Минувшей ночью схвачен Иисус.

Прокула

Предчувствие меня не обмануло!

Иоанна

О, если б я могла тебе не верить! —
Учитель дорогой!

Лия

И не найдется
В Израиле заступника Ему?

Александр

О, если б мне иметь Самсона силу!
Так вот кого вела перед собой
Толпа, что мне дорогу преградила!

Лия

Теперь понятно, от какой толпы
Я ночью, испугавшись, убежала.

Солнце взошло. За сценой издали слышны
доносящиеся из храма звуки труб левитов.

Иосиф

Мужайтесь! — Слышите, трубят левиты.
К бессмертному Творцу на небесах
С молитвою прибегнем в час рассвета.
Мы на земле беспомощны и жалки.
Приклонит ухо к нам Он в день печали
И заступленье с помощью пошлет.

Иоанна и Лия становятся на колени.

Иосиф

Боже, всесильной рукою
Столько творящий чудес,
Ты засветил над землею
Светлое солнце небес.

Боже, не только нам в очи
Солнечный свет Ты пролей, —
В сердце, где сумерки ночи,
Так же да будет светлей!

И о а н н а

Дай мне не быть малодушной,
Дай мне смиренной душой
Быть неизменно послушной
Воле Твоей пресвятой.

Дай мне в часы испытанья
Мужества, силы в борьбе!
Дай мне в минуту страданья
Верной остаться Тебе!

Л и я

Солнца лучом озаривший
Смертные очи мои,
Дай мне, людей возлюбивший,
Непрестающей любви!

В небе вослед за ненастьем
Солнцу велевший сиять,
Сердца избранника счастьем
Дай мне всю жизнь озарять.

Александр (*преклоняя колени*).

Первыми солнца лучами
Ночи рассеявший тьму,
Чистыми дай нам сердцами
Имени петь Твоему.

Труд повседневный, усердный,
Нами творимый в любви

Солнцем Твоим, Милосердный
Господи, грей и живи!

Встают.

Прокула

Утра ль заря золотая,
Солнце ли юного дня,
Тайна ль молитвы святая
Чудно волнуют меня?
Сердце полно умиленья...
Что это? Слезы в глазах?
— Слышны ль земные моленья
Там, в голубых небесах?

Иосиф (*Прокуле*).

Ужасное свершилось: Иисуса
Судили в эту ночь в синедрионе,
И к смертной казни Он приговорен.

Прокула

Недаром этот сон мне снился страшный!

Иосиф

Синедрион с восходом солнца снова
Сегодня созван. Наш закон велит,
Чтоб смертный приговор был через сутки
Вновь обсужден. Но судьям невтерпеж
Так долго ждать: они хотят сегодня ж,
До наступленья праздника, добиться
Над Иисусом казни. Нет сомненья,
Что тот же постановят приговор.

Прокула

Еще поспорим мы с синедрионом!
Над неповиностью великий Рим
Не утверждает смертных приговоров. —
Но в сердце все ж волненье и тревога...

Из второй двери входит Пилат.

Явление пятое

Пилат

Я вижу, оскверненьем не страшит
Вас дом язычника! Пред самой Пасхой
Встречаю вас у Прокулы в гостях.

Иосиф

Нарушить заповедь одну мне должно,
Чтоб высшую, другую соблюсти.
Предвечный Бог любить повелевает
Нам ближнего, как самого себя.
И та любовь сюда меня приводит.
Я госпожу пришел предупредить,
Что, ослепленный завистью и злобой,
Синедрион великий, к лютой казни
Приговорив Невинного, к тебе
Его на суд представит в это утро.

Пилат

Кто Он такой?

Иосиф

О нем не раз, наверно,
Слышал ты: Иисусом Он зовется.

Прокула

Конечно, Понтий, ты не утвердишь
Их приговора. Может ли закон наш
Невинного карать!

Из второй двери входит центурион.

Явление шестое

Центурион

Из Кесарии

Явился вновь назначенный префект
Когорты. Два трибуна легиона
С ним вместе прибыли. Они недавно
Из Рима присланы к нам в Иудею.
Предстать хотят все трое пред тобою.

Иосиф (Иоанне).

Долг ближнего исполнен, Иоанна.
Здесь делать больше нечего. Пойду.

Иоанна

Идем. Пора мне к мужу, в Маккавейский
Дворец. Теперь не в пору наше здесь
Присутствие. Простите!

Прокула

До свиданья!

Иосиф и Иоанна уходят в третью дверь.
Александр и Лия за ними.
Прокула уходит налево, к себе.

Явление седьмое

П и л а т

Проси сюда префекта и трибунов. —
Центурион, мой верный сослуживец,
Не выношу я этих гордецов
Сенаторов надменное сословье,
Знать золотая, баловни судьбы!
Им счастье дается без усилья.
До них далеко всадникам, второму
Сословью, нам, и потом и трудом
Добившимся чинов, наград и званий! —
Ты знаешь, старый боевой товарищ,
Как трудно пролагать себе дорогу!
И помнишь время прошлое, когда
Вступали в Риме в юные мы годы
В блестящие ряды преторианцев.

Ц е н т у р и о н

Начальник их, друг кесаря, Сеян,
Всесильный временщик, тебя заметил...

П и л а т

Он, как и я, из всадников. На мне
Сказалось его благоволенье.

Ц е н т у р и о н

[В трибуны он тебя провел...

П и л а т

А позже
 В префекты был я им произведен
 В столице Сирии — Антиохии...]

Ц е н т у р и о н

Тебя-то он заметил; ты нередко
 Сеяну попался на глаза.
 Меня ж Фортуна только обходила...
 И вечно быть центурионом мне!

За сценой справа, сперва издали и тихо и все громче
 шум приближающейся толпы.

П и л а т

Не унывай, служивый! Я Сеяна
 И за тебя успею упросить;
 Терпи и жди, и тоже выйдешь в люди...

Входит Прокула.

Явление восьмое

Прокула (*тревожно*).

Что там за шум?

П и л а т

Узнай, центурион.

Центурион уходит во вторую дверь и выпускает
 префекта и двух трибунов.

Явление девятое

П и л а т

Приветствую вас, воины, с приездом!
Давно ль из Рима вы?

П р е ф е к т

Александрийский

Большой корабль недели две назад
Доставил нас в Египет из Путéол.
Туда, как и оттуда, к нам Нептун
Был милостив: лазурной пеленою
Покоилось и нежилося море,
Играя в вешнем золоте лучей.
В корму Эол, надувши щеки, веял;
Дней в двадцать плаванья до Кесарии...

Центурион возвращается.

Явление десятое

Центурион

Первосвященники и старшины
Со всем синедрионом собралися
Сейчас перед преторией. Они
Какого-то с собою Иисуса
На суд твой привели. Войти сюда
Нельзя уговорить их: оскверненьем
Языческий им угрожает дом.
Они тебя к ним выйти просят.

П и л а т

Как бы

Не оскверниться мне дыханьем скверным
Нечистых уст еврейских!

Прокула

Сердце ноет,
Душа болит! О, как меня волнует
Суд, предстоящий Иисусу. — Понтий,
Будь тверд на этот раз, я умоляю.

Пилат

Ужели в твердости моей сомненье
Есть у кого-нибудь! — Я не пойму,
Что так тебя волнует и тревожит!
Ждет моего суда еврей какой-то:
Когда невинен Он, Его на волю
Я отпущу; а если смертной казни
Достоин, — повелю казнить. Одним
Презренным иудеем меньше будет...

(Префекту и трибунам.)

Вот жизнь моя в проклятом этом крае!
Здесь, что ни день — доука и забота;
Об отдыхе нельзя и помышлять. —
Служебный долг зовет. — Вам поручаю
Беседую развлечь мою супругу.

Уходит во вторую дверь направо.

Центурион за ним.

Явление одиннадцатое

Префект

Благодарить богов должны бы гости
Твои, что неудачу потерпел
Старик Север Цецина: представлял он
В сенат, чтоб прокураторам провинций

Законом было впредь воспрещено
Брать жен своих с собой. Когда б в сенате
Прошел такой закон, не испытали б
Мы ласки твоего гостеприимства.

Шум толпы за сценой справа.

Прокула (*рассеянно, прислушиваясь к шуму*).

Да, в самом деле. Может быть... Конечно...

2-й трибун

Когда б всех прокураторов супруги
Подобны были нашей госпоже,
Прекрасной Прокуле, тогда Северу
Сенат тревожить не было б нужды.

Префект

Север имел в виду жену Пизона,
Наместника Сирийского, Планцину.

Шум стихает.

1-й

Планцина и Пизон! Да не они ли
Тринадцать лет назад в Антиохии
Наследника Тивериева трона —
Германика коварно отравили?

Префект

Да, то они. Повсюду в те года
Недобрые про них ходили слухи.

1-й

Планцина гордая была не прочь
 В дела правленья вмешиваться; было
 У ней пристрастье к войсковым ученьям.
 Подчас ее видали окруженной
 Толпою воинов простых; они
 Пред нею не стеснялись. Все водилась
 Она с центурионами.

Опять голоса за сценой справа.

Прокула (*с напускной веселостью*).

Забавно!

2-й

Матроны любят узы порывать,
 Что женщине назначены природой...

1-й

Одни во всем вооруженье в бой
 Вступают с гладиаторами в цирке...

Голоса смолкают.

2-й

Другие — ночи напролет проводят
 На пиршествах, побившись об заклад
 С мужчинами, кто больше выпьет.

1-й

Знаю

Я и таких, что в тяжбах и в других
 Делах судейских сведущи настолько,
 Что сами предъявляют иск.

2-й

А мало ль
У нас любительниц стихов, что сами
Стихи в количестве изрядном пишут...

Префект

О качестве не станем говорить.

1-й

Беда к таким любительницам в гости
Попасть за стол: рта не дадут открыть,
Без умолку, как взапуски, болтают
О том, кто выше из больших поэтов:
Гомер или Вергилий.

2-й

[Хуже нет,
Как если в философские науки
Ударится матрона.

1-й

Знал одну я,
Что в роскоши по горло утопала,
Но свитки строгих стоиков у ней
Валялись между шелковых подушек.

2-й

Одна была весьма дурна собой,
Притом в годах преклонных, и любила,

Чтобы за трапезой иль одеваьем
Читали ей «Республику» Платона...
О нравственности ей и воздержанье
Читают вслух; тут подает рабыня
Любовную записку. Это пишет
Какой-нибудь юнец, все состоянье
Свое продувший в кости и влюбленный
Не столько в прелести матроны, сколько
В ее сестерции. Чтец умолкает.
Поспешно тут же пишется ответ,
И снова, глядя в зеркало, внимает
Почтенная матрона назиданьям
«Республики» Платона.]

1-й

Я знавал
Наклонную к учености старуху;
У ней был нанятой в дырявой тоге
Бедняга-стойк. В Остию, на виллу
Под сень олив она переезжала,
И стойк следовал за ней в обозе
С цирюльником и поваром в последней
Повозке, в грязь, под проливным дождем.
Везти ему старуха поручила
Любимую мальтийскую собачку.
И вот, дорогой, в тоге у него
Собачка преисправно оценилась!

Прокула

Печальный, жалкий образ начертали
Вы римской женщины! Ужели в ней

Лишь низкие, постыдные, смешные
Черты? Ведь не угасли ж навсегда
В ней доблесть, мужество и добродетель?

Опять шум толпы.

Префект

В наш век упадка нравов, алчной страсти
К наживе, век поборов и мздоимства,
Когда мы спину гнем низкопоклонно
Пред силою, и тою же спиной
Ворочаемся к слабым, к неимущим,
Когда задачу жизни мы и цель
В корысти только, только в деньгах видим, —
Откуда взяться доблести?

Шум за сценой усиливается. Слышно, что толпа уходит.
Голоса постепенно удаляются и затихают.

Прокула (*принужденно, рассеянно*).

Конечно. (*В сторону.*)

Толпа уходит... (*Префекту.*) Может быть...

Префект

Прошло

То время славное и не вернется,
Когда бывало мужество и жен
Уделом, и глубоко добродетель
Таилась в благородной их душе.
Наш век испорчен, люди измельчали,
И к разрушенью клонится наш мир.

Входят Пилат и центурион.

Явление двенадцатое

П и л а т

Уф! Легче целый день в бою кровавом
Германцев отражать, чем полчаса
С еврейскою толпою препираться.

П р о к у л а

О, расскажи подробно, Понтий, все,
Что было там за дверью. Я сгораю
От нетерпенья.

П и л а т

Выхожу я к ним.

Смотрю, перед возвышенным помостом,
Внизу на площади шумит народ;
Первосвященник, книжники и члены
Синедриона впереди. Ко мне
По мраморным ступеням стража всходит
И Узника ведет. И Он предстал
Передо мной без обуви, одетый,
Как нищий. Но в убогом этом виде
Величествен казался Он, как некий
Под рубищем скрывающийся царь.
Он не похож на иудея; сходства
В Нем нет ни с кем из остальных людей.
С достоинством, спокойно, без движенья,
Без тени робости или тревоги
Он вдумчиво и прямо мне в глаза
Смотрел. И этот строгий взор как будто
Преследует меня... Я от него
И до сих пор избавиться не в силах.

Прокула

Глаза Его! Возможно ль их забыть!

Префект

Я не видал Его, но все, что слышу
Об этом Человеке, таково,
Что скоро, кажется, души коснется
Утраченная вера в Зевса, Феба
Или Гермеса, шедшего на землю
Под скромным видом нищего еврея!

Пилат

На площади шумели все задорней;
Со всех сторон злобнее все кричали,
И все росла толпа. [Я крик расслышал:
Христом, Царем себя Он называет!
Он развращает наш народ! Он подать
Нам запрещает кесарю платить.

Прокула

Клеветники, лжецы и лицемеры!
Их книжники — недели нет еще —
Поставили ему вопрос лукавый:
— «Достойно ль подать кесарю платить?» —
И Он своим ответом устыдил их,
Сказав им: — «Воздавайте Божье Богу,
А кесарево — кесарю». Иосиф
Мне это передал.]—Что ж было после?

Пилат

Что было после?.. Разве я могу,
Как ты, как Иоанна, как Иосиф,

Запомнить слово каждое Его?
И до Него ли мне теперь! Заботы
Есть у меня и поважней. — Пускай
Вот он расскажет.

Центурион

Ты ушел к себе
В преторию. По твоему приказу
Я Иисуса одного, без стражи,
Привел к тебе. Его спросил ты, Он ли
Царь Иудейский? Но взамен ответа
Вопрос Он тоже задал: от себя ли
Ты говоришь, или тебе другие
О Нем сказали? [— «Разве иудей я! —
Ты возразил: — Мне предали Тебя
Первосвященники с Твоим народом». —
Тогда сказал Он...]

Пилат

Да, припоминаю.
Он мне сказал, что не от мира царство
Его. — Итак, для кесаря, для Рима
Не страшен Он и не опасен.

Прокула

Дальше!

Центурион

Что если бы от мира было царство
Его, то за Него бы подвизались
Служители Его, чтоб не был предан
Он иудеям.

Префект

Как хитер, однако,
Богopodobный этот проповедник!

Пилат

И говорил мне, что на то родился
И в мир на то пришел Он, чтобы... чтобы...

Центурион

Чтоб дать свидетельство...

Пилат

Да, да, чтоб дать
Свидетельство об истине какой-то.
Смысл этих слов загадочен, таинствен
И темен для меня.

Прокула (*центуриону*).

Не помнишь ли,
Центурион, что дальше говорил Он?

Центурион

Что всякий, кто от истины, Его
Услышит голос.

Прокула

Истина! Я верю,
Ее откроет Он, научит ей
И миру грешному даст обновенье!

Префект

Пустые, громкие слова! Не верю
Всем этим я мечтателям. Их много
На свете в наше время развелось;
По-своему из них толкует каждый
И жизнь, и смерть, и тайну мирозданья,
И бытие загробное души.
Но ни один из них лучом познания
Тьмы, нас навек объявшей, не прорежет.
От их учений нам лишь остается
Одно ничтожество и прах, и тлен.

Пилат

Да! Чтó есть истина? — Опять к народу
Я вышел и сказал, что в Подсудимом
Вины не нахожу. Они ж твердили
Настойчиво, что возмущает Он
Народ, уча везде, от Галилеи
До самого Ерусалима. Только
Тут вспомнил я, что Он из Галилеи.
И в ум пришла счастливая мне мысль
К четверовластнику Его направить.
Мы в ссоре с Иродом; так вот прекрасный
Предлог с ним примириться.

Центурион (*Прокуле*).

В Маккавейский

Дворец толпою к Ироду они
Погнали Иисуса.

П и л а т

Как отраднo,
Что средство легкое нашлось сбить с рук
Докучный долг суда над Иисусом. —
В свои покои, Прокула, прошу,
Уйди теперь: матроне не пристало
Присутствовать при деловой беседе.

Уходят: Прокула — налево,
а центурион — во вторую дверь.

Явление тринадцатое

П и л а т

Вас, воины мои, не поздравляю
Я с жизнью в Иудее. Здесь народ
Строптивный, мстительный, упорный, склонный
К раздорам, проiscaм и мятежу.

П р е ф е к т

Не каждый ли народ имеет свойства
Хорошие с дурными вместе? Должно
Из первых пользу выжимать, вторые ж
С терпением умело подавлять.

П и л а т

За двадцать лет перед моим правленьем
Четыре прокуратора успели
Избаловать народ. Свободно он
Богослуженье в храме отправляет;
Здесь иудеев в войско не вербуют.
Щадя их отвращенье к изваяньям
Всего, в чем есть дыхание и жизнь.

Власть Рима в беспримерном послабленье
Здесь не добилаь, чтоб Ерусалим
Был статуями кесарей украшен.

1-й трибун

Да, я не видел здесь изображений
Ни Юлия, ни Августа, ни даже
Божественного нашего владыки
Тиверия — храни его Юпитер!

Префект

Великий наш властитель, покоряя
Народы чуждые, нигде досель
В терпимости широкой не касался
Обычаев и верований их.

Пилат

Назначенный сюда, не мог снести я
Подобного позора и, кормило
Правления рукою властной взяв,
Велел тайком из Кесарии ночью
В Ерусалим, в Антониеву башню
Отнести когорт знаменныя отличья —
Значки с изображением священным
Божественного кесаря.

Префект

Опасный

И смелый шаг! Позволено да будет
Правителя поздравить мне с такой
Отважною решимостью.

П и л а т

Когда

Увидели с рассветом иудеи
Значки когорт между зубцами башни,
[Что высится над площадью широкой,
Где храма жертвенный алтарь курится,
Они густой толпою в Кесарию
С стenanьями и воплем повалили.
Пять дней и пять ночей они меня
В моем дворце упорно осаждали.
Я, наконец, велел загнать их в цирк.
Их жалобы все громче раздавались.
Когда ж, по знаку моему, сверкнув
Мечами, воины их окружили,
На землю пав и шеи обнажив, —]
Толпа вскричала, что умрет скорее,
Чем надруганье над законом их
Снесет.

П р е ф е к т

Но прокуратор, нет сомненья,
Поставил на своем?

П и л а т *(в некотором смущении)*.

Кровопролитья

Не допустил я... Я значки когорт
Велел унести обратно в Кесарию.
И ненавистны стали с той поры
Евреи мне.

2-й трибун

Не очень-то их любят
И в Риме. Помнится, тому назад

Лет десять, было выслано оттуда
Вольноотпущенных евреев тысяч
До четырех.

П и л а т

Божественный Тиверий
Такую меру принял по совету
Сеяна, не терпевшего евреев.
Правитель мудрый, дальновидный Элий
Сеян и мне наказывал, меня
Поставив в Иудею, быть построже
С народом здешним. И теперь щиты
Из золота литого, на которых
Тиверия божественное имя
Начертано, я здесь перед дворцом
Развесил.

П р е ф е к т

Их я с площади заметил,
Входя сюда; украшен ими мрамор
Перил перед твоим судейским креслом.

П и л а т

Что в Риме нового? Здоров ли кесарь?

П р е ф е к т

Стареет.

1-й т р и б у н

Уж ему восьмой десяток.

2-й

Все также он страдает лишаями,
И пластыри чернеют на лице.

1-й

Уж много лет его не видно в Риме.

2-й

На острове, отшельник венценосный,
Печальный век свой доживает он.

1-й

В его сады и рощи на Капрее
Немногие к нему имеют доступ.

2-й

Под сенью портиков и колоннад
Из цветников на берегах скалистых
Любуется он видом на Везувий
И на морской синеющий простор.

Префект

Он облысел и сторбился. Со смерти
Сеяна...

Пилат

Что? Сеяна нет?

Префект

Да разве
Сюда еще не долетела весть
О том, как страшно он погиб?

1-й трибун

Его
Тиверий в государственной измене
Письмом к сенату обвинил.

Префект

Сеяна
Судили.

1-й трибун

В тот же день он был казнен.

2-й

Чернь статую его перед театром
Помпея мигом в прах с подножья свергла
Веревками за шею.

1-й

Труп Сеяна,
Истерзанный, по улицам три дня
Толпа народа волочила.

Пилат

Боги!
Погиб Сеян! Сеян, мой покровитель!

О, весть ужасная! Кто будет мне
Заступником, оплотом и опорой
Отныне!..

Из второй двери входит Александр.

Явление четырнадцатое

Александр

Элий Ламия, легат
Сирийский кесаря, тебе с Капрее
Прислал гонца. Вот, господин, письмо.

Вручает Пилату покрытую воском дощечку,
на которой написано письмо.

Префект (*трибунам*).

Идем, друзья. От Ламии посланье,
Конечно, важную приносит весть.
Не будем прокуратору помехой.

Все, кроме Пилата, уходят во вторую дверь.

Явление пятнадцатое

Пилат (*читает письмо*).

«Прошло время, когда, по наущениям Сеяна, иудеи были в немилости у Кесаря. Ныне им возвращено благоволение нашего владыки. На острове Капрее получена жалоба иерусалимских граждан на то, что прокуратор Иудеи, презирая их верования и законы, вывесил перед дворцом посвященные кесарю золотые щиты. Августейший повелел мне объявить тебе его

гнев и требует, чтобы щиты были возвращены в Кесарию и помещены в храм Августа...»

Ломает в мелкие куски дощечку.

Когда б Сеян, заступник мой, был жив,
Не стал бы Ламия, мой старый недруг,
Тиверия веленье исполняя,
Мне строк таких писать. — Нашла гроза:
Как молния нежданно-нежданно
Сверкнула весть о гибели Сеяна;
Теперь владыки мира гнев палящий
Меня разит ударом громовым.
Куда укрыться! Где найти спасенье!
И есть ли в целом свете уголок
Неведомый, далекий, потаенный,
Где б со своей Капрей неприступной
Зловещий, лысый, сгорбленный старик
Рукою дряхлой, сморщенной, но мощной
Не мог меня достать и раздавить?
Нет, не уйти от глаз его всезрящих,
Как от грозы небес не схорониться.
А потому верней и безопасней
Чудовищу во власть себя предать.
Пусть...

Справа за сценой шум приближающейся толпы.

— Голоса и шум я слышу... Это
От Ирода еврейская толпа
Ведет обратно Иисуса... Как бы
Ни порешил четверовластник, я
Закон исполню. — Иисус невинен.
Сомнения нет. Его я отпущу
И кесарю дам случай убедиться

И в правосудии, и в беспристрастье,
И в твердости наместника его.

Уходит во вторую дверь направо.

Явление шестнадцатое

Входят: Прокула, Александр и Лия слева,
а Иоанна — из третьей двери.

Прокула (*Иоанне*).

О, наконец! Я заждалась тебя! —
На площади, ты слышишь, Иоанна,
Опять шумит народная толпа.
Конечно, там, у Ирода, была ты?

Иоанна

Да, Прокула, была.

Шум за сценой стихает.

Прокула

О, Расскажи,
Что было там?

Иоанна

Давно четверовластник
Мечтал увидеть Иисуса...

Прокула

После

Ты это мне расскажешь. Не томи!
Скорей скажи, скорей, что сделал Ирод?

Иоанна

Он приказал к Пилату Иисуса
Назад отвести.

Прокула

Так, значит, у Пилата
Опять в руках и жизнь Его, и смерть?

Иоанна

Да, Прокула. Теперь супруг твой должен
Постановить решение.

Прокула

Я не в силах,
Неведеньем томясь, сомненьем мучась,
Ждать окончанья этого суда! —
В преторию беги скорее к мужу...
Разведай, Александр... Нет, погоди!
Скажи... Скажи ему, что сон мой... Знаешь...

Александр

Готов я, госпожа.

Прокула

Да передай
Ты прокуратору, чтоб не дерзал он...

Чтоб ничего не делал он Тому...
Меня ты понял?.. Праведнику... Боги!
Я вся дрожу... Скажи, что много, много
Во сне сегодня ночью пострадала
Я за Него... Спеши же, Александр!

Александр

Бегу, бегу!..

Прокула

Постой! Не слишком долго
Ты оставайся там. Я изнываю,
Не зная ничего... Скорей вернись
Или пришли сюда центуриона,
Или кого-нибудь, чтобы нам знать
Про этот суд...

Александр

Все, госпожа, исполню.

Уходит во вторую дверь.

Явление семнадцатое

Прокула

Прости мне, что рассказ твой, Иоанна,
Я перебила. Но сама ты видишь,
Я так волнуюсь... Я не нахожу
Себе покоя. — Ирод, — начала ты, —
Давно мечтал увидеть Иисуса.
Теперь рассказывай, что в Маккавейском
Дворце ты слышала.

Иоанна

О, не волнуйся!
 Оправданным вернулся Иисус;
 [Сомненья нет, что и супруг твой также
 Его не обвинит. — Спокойно слушай,
 Что видела я там. — Четверовластник
 В многоколонном восседал престольном
 Чертоге, надушенный, разодетый
 В золототканый пурпур и виссон.
 Вокруг него курильницы струили
 Благоуханный дым. Между колонн
 Кругом белели мраморные боги.
 В руках рабынь-египтянок прекрасных
 Качались тихо, плавно онахала
 Над головою Ирода. — Сюда,
 В обитель лени, роскоши и неги,
 Введен был Иисус.

Прокула

Ну, что же? Дальше!

Иоанна

Первосвященники наперерыв
 Божественного Узника винули:
 В кощунственных речах и в богохульстве,
 И в непокорности властям, и в том,
 Что дерзостно Себя Он Иудейским
 Царем перед народом выставляет.

Прокула

И что же Ирод?

И о а н н а

Он внимал небрежно
Наветам фарисеев. К злобе их,
К змеинному их шипу равнодушен
Казался он. Он сам стал задавать
Вопросы Иисусу; обещал
Вернуть Ему свободу, если чудо
Он совершит пред ним. Учитель наш
Ему в ответ не проронил ни слова.]

Новый взрыв голосов за сценой.

Г о л о с а   н а р о д а

Варавву! Отпусти Варавву нам!

П р о к у л а

Что там они кричат?

Л и я

Мне, госпожа,
Послышалось...

И о а н н а

Что, Лия?

П р о к у л а

Говори же!

Л и я

Мне кажется, я разобрала имя
Вараввы... Только...

Прокула

Кто такой Варавва?

Голоса народа еще громче и ожесточеннее.

О, этот крик! Свирепой черни вопли
Вонзаются мне в уши, как ножи!

Лия

Варавва, говорят, разбойник...

Иоанна

Да,
Да, вспоминаю: в городе недавно
Он возмущенье поднимал. Не так ли?

Лия

И совершил убийство. Он теперь,
Слыхала я, сидит в темнице.

Прокула

Что же

Те крики значили?

Голоса, до сих пор все усиливавшиеся, начали стихать.

Лия

Не понимаю.

Прокула

[Но продолжай рассказ свой, Иоанна.

Иоанна

И на́ смех поднял Иисуса Ирод,
Глумиться стал над Ним и потешаться,
А царедворцы дружно изощрялись,
Изобретая шутки и насмешки.

Прокула

Какие низости!

Иоанна

Уничижив

Его, над Ним наиздевавшись вдоволь,
Приказ дал Ирод воинам своим
Лоснящуюся белую одежду
На Узника надеть, тем знаменуя,
Что смертной в Нем он не нашел вины.]

Явление восемнадцатое

Из второй двери входит префект.

Префект

Прости меня, о, госпожа: быть может,
Не в пору мой приход. Но чует сердце,
Что из претории вестей ты жаждешь.
Сдается мне, что этот Подсудимый
Успел твое участие возбудить.
Ты видишь в Нем Учителя, святого;
Не скрою: этой веры в Иисуса
Я не могу с тобою разделить.
Но я твоей сочувствую тревоге
И всей душой жалею о тебе!

Прокула

Благодарю, наш добрый гость, сердечно
Благодарю! Ты верно угадал
Желания мои. — Ты, Иоанна,
Его не знаешь? Это новый наш
Префект из Кесарии. — О, поведай
О том, чему свидетелем ты был.

Опять крик толпы за сценой.

Префект

Супруг твой, сидя на судейском кресле,
С высокого помоста к иудеям
Держал такую речь: — «Вы говорите,
Что развращает этот Человек
Народ ваш. Но при вас я это дело
Исследовал. Виновным не нашел
Я Иисуса в преступлениях, в коих
Вы обвиняете Его. Итак,
В угоду вам Его я накажу
И, наказав, верну Ему свободу».

Прокула

Что говоришь ты? «Наказав»? Иль я
Ослышалась?

Иоанна

К чему же наказание,
Коль никакой не найдено вины?

Префект

Я повторяю только то, что слышал.
Так прокуратор говорил.

Прокула

Постой...

В толк не возьму я... Если Обвиненный
Виновным на суде не признан, можно ль
Наказывать Его?

Префект

Я, госпожа,

Подвластен прокуратору; прилично ль
Мне порицать его иль восхвалять?

Прокула

Забудем прокуратора; я мненье
Твое узнать желаю: допустимо ль
Наказывать Безвинного?

Префект

Заметь,

В угоду лишь толпе он Иисуса
Решил подвергнуть наказанью.

Прокула

Вот как!

Да, сделка с совестью, уступка силе.
Ведь это слабость, малодушье, низость! —
Но говори, что далее случилось?

Префект

Тут вспомнил прокуратор, что у них,
У иудеев, давний есть обычай
На Пасху одного из заключенных,
Кого народ укажет, отпускать

На волю. [И сказал им прокуратор:
— «Хотите, чтоб на праздник отпустил я
Царя вам Иудейского?» — Толпа
Отхлынула. Народ стал совещаться
Со старцами и книжниками.] Тут
Тобою посланный вбежал невольник.
Я слышал, как супругу твоему
Передавал он про твою тревогу,
Про сновиденье. — Жалостью томим,
К тебе участья полный, захотел я
Подать надежду, помощь, утешенье. —
Тогда народ потребовал свободы
Какому-то разбойнику Варавве.

Прокула

Так вот что значил этот клик толпы!

Префект

И с этой вестью поспешил к тебе я.

Вбегает во вторую дверь Александр
с бледным, измученным лицом.

Явление девятнадцатое

Александр

Что видеть мне пришлось!

Прокула, Иоанна, Лия

Да говори же!

Александр

Правитель пред толпой возвысил голос:
Наставника хотел он отпустить.
— «Распни, распни Его!» — они кричали.

Прокула

Смерть крестная!

Иоанна

Учителя распять!

Лия

О, горе, горе, горе!

Префект

[Продолжай!

Александр

Он говорит: — «Какое зло Он сделал?»
Но громче прежнего они ревели;
И превозмог их вопль.] И прокуратор
Его когорте отдал и велел
Подвергнуть бичеванью.

Иоанна

Ужас! Ужас!

Прокула

О, горе жгучее! О, вечный стыд!

Л и я

Скорбь без конца! Возлюбленный Учитель!
Женщины плачут. Опять крики за сценой.

Префект *(в сторону)*.

Хорош, однако, этот твердый, стойкий,
Неколебимый, праведный судья!
И полкогорты было бы довольно,
Чтоб проучить безмозглую толпу!
(К Александру).
Что ж далее?

Александр

В когорте Севастийской
Почти все воины из самарян,
А самаряне исстари не терпят
Нас, иудеев...

Прокула

Дальше!

Иоанна

К делу!

Александр

Случай

Удобный выпал им над Иудейским
Царем, хотя б и мнимым, неприязнь
Свою сорвать. Там, за дворцом, толпа их

На воинском дворе Его к столбу
Нагого привязала. Бич ужасный
Взвился, со свистом воздух рассекая.
Жестокие посыпались удары,
Терзая тело...

Прокула (*затыкая уши*).

Замолчи!

Иоанна

Довольно!

Лия

О, ужас!

Префект

Да, ужасен этот бич!

Александр

Там на дворе терновый есть кустарник.
И ветвь один из воинов сорвав,
Сплел из нее венок. С весельем диким
Им увенчали Узника они.
В Его чело, в виски шипы вонзились;
[Из-под венка страдания рубины —
Пурпуровые выступили капли.]
Другой накиннул на́ плечи Ему
Дырявую багряную хламиду,
А вместо скипетра дал в руку трость.
И перед Ним склонялись на колени

И, трость взяв из руки, по голове
Его они немилосердно били...
И с хохотом и шутками плевали
В Его окровавленное лицо...

Прокула

Злодеи!

Иоанна

Изверги!

Прокула

Беги скорее

К Пилату, Александр, и возвращайся
С вестями к нам!

Александр

Бегу я, госпожа!

Убегает во вторую дверь и
сталкивается с входящим оттуда центурионом.

Явление двадцатое

Центурион

Свершилось бичеванье. Прокуратор,
Несчастливого увидев, ужаснулся.
Его истерзанный кровавый вид
Разжалобит, он думал, иудеев. —
В венке терновом, в багрянице, с тростью
К ним вывел я Страдальца Иисуса.
[И произнес Пилат: — «Се Человек!»] —

Но лишь народ Его завидел, снова
Поднялся крик: — «Распни Его, распни!» —
И говорят их старцы, что имеют
Закон, что по закону их Он должен
Быть умерщвлен за то, что выдавал
Себя за Сына Божия.

Префект

Так вот как!
Не только «истины свидетель» Он,
Не только «Царь», хотя б и не от мира
Сего, но даже «Божий Сын»! Однако
Высоко метит этот Иудей!

Прокула

Твои слова мне больно ранят сердце,
Не верь, но только не глумись!

Центурион

Правитель
От слов «Сын Божий» видимо смутился.
В преторию он вновь вошел, велел мне
И Узника туда к нему ввести.
Казалось, что злосчастный Подсудимый
Благоговейный страх ему внушал.
Чтоб с глазу на глаз с Ним не оставаться,
Мне приказал Пилат не уходить.
[И с дрожью в голосе Его спросил он:
— «Откуда Ты?» — Но лишь молчанье было
Ему ответом. — «Мне ль не отвечаешь, —
Ему он молвил: — Иль не знаешь Ты,
Что властен я Тебя распять и властен

Свободу дать!» — И Узник отвечал:
 — «Ты не имел бы власти надо Мною,
 Когда б то свыше не было дано.
 Грех большой посему на том, кто предал
 Меня тебе». — И после этих слов]
 Опять к народу вышел прокуратор. —
 Позволь мне распахнуть вот эту дверь.

Открывает первую дверь направо. Гул голосов слышнее.

Отсюда виден весь лифостротон.
 Смотри, как жарко с кресла своего
 С толпою препирается правитель.
 Теперь еще уверенней, чем прежде,
 Еще упорней ищет отпустить
 Он Узника.

Прокула подходит к двери, Иоанна и Лия — за нею.

Явление двадцать первое

Голос саддукея *(за сценой)*.

Когда Его отпустишь, —
 Ты кесарю не друг!

Голос 1-го фарисея

Затем, что всякий
 Дерзающий царем себя назвать,
 Противник кесарю!

Иоанна

Смотри, как вздрогнул
 И стал белее снега прокуратор.

Прокула

Трибуну знак он подал...

Центурион

То велит он
Опять к народу вывести Иисуса.

Иоанна

Да! Вот претории раскрылись двери...
Его ведут!..

Лия

О, ужас!

Прокула

Боги! Что
С Ним сделали они!

Чтобы не лишиться чувств, прислоняется к колонне.
Иоанна и Лия стараются не подпускать ее к двери.

Префект

Невыносимо
Ей на несчастного смотреть!

Лия

Заприте
Скорее эту дверь!

Центурион запирает дверь.

Иоанна

Не надо к двери
Пускать ее!

Прокула

В себя я прихожу...
Мне лучше... Мне... Пустите, ах, пустите!..
Зачем меня вы держите?..

Дверь снова открывается. Стремительно вбегает Александр, хватая со стола кувшин с лоханью и бросается к фонтану зачерпнуть воды. Дверь остается открытой.

Явление двадцать второе

Голос Пилата (*насмешливо*).

Се Царь ваш!

Прокула

Я слышу голос Понтия! Пустите!

Иоанна

Молю тебя, не подходи к той двери!

Голоса народа:

1-й

Возьми, возьми!

2-й

Распни Его!

3-й

Распни!

Лия

Что делаешь ты там? Зачем вода?

Александр

Воды велел подать наш господин.

Убегает.

Явление двадцать третье

Голос саддукея

На смерть!

Голос 1-го фарисея

На крест!

Голос 2-го

Возьми Его!

Голос 3-го

Распни!

Голос Пилата (*с горькой насмешкой*).

Царя ли вашего распну?

Прокула

Ты слышишь?

То говорил мой муж...

Иоанна

О, успокойся!

О, Прокула, поберегись!

Голос 1-го фарисея

Не знаем

Царя мы!

Голос 2-го

[Нет у нас царя!]

Голос 3-го

Не нужно

Царя нам!

Голос саддукея

Царь у нас единый: кесарь!

Прокула (*вырываясь*).

Пустите!.. Прочь!.. Пустите к этой двери!
Пустите же! Все, все хочу я видеть!

Крики смолкают.

Голос Пилата (*после молчания*).

Я умываю руки в знак того,
Что неповинен я в крови невинной.
За Праведника вам держать ответ!

Голос народа

Пусть кровь Его на нас и детях наших!

Занавес быстро падает.

Павловск
12 января 1912

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дом и сад Иосифа Аримафейского у занимающей всю сцену справа высокой городской стены, сплошь заросшей плющом и зеленью. От этой стены в глубине под прямым углом тянется наискось через всю сцену влево каменная ограда сада, отделяющая его от дороги, которая, не видимая зрителю по ту сторону ограды и вдоль ее ведет от выхода из городских ворот, видимых своею верхней частью на заднем плане за оградой и городской стеной над образуемым ими углом. Слева дом Иосифа выступает лишь небольшой пристройкой с плоской крышей под пестрым шатровым навесом. На этой крыше два дивана, стол, кожаная корзина со свитками Ветхого Завета. Сиденья и стол покрыты дорогими коврами. Дом примыкает к вышеупомянутой ограде. С крыши ведут каменные ступени на площадку, примкнутую к той же ограде. Тут каменная скамья. Стоящему на площадке ограда приходится почти на высоте плеч, так что ему видна дорога. С площадки в сад спускаются несколько ступеней. В углу

справа в глубине водоем. Между ним и ступенями на площадке и на крышу в ограде калитка, ведущая на дорогу. Справа на авансцене ход в глубину сада. В саду вазы, скамьи, цветы. Около полудня. Солнечная погода.

Явление первое

Иосиф сидит на кровле, читая свиток закона.
Никодим медленно всходит к нему по ступеням.

Иосиф

А, это ты, мой старый друг! Как рад я,
Что наконец опять ко мне зашел
Ты, Никодим! Садись, садись вот здесь,
Поближе, так. Давно, давно хотелось
Мне по душе с тобой поговорить.
Поверишь ли, в последние недели
Я, добрый друг, тебя не узнаю:
[В тебе таится что-то; ты рассеян,
Сдвигаешь брови сумрачно, молчишь,
Не отвечая часто на вопросы,
И всех сторонисься. О, друг мой, брат.]
Откройся мне, скажи: что, что с тобою?

Никодим

Иосиф, друг мой! Верно угадал
Ты, что во мне упорно и жестоко
Два борются начала...

Иосиф

Вижу, вижу.

Никодим

Всегда и раньше ум боролся с сердцем;
Но никогда борьба глухая эта
Меня не мучила так нестерпимо,
Как в эти дни — нет, даже и не дни —
В часы, протекшие с минувшей ночи...

Иосиф

Что ж? Над Учителем внезапный суд
И смертный приговор...

Никодим

Не только это.
Ужасно то, что я... что я...

Иосиф

Так что же?

Никодим

Ужасно то, что я — не понимаю...
О, как мучительно — не понимать!
[Я сам себя не раз ловил на чувстве,
Что смутное питаю упование
На Иисуса. Мне подчас казалось,
Что это Он — обещанный Мессия,
Что свергнет Он языческое иго,
Освободит Израильский народ,
Прославится, воссядет на престоле
Давидовом и с высоты Сиона
Над нами будет царствовать вовек.
Но вот настал день радости священной,
Канун великой Пасхи иудейской —

И рухнула последняя надежда! —
Иосиф, друг мой, ты, наверно, помнишь:
Назад тому три года тайно я
К Нему пошел глухою, темной ночью.
Но знать не можешь ты, зачем пошел я;
Так выслушай. — Со всею силой веры]
Давно, уж с ранних лет вникаю я
В закон, в преданья, в заповеди Божьи.
Чем глубже в мудрость их я погружаюсь,
Тем все ясней, все явственней, все ярче
Обозначается передо мной
Та ложная стезя, которой наши
Законники и книжники ведут.

И о с и ф

Куда ж ведут они?

Н и к о д и м

Куда — не знаю!

Не к Богу только.

И о с и ф

Что? И это ты,

Израилев учитель, иудейский
Начальник, ты, ты, Никодим, дерзаешь
Произнести такое слово?

Н и к о д и м

Да,

Дерзаю потому, что Моисеев
Закон, пророчества, преданья старцев
И совокупность нашего ученья
Мне слишком, слишком дороги и близки.
В них правда вечная, в них жизнь, в них Бог!

Но только в них одних, не в толкованьях
Священников, законников, левитов.
Ужели вера есть у этих членов
Синедриона, этих фарисеев
И саддукеев?

Иосиф

У кого ж она?
Кто ж верует?

Никодим

Кто? — Дети, только дети.
Я и себя ребенком малым помню.
Как я тогда глубоко верил в Бога!
К Нему любовью чистой и горячей
Пылало сердце детское мое.
Он надо мной парил в безбрежном небе,
Его нетленной синевой меня
Он осенял, меня тогда любил Он.
Ему молился я, — нет, не молился:
Тогда еще не научили люди
Меня Ему молиться. В эту высь
Рвался к Нему душою я и плакал,
Да, плакал в несказуемом восторге
Отрадными, счастливыми слезами,
И в тех слезах общенье находил
С моим Создателем. — Скажи, Иосиф,
Не каждый ли из нас переживал
Такие чувства в отрочества годы?
Теперь ответь: чему же обучают
У нас детей?

Иосиф

Какой вопрос! Чему?
Конечно, вере в Истинного Бога,
Его закону, заповедям Божьим...

Никодим

Нет, не тому, Иосиф, не тому!
Нет, измышленьями сухого знания
Уже давно у нас подменены
Святой закон и заповеди Божьи;
У нас царит обрядность вместо веры,
А вместо Господа — синедрион.

Иосиф

Опомнись, Никодим! Что говоришь ты?
Божественную истину и веру
Священники незыблемо хранят.

Никодим

Священники?! Да вдумался ль, Иосиф,
Ты в то, что с нею сделали они,
С божественною истиною этой?
Они ее упрятали в Святая
Святых за пышнотканую завесу
И, в серебро и золото заковав
И драгоценными убрав камнями,
Заволокли куреньем фимиама.
Вот, вот что с истиной они свершили!
[Ты зришь ли Бога своего, Израиль?
Ему ты внемлешь, избранный народ?
Не видишь и не слышишь? — И не нужно!

Тем истина у нас сохранней, тем
Незыблемей, верней и безопасней
Мы Божье откровенье соблюдем.]
Народ! Он проклят! И пускай невеждой
В законе будет он. С него довольно
Уплаты десятин и тонких правил
О том, как очищенье совершать,
И приношений, и даров, и жертв,
И почитанья строгого субботы.

И о с и ф

Друг Никодим, спокойней, без боязни
Теперь я слушаю тебя. Сперва мне
Почудилось, что пошатнулся сам
Ты в вере в Божью истину святую;
[И страхом за тебя, мой верный друг,
Болезненно душа затрепетала.]
Но вижу, ты, как прежде, в вере тверд.
[За бедный наш простой народ скорбишь ты,
И скорбь твою всем сердцем я делю.]
— Послушай: здесь сейчас меня застал ты
За чтением Исаии пророка.
Раскрой же свиток, — нет, не тот, — другой,
Вот этот. — Дай! Смотри внизу страницы,
Вот здесь: «К чему Мне множество всех ваших
Кровавых жертв? Так говорит Господь.
Я всесожженьями овнов и туком
Откормленных пресытился тельцов.
Не нужно Мне всей этой крови агнцев...»

Н и к о д и м

Иосиф, друг, не странно ль? Вот ответ
На мысль мою. Всевышний Сам устами

Пророка Своего вещает нам,
Что обветшало прежнее служенье.

И о с и ф

Да, верю я; недалеко то время,
Когда не в городе царя Давида,
Когда не в этом пышном храме только,
Но где бы ни было под небесами
Создателю миров, Отцу, как дети,
Поклонниками истинными мы
Повсюду поклоняться будем в духе
И истине.

Н и к о д и м

Опять взыграло сердце,
Твоим речам внимая. Узнаю
Слова святые Иисуса. Верю
Душою всей, умом и сердцем верю,
Что Он с небес на землю послан Богом,
Чтоб с нами новый заключить завет.
Он, Он — давно обещанный Мессия,
Сомненья нет!.. — И вдруг, лишь только вспомню
Синедрион, полночный суд, Пилата,
Допрос и этот смертный приговор, —
Как у стрелой настигнутой орлицы
Беспомощно поникнут крылья веры,
И в глубь и мрак сомнений я паду.

И о с и ф

Не унывай, друг верный мой! Надейся
И жди! Не будем дерзко предрешать
Божественную волю Провиденья.

Входит слуга.

Явление второе

Слуга

Готова трапеза!

Иосиф (*Никодиму*).Друг, оставайся
И трапезу со мною раздели!

Все трое уходят налево.

Явление третье

Справа, из глубины сада входят Симон, Руф
и Вартимей с садовыми орудиями.Симон (*утирая пот*).Как солнце горячо в открытом поле!
Еще вчера с вершин Ливана ветер
Навеял холода и пахло снегом;
Безоблачная ночь была свежа,
А уж сегодня к полдню стало жарко.

Руф

На крыльях ласточек летит весна!
Смотри, отец, уж две из них хлопочут
Под крышею у старого гнезда.
Который год они сюда летают!
А здесь, под вазой, алый гиацинт
Готовится раскрыть, пригретый солнцем,
Своих кудрей румяных завитки.

С и м о н

Да, снова нам Всевышний посылает
Отрадную, счастливую весну!
Почуяли ее тепла дыханье,
Из муравы вытягиваясь к небу,
Стебли прекрасных белоснежных лилий.
Что стоило б им к празднику расцвести!
Так любит их хозяин! Нет, до завтра
Не зацветут.

В а р т и м е й

Какое счастье! Снова
Прозревшими глазами вижу я
Красу и блеск, и прелесть мира Божья,
И ласточек, и солнце, и цветы!

С и м о н

[Да, Вартимей! С заоблачного неба
Призрел Господь на слепоту твою,
И нашему Учителю позволил
Твои глаза избавить от нее.
А на земле, как и в надзвездном небе,
Заботливый и щедрый благодетель
Помог нужде и бедности твоей.
Хозяин добрый наш! Благословенно
Его да будет имя! Сколько слез
Он сердобольною отер рукою!
Не счесть убогих, сирых и вдовиц,
Которым он оказывает милость.

Руф

Не много сыщется в Ерусалиме
Таких господ, как наш Иосиф. Он
Да Никодим, его приятель верный,
Тот самый, что на кровле с ним сейчас
Беседовал, во всем синедрионе
По доброте сердечной не найдут
Себе подобных.

Симон

Да, не мог хозяин
Избрать себе достойнейшего друга.]

Стук в калитку.

Стучится кто-то там. — Руф, отпори!

Руф отпирает калитку.
Входит Иоанна.

Явление четвертое

Иоанна

Хозяин дома? Я по делу.

Симон

Дома
Хозяин, дома, госпожа! Тебе
Всегда он рад. Теперь он с Никодимом
За трапезой.

И о а н н а

А! Старый Симон! Здравствуй! —
С недобрыми вестями от Пилата
Я прихожу. Как больно мне, друзья,
Быть предвозвестницей великой скорби.

С и м о н

О, госпожа, мы все готовы слышать.

Р у ф

Позволь узнать, в чем дело, госпожа?

В а р т и м е й

Не с Иисусом ли беда случилась?

И о а н н а

Ты угадал. На крест Он осужден.
Здесь, этой улицей, в ворота эти
Его сейчас должны вести на казнь.

Р у ф

Нет, это невозможно!

С и м о н

Как? Учитель!..

В а р т и м е й

Не может крестною позорной смертью
Он умереть!

Руф

Прости нас, госпожа!
Но эта весть такой вселила ужас
В моей душе, что не могу я верить.

Вартимей

Он — Праведник! Он чудеса творит!

Симон

Ни на какое зло Он не способен!

Руф

Его на казнь! И на какую казнь!

Иоанна

О, если б я сама могла не верить,
Что это правда, что еще сегодня
Свершится казнь!

Вартимей

О, Господи, зачем
Глаза мои несчастные прозрели?
О, если бы ослепнуть им опять,
Чтобы не видеть мне Его мучений!

Симон

А помнишь, Руф, дней пять назад, когда
У входа в храм я под уздцы ослицу
Держал, пока с нее слезал Учитель,
Мне посмотрел в глаза Он и сказал,
Что и другой ждет от меня услуги.

Руф

Да, помню, помню; я еще ответил,
Что неизменно все Его слова
Сбываются. Ну, как теперь им сбыться!

На кровле появляются Иосиф и Никодим;
Симон, Руф и Вартимей принимаются за садовые
работы.

Явление пятое**Иоанна**

Вот и хозяин ваш! *(Всходит по ступеням)*.

Иосиф

Чей это голос?
А, Иоанна! Гостья дорогая!

Сходит ей навстречу на площадку.

Ты из дворца? С какими же вестями?

Иоанна

С недобрыми. По долгом колебанье
Их приговор правитель утвердил.

Никодим

Все кончено!

Иоанна

Уж воины готовят
Орудие позорнейшей из казней.
К тебе я прямо из дворца Пилата
Пришла по просьбе Прокулы. Она
В таком отчаянье! Она просила
Ей передать, что здесь увидим мы.

Справа за сценой шум приближающейся толпы. Симон,
Руф и Вартимей бросают работу.
Симон подходит к калитке и смотрит в нее на улицу.
Руф — за ним. Вартимей взбегаёт по ступенькам и
смотрит через стену.

Явление шестое

Симон

Ведут! (*Крик*).

Руф

Вдали по улице, я вижу,
Толпой валит народ.

Вартимей

Несется пыль...
Вот воины, а впереди глашатай.

Иоанна

Ах! Слышишь, издали, как шум прибой
Мятежных волн, бегущих к берегам,
Доносится толпы народной говор.
Я вся дрожу, Иосиф. — Ближе... Ближе!
О, если бы не слышать и не видеть!

И о с и ф

Мужайся!

И о а н н а

Боже Вышний, дай мне силы!

Н и к о д и м

Молитесь!

Голос глашатая *(за сценой справа издали,
протяжно, нараспев)*.

Иисус Назарянин,
Царь Иудейский!

В а р т и м е й

Вот кричит глашатай.

С и м о н

Да, слышу, слышу!

Н и к о д и м

О, жестоковыйный
Израильский народ! Народ строптивый!
Сыны погибели, вы позабыли,
Оставили вы Бога! Ярый гнев
Его не научил вас покоряться
Безропотно святой Господней воле.
[Когда Он вывел из Египта вас
И расступилось море перед вами,
Когда пустыней мрачною вы шли
И ваш пророк и вождь при блеске молний
Под грозные раскаты грома, в туче,

На высоте дымящейся горы
Беседу вел с Творцом сорокадневно,
Вы, вы тогда что делали в долине?
Из золота вы отлили тельца
И вокруг него неистово плясали
И в мерзостных бесчинствовали играх.
Вас пощадил Создатель и простил.
Чем вы Ему воздали за пощаду?
Он посылал пророков вам и мудрых,
И праведных, а вы? Вы гнали их
Из града в град, бесчестили, камнями
Их побивали и казнили их.
Дополните же ныне меру ваших
Отцов! Один, последний остается,
Всевышним посланный с небес на землю
К вам с проповедью мира и любви.
Как Моисей вознес змию в пустыне,
На крест вы Иисуса вознесете.
Но знайте: не отпустится во веки
Ни вам, ни детям вашим этот грех!

Шум толпы, все приближавшийся и усиливавшийся
во время речи Никодима, теперь уже слышен на сцене
за оградой справа.

И о а н н а *(хватая за руку Иосифа)*.

Вот Он! Смотри!

И о с и ф

Пророчество свершилось:
«Он Человек, издевавший болезнь
И весь покрытый ранами... Отторгнут
Он от земли живых... За преступленья
Народа Моего на смерть ведется!»..

Симон

Он изнемог под тяжестью креста...

Вартимей

Он обессилел...

Руф

Пошатнулся...

Иоанна

Ах! (*Крик.*)

Симон

Упал! — Учитель наш!

Поспешно убегает в калитку.

Явление седьмое

Голос саддукея (*за оградой*).

Вперед!

Голос 1-го фарисея (*за оградой*).

Иди же!

Голос центуриона (*за оградой, сострадательно*).

Он выбился из сил...

Вартимей (*Руфу; перебегая на левый край площадки, смотрит через ограду*).

Себе отец твой
Взвалил на плечи крест.

Голос центуриона (*за оградой*).

Уж если поднял
Ты крест, так и неси его вослед
За Осужденным.

Голос 2-го фарисея (*за оградой*).

Встань!

Голос 1-го (*за оградой*).

Вставай!

Голос 3-го (*за оградой*).

Не время
Теперь валяться в прахе!

Голос саддукея (*за оградой*).

Ха! Других
Спасал, а Сам Себя спасти не можешь!

Иоанна

О, эти фарисеи!

Р у ф

Кровопийцы!

В а р т и м е й

У, изверги!

Г о л о с ц е н т у р и о н а (*за оградой, сострадательно*).

Вы, кто-нибудь из стражи,
Да помогите же Ему с земли
Подняться.

Н и к о д и м

Римлянин, центурион,
Хоть верит в идолов, а человечней,
Чем верящие в истинного Бога
Евреи!

Г о л о с г л а ш а т а я (*за серединой ограды*).

Иисус Назарянин,
Царь Иудейский!

Говор народа слышен уже за серединой ограды,
все подаваясь влево.

Р у ф

Вслед за Ним отец мой
Несет Его тяжелый крест. Так вот
В чем предреченная была услуга!
Сбылись Его слова!

В а р т и м е й

Не одного
Учителя ведут на место казни:
Гляди, Ему вослед еще один
Идет под крестной ношей осужденный.

Р у ф

А вот другой, и тоже тащит крест.

В а р т и м е й

Кто эти двое?

Р у ф

Я узнал их: это
Сообщники мятежника Вараввы.

И о а н н а

Смотри, Иосиф, опершись на руку
Любимого Его ученика,
Идет за Сыном Мать Его, Мария.
О, горе матери насквозь пронзает
Ей, как мечом, истерзанное сердце!

И о с и ф

Скорбь матерей всего земного мира,
Скорбь за детей своих, Твоею скорбью
Освящена отныне и навек! —
Пойдем за Ней!

И о а н н а

Пойдем, пойдем, Иосиф!

Поспешно спускаются и уходят в калитку.
Руф за ними.

Явление восьмое

Вартимей рыдает, облокотясь на стену.

Никодим *(глядя вслед шествию,
преклоняет колени)*.

И Божий гнев

Не разразился!.. Ангелам небесным
Не повелел Господь слететь на землю
Из рук злодеев вырвать Иисуса!..
Он ко кресту в Своем венце терновом
Через мгновенье будет пригвожден!..
Обещанным царем Он не воссядет
В Сионе...

Г о л о с г л а ш а т а я *(за сценой, слева)*.

Иисус Назарянин,
Царь Иудейский!

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

У Пилата. Богатый покой. Посередине несколько широких мраморных ступеней ведут к арке, за которой триклиний — глубокое полукруглое помещение под сводом. По обе стороны арки по двери. Среди триклиния богато накрытый, уставленный яствами и питьями стол. Обилие цветов. Дорогая посуда. Вокруг стола возлежат на ложах из слоновой кости: Пилат, префект и оба трибуна. Прокула сидит на ложе напротив Пилата. Сумрак, позволяющий, однако, довольно ясно различать предметы. Постепенно становится все темнее. Александр и невольники прислуживаются.

Явление первое

1-й трибун

И трех часов с полудня не прошло,
А солнце скрылось.

2-й

Сумрак необычный
Окутал землю.

1-й

Все мрачней и гуще
Таинственная мгла.

Префект (*насмешливо*).

Вся тайна в том,
Что временно луна затмила солнце.

Прокула

В безоблачном оно померкло небе
В тот самый час, когда на лобном месте
Казнь началась.

Явление второе

Г о л о с *(за сценой очень далеко,
протяжно и заунывно).*

Молитесь о казнимых!

1 - й т р и б у н

Опять!

2-й

Опять зловещий этот голос!

1-й

Что это значит?

П и л а т

Здесь обычай есть:
Покуда казнь свершается, взывает
Ко гражданам левит с высокой башни,
Чтоб за казнимого они молились.

Прокула

Еще не поздно, Понтий. Время есть
Еще тебе загладить грех великий.

Ты приговор твой можешь отменить.
Пусть Александр, иль кто-нибудь, поспешно
Туда, на эту, страшную Голгофу
К центуриону сбегает. Молю
Тебя, молю всем, что всего дороже
Тебе на свете! О, пошли его!
Пусть передаст он там твое веленье,
Чтоб задержали, чтоб прервали казнь.

П и л а т

Ты просишь невозможного. Ты судишь
По-женски. Непристойно приговоры
Постановлять и снова отменять:
Власть твердая того не допускает.

П р о к у л а

Но, Понтий, сам считаешь неповинным
Ты Осужденного.

П и л а т

Тут есть причины,
Которых женский не охватит ум.
Тут государственная польза. Впрочем,
Какое дело может быть тебе,
Матроне римской, до Того Еврея?

П р о к у л а *(тихо Александру)*.

Как долго медлит Лия! Александр,
Узнай, ужель еще не воротилась
Она с вестями? Я давно услала
Ее туда.

Александр
Я справлюсь, госпожа!
Уходит направо.

Явление третье

Префект (*тихо Пилату*).
Все помыслы ее к той страшной казни
Прикованы. Но надо попытаться
Ее развлечь веселою беседой.

Пилат

Послушаем и мы. (*Невольникам*). Полней вина
Налить гостям!

Голос (*за сценой*).

Молитесь о казнимых!

1-й трибун

Как нагоняет на душу тоску
Унылый голос этот!

2-й

У египтян

На пиршествах разряженным гостям
В чертог веселья мумию приносят —
Напоминая о грядущей смерти. —
Так этот голос заунывный нам
О неизбежности конца вещает.

Здесь Прокула, до сих пор не обращавшая внимания
на пирующих, прислушивается к словам 2-го трибуна.

1-й

Смотрите! Все чернее тьма кругом.

2-й

День превратился в ночь.

1-й

Едва могу я
Предметы различать.

П и л а т

Подать огня!

Невольники зажигают светильники.

П р е ф е к т

При пламени светильников как ярко
Сияют изумруды в ожерелье
У нашей госпожи! — Пришла на память
Мне Лоллия: когда с ней развелся
Внук и наследник кесаря, она
Без всякого труда нашла другого,
Не слишком знатного супруга. Я
На брачный пир был позван. На невесту
Навесили на сорок миллионов
Сестерций изумрудов и жемчужин.

П и л а т (смеясь).

Ужели мог ты с точностью такую
На глаз ее убранство оценить?

Префект

Нет, в жемчугах и драгоценных камнях
Я не знаток; она сама на пире
Высчитывала каждому охотно
Их стоимость.

Входит справа Лия, за ней Александр.

Явление четвертое

Прокула

Ах, Лия, наконец!
Иди сюда! Скорей, садись поближе,
Здесь на скамью у ложа моего.

Говорит с ней вполголоса.

Префект

Когда, плывя к далекой Иудее,
Я покидал родные берега,
И за кормой в лазоревом тумане
Тонули рощи и сады Путéол,
Казалось мне, что ждут меня лишенья,
Что сродников утратив и друзей,
От родины оторванный, здесь буду
Я жертвой одиночества и скуки.
Но вот, еще не минул день прибытья
В неведомую чуждую столицу,
А мне уж кажется, что дома я.

2-й трибун

Как в Риме, как у нас на Палатинском
Холме, мы слышим речь родную: те же
Перед глазами пышные чертоги,
А в довершенье — ласковый прием.

1-й

Могли ли думать мы, что в Иудее
Нас угостят лукулловским обедом!

Префект

Чего, чего здесь нет из яств отборных:
Мозги павлиньи, языки фламинго,
И еж морской, и устрицы Тарента,
И куры нумидийские, и рыба,
Которой родина — Эвксинский Понт...

1-й трибун

А как ласкает взор разнообразье
Плодов; из рога изобилья словно
Их высыпали нам: тут и гранаты,
И вишни, и египетские фиги,
И яблоки, и сливы из Дамаска.

2-й

Но лучше всяких лакомств и плодов
Живительная в этих кубках влага —
Хиосское и кипрское вино;
Оно шипит и пенится, и жажду
Нам утоляет, и волнует кровь.

Префект

Товарищи, я кубок поднимаю
За прокуратора!

1-й трибун

Его здоровье!

2-й

За нашего хозяина!

Префект

Я пью
За благородную его супругу!

1-й трибун

За Прокулу я кубок осушаю!

2-й

И я!

Пилат

Вам, воины, благодаренье
И за меня, и за мою супругу.

Префект

Лишь наша госпожа ни до чего
И не дотронулась из яств обильных.

1-й трибун

Непечатый, налитый до краев,
Пред нею блещет кубок драгоценный.

Префект

Средь множества невольниц в этом доме
Наверно есть искусницы плясать.
Сирийская прославленная пляска
Под сладостные звуки флейт и лир
Развеселит печаль твоей супруги,
И, может быть, тоска ее пройдет.

Пилат

Пусть пляшущие явятся рабыни
И плясуны-сирийцы.

Прокула (*тихо Лии*).

Что за пытка!

Ах, Лия, Лия! Слушая тебя,
Я чувствую, что острое железо
Гвоздей как будто в руки мне и ноги
Вонзается. В истерзанной груди
Мое смертельной мукой сердце рвется.
Все помыслы и чувства все мои
Там, у Него, у страшного креста...
А здесь и этот смех, и эти речи!..
Уйти бы мне, чтобы не слышать их:

Л и я

О, потерпи еще, молю тебя! —
Они не знают, что творят... Уходом
Супруга ты разгневаешь... Побудь
С гостями... Притворись, прикинься
Веселой, беззаботной, госпожа!

Входят пляшущие сирийские рабы и рабыни.

Явление пятое

Прокула

Я не могу! Не в силах больше я...

Раздается музыка из сада. Музыкантов не видно.

О, если бы не видеть этой пляски...
Ах, уведи меня куда-нибудь!

Л и я

Молю тебя, сбери остаток силы,
Бери с Него пример! Терпи, как Он!

Сирийская рабыня пляшет.

Префект

Под звуки томные лидийской песни
Как упоительны ее движенья!

1-й трибун

Какая нега!

2-й

Сколько выраженья!

Префект

В истоме сладостной стан изогнув,
По влажному морскому лону словно
Плывет она.

1-й трибун

Бессмертные Хариты
С ней не могли б в изяществе сравняться.

2-й

При виде нежных прелестей ее
Самой завидно стало б Терпсихоре,
Одной из девяти сестер Парнаса.

Префект

Но как бледна! Она дрожит всем телом,
И в помутившихся глазах у ней
Читаю я какой-то страх смертельный.

Пилат

Чего-нибудь повеселей! Теперь
Пусть пляшут все.

Голос (за сценой).

Молитесь о казнимых!

1-й трибун

Опять!..

2-й

О, благодатное вино!
И суеверный страх с ним позабудешь.

1-й

И этот мрак зловещий нипочем!
Сирийские рабы и рабыни пляшут.

Префект

Он пляшет, как во сне, как в исступленье,
И ужас на лице, как и у ней.

1-й трибун

Так хищный зверь выслеживает жертву!..

2-й

Она летит на легких крыльях ветра,
Едва касаясь мраморного пола.

1-й

Вот, он настиг!

Префект

Нет, вырвалась она.

2-й трибун

Так от Плутона мчалась Прозерпина...

Префект

Или сабинянки от римлян...

Ослепительная молния. Оглушительный удар грома.
Подземный гул. Землетрясение. Стены и колонны
колеблются.

2-й трибун

Боги!

Бежит, спотыкается, падает и лежит в оцепенении.

Префект *(тревожно)*.

И молния, и гром, и гул подземный!

Спешит к выходу в сад и опирается на колонну.

Пилат *(роняя кубок)*.

Земля колеблется! *(Вскакивает)*.

1-й трибун *(падая на колени)*.

Мы погибаем!

Сирийская рабыня с раздирающим душу воплем убегает; сириец — за ней. Порыв завывающего ветра. Огни гаснут. Непроницаемый мрак. Долгое мертвое молчание. Потом сразу яркий дневной свет.

Явление шестое

Префект

Что это было?

Пилат

Не во сне ли мы?

1-й трибун

В себя я не приду.

2-й

Кровь стынет в жилах.

Прокула (*медленно вставая, с величием*).

Ужели вы не поняли еще?
Ужель сердца у вас окаменели?
О, Понтий! Боязливо, малодушно
Ты Неповинного послал на смерть.
Знай, римский прокуратор Иудей,
Наместник кесаря и друг его, —
Водою мира целого не смоешь
С себя ты той чудовищной вины! —
Он, Праведник, Он, посланный нам с неба,
Он, солнце истины и Божий Сын,
Повис, простертый на кресте позорном.
И вы дивитесь, что померкло солнце,
Что молнии во мраке заблестали,
Что разразился грозный гром небес,
Что в ужасе тряслись земные недра. —

Я верую! Мне сердце говорит:
Он испустил последнее дыханье.
Свершилось! — Господи, Его страданье
Грех мира долънего да искупит!

Занавес быстро падает.

*Павловск
Страстная пятница
23 марта 1912*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сад Иосифа Аримафейского. Слева более половины сцены занимает высокая скала с ведущими на ее вершину высеченными в камне ступенями. Скала заросла кипарисами, плодовыми деревьями, в полном вешнем цвету, и кустами. На одной трети высоты в скале уступ, образующий площадку, посреди которой служащий сиденьем камень. У подошвы скалы полукруглая каменная скамья. Справа в глубине видны городские стены. На первом плане справа каменистый пригорок со ступенями. Ночь.

Явление первое

Иосиф сидит на уступе скалы. Молча входят и поднимаются на вершину скалы три мироносицы. Входят Руф и Вартимей и располагаются у ног Иосифа.

Иосиф

Всех нас влечет к себе гробница эта.
Единая объединила нас

Печаль и скорбь... И льются наши слезы,
И множится к Усопшему любовь.

Из глубины входят Александр и Лия.

Явление второе

Иосиф

Кто там идет? Шаги я будто слышу.
Ах, это Лия с Александром. — Вы
Приходите сюда грустить и плакать
На дорогой безвременной могиле?

Александр

Мы поднялись пораньше, чтоб до света
С ней сбегать за город, в поля...

Лия

Росою

Обрызганных я нарвала цветов —
Душистых первенцев весны, чтоб ими
Усыпать холм могильный...

Иосиф

Вас туда

Теперь, порой ночной, и не подпустят.
Дождитесь дня: недолго до рассвета.

Александр

Кто, господин, не пустит нас ко гробу?

И о с и ф

Да, — вы еще не знаете, что стража
К нему приставлена. Тяжеловесный,
Приваленный к дверям гробницы камень
Печатами скреплен синедриона.

Л и я

К чему печати!

А л е к с а н д р

Стража! Для чего?

И о с и ф

Первосвященники и старцы наши
Боятся, чтобы тело Иисуса
Ученики среди ночи не украли
И не сказали бы потом, что Он
Воскрес из мертвых.

А л е к с а н д р

Он и после смерти
Покоя фарисеям не дает!

И о с и ф

Еще два дня назад я б не поверил,
Что здесь, в моем саду уединенном,
Скалистый этот холм, где я себе
Последнее пристанище готовил,
Невинного Страдальца приютит.

Л и я

[Быть может, это грех, но я и в праздник
Все об одном и том же помышляю:
Из памяти изгнать я не могу
Тот страшный роковой канун субботы;
Малейшие подробности его
Упорно я в уме перебираю.

Р у ф

Я, как и ты, все вспоминаю их.
Вот, подошли за Ним мы к месту казни;
Отец мой крест Его сложил на землю,
И воины, Учителя раздев,
Его на нем нагого распростерли.
Еще досель все у меня в ушах
Стук молота как будто раздается:
Ударами вгоняя гвозди, руки
И ноги палачи Ему пронзили...
И хлынула кровь алая из ран...

Л и я

Я помню, на божественном лице
Смертельная тут выразилась мука.
Ни жалобы, ни стоны, ни проклятья
Не вырвалось из уст Его. Он очи
Возвел на небо и зывал к Отцу,
Моля у Бога Вышнего прощенья
Тем, кто не знают, что творят.

В а р т и м е й

И оба

Злодея, распятые с Ним, ругались

Над Праведником. Но один из них,
Раскаившись, стал унимать другого
И говорил ему: «Иль не боишься
Ты Бога? Мы с тобой осуждены
За дело; Он же никакого зла
Не сделал». — И Учителю моление
Принес он: «Помяни меня, Господь,
Когда придешь в царствие Твое!»

Руф

А помнишь ты, что Иисус ответил?

Вартимей

Возможно ль этого не помнить, Руф!
В ответ ему сказал Учитель: «Ныне ж
Со Мною будешь ты в раю».

Иосиф

Во тьме,
Царившей долгих три часа с полудня,
При факелах, зажженных палачами,
Я Мать Его увидел у креста;
И ученик Его любимый тут же
Стоял, скорбь несказанную Ее
Деля. Когда заметил их Страдалец,
Он тихо молвил Матери: «Вот — сын Твой»;
Потом ему сказал: «Вот — Мать твоя».
И этот ученик усыновленный
Мать нареченную к себе увел.

Александр

Я на Голгофе не был и не знаю,
Как кончились страдания Его.

Р у ф

Ах, слово каждое Его глубоко
Запечатлелось в памяти моей.
Я слышу и теперь, как возопил Он:
«О, Боже Мой! О, Боже Мой! Зачем
Меня оставил Ты?»

В а р т и м е й

Предсмертной мукой
Терзаемый, Он слабо вскрикнул: «Жажду!»
И укусом напитанную губку
Один из воинов, ее на трость
Наткнув, Ему поднес, из сострадания,
К запекшимся, хладеющим устам.

А л е к с а н д р

А в это ж время во дворце Пилата
Шел пир, и тоже утоляли жажду!

Р у ф

И, укуса вкусив, Он простонал
Пред смертью: «Совершилось! Отче, в руки
Твои дух предаю...»

В а р т и м е й

И, отстрадавшей
Поникнув головою, предал дух.]

Молчание. Все в глубокой благоговейной грусти опускают
головы. Справа входит С и м о н со снопом лилий.

Явление третье

С и м о н

Вот, господин мой добрый, полюбуясь:
Средь этой тихой, теплой ночи сразу
Все лилии на грядках расцвели.

По знаку Иосифа Александр с площадки,
берет лилии у Симона и несет их Иосифу.

И о с и ф

Душистый сноп Его любимых, чистых
В ночи расцветших, непорочных лилий
Да будет приношением моим
Ко гробу отстрадавшего Страдальца.
[Мне воины не станут возбранять
Могильный холм Его убрать цветами.]

Л и я

Коль подойти нельзя ко гробу ближе,
Домой бы нам вернуться, Александр.

И о с и ф

Идите с миром, уходите. — Лия,
У Симона оставь свои цветы.
Мы их снесем поутру на гробницу.
— И вам, друзья, снопом подкрепиться б надо.
Идите. Здесь, в уединенье, я
На предрассветную молитву стану.

Все уходят. Иосиф один.

Явление четвертое

Иосиф

Пускай навек Твои сомкнулись очи,
И плотию уснул Ты, как мертвец,
Но светит жизнь из тьмы могильной ночи,
Сияя солнцем в глубине сердец.
Живительно и действенно, и ново
В сердцах у нас Твое бессмертно слово:
Любви к Тебе душа у нас полна,
А где любовь, там смерть побеждена!

На вершине скалы слева показывается центурион.

Явление пятое

Центурион

Ты здесь! А я к тебе спешил, Иосиф.

Сходит к Иосифу.

Иосиф

Ты шел ко мне? И твоего прихода
Причиною — мой бездыханный Гость?

Центурион (*озираясь*).

Одни ли мы? Никто нас не услышит?

Иосиф

Нет никого.

Центурион

Из воинов моих,
На страже бывших у могильной двери,
Один, в тревоге, бледный прибежал
В преторию ко мне с чудесной вестью:
Лишь наступила полночь, всколебалась
Земля вокруг надгробного холма.
И кто-то светлый, дивный, лучезарный,
Слетев с небес падучею звездою,
От двери гроба камень отвалил
И сел на нем; белее снега было
На вестнике бесплотном одеянье,
А сам он, словно молния, блистал.

Иосиф

Что слышу!

Центурион

Воины на землю пали,
Затрепетав от страха; их объял
Смертельный, леденящий ужас. Долго
В себя они не приходили. Тот,
Что поспешил ко мне, передавая
О виденном, дрожал, как лист. Ко гробу
Я торопливыми пошел шагами,
И отваленным камень я нашел,
Печати же на нем остались целы.
Я в гроб проник...

Иосиф

Послушай, там ли тело
Замученного нашего Страдальца?

Центурион

Пойдем со мной, и ты увидишь сам.

Иосиф

Идем скорей!

Торопливо поднимаются на скалу и скрываются налево.
Справа медленными шагами входит Никодим и садится
на скамью.

Явление шестое

Никодим

Мне не найти покоя!

Обманутый несбывшейся надеждой,

Я день и ночь брожу с своей тоской.

[В больной, израненной душе и холод,

И пустота... И сон бежит от глаз.

Ах, тщетны были вера и надежды!]

Не Он, не Он обещанный Мессия,

А ждать другого — силы нет в душе. *(Рыдает).*

Справа входит Иоанна с алавастром в руках.

Брезжит рассвет.

Явление седьмое

Иоанна

Ах, Никодим! *(Садится рядом с ним).*

Нам только и осталось,

Что сокрушаться, плакать и рыдать.

На гроб иду я; как другие жены
Из Галилеи, тело Иисуса
Я благовоньями хочу помазать.
Вот, масти здесь из мирры и алая.
— Последний долг Ему ты оказал;
У Иоанна в доме говорили:
С Иосифом ты снял Его с креста?

Никодим

Да, я исполнил этот долг печальный,
Мы лестницу приставили к кресту.
Гвоздь извлекал я из Его десницы;
Бессильно за плечо ко мне упала
Его рука. Главой окровавленной
Склонился на меня Он; и колот
Мое лицо Его венки терновый.
И мне почудилось, я ощутил
Прощальное Учителя объятие.
На память мне приходят неотступно
Мгновенья эти; только их я вспомню —
Невольно слезы катятся из глаз.

Иоанна

И заодно с твоими проливаю
Я и свои...

За сценой в глубине слышна пастушья свирель.

Но чу! Свирель пастушья!
То стадо гонит за город пастух.
Ах, как люблю я эти звуки! В пору
Безоблачного детства переносят
Они меня. Когда свирель я слышу,
На память мне приходит ночь одна

На родине моей. Об этой ночи
Ребенком малым слышала нередко
Я пастухов бесхитростную повесть.
Они ночную стражу содержали
У стада. Ангел им предстал; [и слава
Господня осияла их. И страх
Напал на пастухов. И ангел Божий,
Их ободряя, молвил им: «Не бойтесь!
Великую я возвещаю радость
И вам, и людям всей земли: родился
Спаситель вам. И вот вам знак: в пещере
Найдете вы младенца в пеленах;
Он в яслях возлежит». И появилось
На небе много ангелов святых;
Они взывали: «Слава в вышних Богу,
Мир на земле, благоволенье людям!»
И смолкло все, и в небе свет погас,
И ангел Божий отлетел.] По слову
Его они пошли и увидали
И ясли, и спеленатого в них
Прекрасного Младенца Иисуса,
И радостную Мать Его, Марию.

Никодим

Да! Не забудет мир святую эту
Ночь в Назарете!

Иоанна

В Вифлееме.

Никодим *(быстро вставая)*.

Что?

Что? В Вифлееме?

Иоанна

Да.

Никодим

Но в Назарете

Родился Иисус.

Иоанна

Нет, ты не знаешь:

В то время перепись по всей земле
Велел из Рима сделать кесарь Август,
И каждый шел в свой город записаться.
Тогда из Назарета в Галилее
Мариин муж, Иосиф, в Иудею
Пошел, в Давидов город Вифлеем:
Из дома был Иосиф и из рода
Царя Давида.

Никодим

О, когда б ты знала,
Как горестно мне стало, Иоанна,
От слов твоих: рожденья в Вифлееме
И царских прав Давидова наследья —
Лишь этих двух примет не доставало
Для исполненья вещей пророчаний,
И ныне все сошлись на Иисусе.
Но вместо радости и ликования
Надгробные нам слезы суждены.

Иоанна

От двери гроба кто отвалит камень?
Ты, Никодим?

Слева на вершине скалы показываются и сходят вниз
Иосиф и центурион. Светает, небо розовеет.

Явление восьмое**Иосиф**

Его во гробе нет!

Иоанна

Что говоришь ты?

Никодим

Где же Он, Иосиф?

ЦентурионКругом всю местность обыскали мы,
Но тела не нашли.**Иосиф**Мы увидали
Лежащие во гробе пелены;
Особо свернутый, не с пеленами,
Но в стороне от них, лежал и плат,
Которым голову Ему повили
Вчера мы с Никодимом.**Иоанна****Поспешим**

Ко гробу.

Никодим

Я с тобою, Иоанна.

Иоанна и Никодим поспешно поднимаются на скалу
и скрываются налево.

Явление девятое

Центурион

Я был свидетелем Его страданий,
Когда Он на кресте изнемогал.
И, видя смерть Его, я всей душою
Уверовал, уверовал глубоко:
Воистину Он Божий Сын!

Входят справа Симон с цветами Лии, Руф и
Вартимей. Все в тревоге.

Явление десятое

Симон (*Иосифу*).

Мой господин, к тебе я с важной вестью:
Ты знаешь ли, что камень отвален,
Что взяли тело...

Иосиф

Знаю, Симон, знаю
И, как и вы, дивлюсь.

Вартимей

Кто ж это сделал?

Иосиф

Не ведаю.

Центурион

Ученики, быть может,
В глухую ночь, когда вздремнула стража,
Его похитили?

Иосиф

Но для чего?

Симон

Ученики на это не способны.
[— Уж до восхода солнца не далеко;
Минул покой субботы: нам пора
В саду за труд обычный приниматься.

Иосиф

Не долго же вы спали в эту ночь.

Симон

Мы, господин, и не ложились. Только
Нас отпустил ты, там, у входа в сад,
Послышались шаги нам за стеною.
Я выглянул в калитку; в полутьме, —]
Тогда еще светать не начинало, —
Узнал я Иоанна, рыбака
Из Галилеи...

Вартимей

[Это Иисусов
Любимый ученик...

Руф

Живет у самых
Ворот, насупротив калитки сада
Он через улицу, наискосок
От дома твоего...]

Симон

Он шел от гроба
Взволнованный... Мы от него узнали,
Что камень отвален, что гроб открыт
И что исчезло тело Иисуса...

Руф

Тогда мы сами сбегали туда
И не нашли Его.

Симон

Вот полевые
Цветы, что Лия принесла; что делать
Мне с ними?

Иосиф

Отнеси их, Симон мой,
На гроб; уж там и лилии мои.

Симон всходит на вершину скалы и скрывается налево.
Никодим возвращается.

Явление одиннадцатое

Иосиф

Иди, мой друг, порадуйся со мною.
 Сбываются Учителя слова:
 Уже нашелся истинный поклонник,
 Каких себе Отец небесный ищет.
 Припомни, наш Наставник незабвенный
 Предсказывал, что, вознесенный, Он
 Всех привлечет к Себе: и вот, язычник
 В Нем Сына Божия признал; неверный —
 Уверовал. — Да, будет, будет стадо
 Единое при Пастыре едином!

Центурион

[Когда свершалась казнь Его, мои
 Четыре воина Его одежды
 Между собою поделили. Был
 Еще хитон, весь тканый, а не сшитый.
 Они его не стали раздирать,
 А жребий бросили; и он достался
 Тому, кто ночью прибежал ко мне
 Донести о виденном у двери гроба.
 И я хитон у воина купил.

Никодим *(с живостью)*.

Иосиф, помнишь, у царя Давида
 В псалме поется: «Меж собою делят
 Они Мои одежды и о ризе
 Моей бросают жребий...»

И о с и ф

Помню, помню;

Еще одно пророчество сбылось.
— От Иоанны слышал я, что этот
Хитон, теперь тобой добытый, соткан
Руками Матери Его.

Н и к о д и м

К Марии

Пошла теперь поспешно Иоанна,
В дом рыбака, любимца Иисуса.

И о с и ф (*Никодиму*).

А слышал ли ты, друг, что в то мгновенье,
Когда последний вздох Он испустил,
Расселись стены храма, и завеса
Раздралась сверху до низу; и взорам
Левитов и священников Святая
Святых явилось. И Ковчег Завета,
Которого под страхом смертной казни
Не смеют видеть даже и они,
Предстал пред их смущенными глазами.

Н и к о д и м

Да, знаменательно явление это.
Нельзя в нем не увидеть указания,
Что обветшало прежнее служенье,
Что новый нам даруется завет,
Что Иисус, ниспосланный на землю,
Нам от Создателя его несет.]
О, Иисус! Отверженный Он камень,

Но камень, легший во главу угла.
 Он — камень преткновенья и соблазна!
 О, Иисус! Я видел в Нем Мессию,
 Я видел в Нем великого царя,
 Я ждал Его победы над врагами,
 Я славы ждал, ждал блеска, торжества...
 И что же? Царь мой — тернием увенчан,
 Его престол — залитый кровью крест,
 Его победа — смертная истома,
 А торжество, и блеск, и слава — гроб...

Справа вбегают Иоанна и три мироносицы;
 все в белых одеждах и сияют от счастья.

Явление двенадцатое

Иоанна, три мироносицы
(в голосе звучит восторг).

Он жив!

Общее движенье. Местность озаряется первым лучом взо-
 шедшего солнца. Небо все розовое.

Иосиф

Великий Боже!

Центурион, Руф, Вартимей

Ах!

Никодим

Ты бредишь!

Возможно ли?

9 Января

1914 года.

ПРОГРАММА
ИЗМАЙЛОВСКАГО ДОСУГА
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ЗРИТАЖНОМЪ ТЕАТРѢ.

○○○○○○

„ЦАРЬ ІУДЕЙСКІЙ“

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ

К. Р.

ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

- Дѣйствіе первое — „У городскихъ воротъ“.
„ второе — „У Пилата“.
„ третье: картина 1-я — „У Іосифа“.
2-я — „У Пилата“.
„ четвертое — „Въ саду Іосифа“.

И о с и ф

Предчувствие мое!

И о а н н а

Восстал Он!

Ц е н т у р и о н

Не во сне ли я?

Н и к о д и м

Откуда

Ты с этой вестью?

Р у ф , В а р т и м е й

Кто тебе поведал?

И о а н н а

От Матери Его иду я к вам.
Вчера, как солнце за горы зашло,
От милого Ей гроба воротилась
К Себе Мария, в Иоаннов дом,
И в горнице Своей в ночи безгласной,
Одна о Сыне плакала Она.
Внезапно дивным светом озарилась
Вся горница; и видит пред Собой
Мария Сына Своего. Ей мнилось,
Что это сон иль чудное виденье,
Но перед Нею Сам Он во плоти,
Лишь просветленной смертных, светозарней,

И ароматом веет от Него
Смешенья мирры и алая. Руки
К Нему в порыве счастья протянув,
Еще боясь увериться, Мария
И волосы, и плечи, и ланиты
Возлюбленного Сына осязает;
И дорогой, знакомый слышит голос:
— «Не плачь, не плачь, о, Матерь, надо Мною.
Из гроба Я восстал; прославлен Я,
И вознесу, прославлю и Тебя,
И всякого, кто с верой и любовью
Тебя отныне сердцем возвеличит».
— И с этими словами Он исчез.

Иосиф, Иоанна и три мироносицы всходят
на вершину скалы. Они уходят.

Никодим *(на коленях)*.

Прости, мой Бог, лукавому сомненью,
Прости, что вера немощна моя!
Всеведущий, души моей Зиждитель,
От века знаешь Ты, как ум-мучитель
И гордого познания змея
Отравую нам сердце наполняют,
Его язвят, и жалят, и терзают.
Но ныне, Боже, верой осеня,
Ты маловерного прости меня.
— Не одному себе молю прощенья,
Но всем, кто те же горькие мученья,
Подъемля жизни повседневный труд,
В грядущие века переживут.

Вартимей

Он, как жених из брачного чертога,

Из гроба вышел! — Радостно с небес
Сияет солнце. Будем славить Бога!

На вершине скалы слева появляются Симон,
Александр и Лия. У каждого в руке по лилии.

Явление тринадцатое

Симон, Александр, Лия

Воскрес Христос!

Все

Воистину воскрес!

Лия

От галилейских жен, от Магдалины
Весть дивную мы знаем. — Их глазам
Под старым кедром в тишине долины,
В рассвета бледный час предстал Он Сам.

[За холмом раздается тихое пение псалма
(произносимого Иосифом в 20 заключительных стихах);
оно слышно постепенно все правее.]

Явление четырнадцатое

Никодим, Симон, Руф, Вартимей и центурион
всходят на вершину скалы и скрываются налево.

Александр

Из тех, кто, слову Господа внимая,
За Ним ходили, многие пришли,

И гроб украшенным цветами рая,
Душистыми лилеями нашли.
Цветы рассыпаны сверх плащаницы,
И, по цветку взяв набожной рукой,
Идут ученики и ученицы
И псалмопевца песнь поют толпой.

Симон, Александр и Лия уходят налево.

Иосиф (один на вершине скалы).

Тебе, Воскресшему, благодаренье!
Минула ночь, и новая заря
Да знаменует миру обновленье,
В сердцах людей любовью горя.

Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славы несказанной.

Хвалите сонм бесплотных сил
И ангельские лики:
Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий.

Хвалите Господа с небес,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страх исчез,
Светлеют наши взоры.

Хвалите Бога, моря даль
И океан безбрежный!

Да смолкнут всякая печаль
И ропот безнадежный!

Хвалите Господа с небес
И славьте, человеки!
Воскрес Христос! Христос воскрес!
И смерть попрал на веки!

Пение слышно громче, продолжаясь и по падении занавеса.

Занавес опускается как можно медленнее.

*Павловск
На Святой
6 апреля 1912*

ПРИМЕЧАНИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Понтий Пилат

О роде, из которого происходил Пилат, и об его родине нет положительных сведений. Имя Понтий проливает некоторый свет на происхождение Пилата. Вероятно, он принадлежал к старинному самнитскому роду Понтиев, из которого в Древнем Риме было несколько сенаторов и народных трибунов. Известен, например, Л. Понтий Аквила, друг Цицерона и один из убийц Юлия Цезаря. Для истории собственно Рима Пилат не имеет особого значения, и имя его нигде не встречается за пределами Иудеи¹. Тацит упоминает о нем только вскользь: «Ни человеческою помощью, ни щедротами государя, ни умиловливаниями богов не устранялся позорный слух, что пожар² был делом приказания³. Поэтому, чтоб уничтожить этот слух, Нерон подставил виновных и применил самые изысканные наказания к ненавистным за их мерзости людям, которых чернь называла христианами. Виновник этого имени Христос был в правление Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом, и подавленное на время пагубное суеверие вырвалось снова наружу и распространилось не только по Иудее, где это зло получило начало, но и по Риму» (Книга пятнадцатая, глава 44. Сочинения Корнелия Тацита, русский перевод В. И. Модестова. С.-Петербург, 1887. Т. II. С. 490).

В 26 году по Р. Х. преемником Валерия Грата вступил в должность прокуратора Иудеи Понтий Пилат. Об этом свидетельствует евангелист Лука в первых двух стихах III-й главы: «В пятнадцатый же год

правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четверовластником в Галилее, Филипп, брат его, четверовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четверовластником в Авилinee, при первосвященниках Анне и Каиафе, — был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне». С евангелистом сходится и Флавий Иосиф, фарисей, иудейский священник и историк, в «Иудейских древностях» которого во 2-й главе 18-й книги говорится, что «Грат возвратился в Рим, проведя в Иудее одиннадцать лет, и вместо него прибыл его преемник Понтий Пилат»⁴.

Иудея (а позднее и вся Палестина) не входила в состав соседней Сирийской провинции, а управлялась особым наместником из всаднического сословия, состоявшим только до некоторой степени в зависимости от императорского легата Сирии. Таким образом, Иудея принадлежала к третьему разряду императорских провинций по указанию Страбона (XVII, 3, 25). Этот третий разряд следует рассматривать как исключение из общего правила, ибо большинство императорских провинций, как и сенатские, управлялись лицами сенаторского звания, более пространные (например, Сирия) — бывшими консулами, а меньшие — бывшими преторами. Только единичные провинции в виде исключения отдавались в управление наместникам из сословия всадников. Обыкновенно эти наместники из всадников носили название прокураторов. Прокуратор Иудеи был облечен властью над расположенными в его провинции войсками и пользовался правами самостоятельной юрисдикции. Однако легат Сирии имел и право, и обязанность по личному почину вмешиваться в дела прокуратора Иудеи в случае возникновения каких-либо волнений или важных затруднений. Прокуратор имел право жизни и смерти (*jus* или *potestas gladii*)⁵.

Современник Пилата, Филон, говорит о нем, как о человеке «с непреклонным нравом, неприветливым и черством», и ставит ему в вину «подкупность, насилия, грабежи, злоупотребления, обиды, постоянные казни без постановления приговора, бесконечные и невыносимые жестокости»⁶. Евангелием от Луки (III, 1) упоминаются Галилеяне, «которых кровь Пилат смешал с жертвами их». Ни у кого из историков, даже у Филона и Флавия, об этом случае не говорится, но сомневаться в нем нет основания. Флавий⁷ передает, что «Пилат соорудил водопровод в Иерусалиме. На это он употребил деньги святилища. Водопровод питался ключами, находившимися в расстоянии двухсот стадий (около тридцати восьми верст) от города. Однако население воспротивилось этому, и много десятков тысяч иудеев собралось около рабочих, занятых сооружением водопровода, и стало громко требовать, чтобы наместник оставил свой план. Как то обыкновенно бывает в таких случаях, некоторые из них позволили себе при этом оскорбить Пилата ругательствами. Последний распорядился переодеть значительное число солдат, дал им дубины, которые они должны были спрятать под платьем, и велел им окружить толпу со всех сторон. Толпа, в свою очередь, получила приказание разойтись. Но так как она продолжала поносить его, то он подал воинам условный знак, и солдаты принялись за дело гораздо более рьяно, чем то было желательно самому Пилату. Работая дубинами, они, однако, поражали как шумевших мятежников, так и совершенно невинных людей. Иудеи, однако, продолжали держаться стойко; но так как они были безоружны, а противники их вооружены, то многие из них тут и пали мертвыми, а многие ушли, покрытые ранами. Таким образом было подавлено возмущение».

В течение тех двадцати двух лет, что Тиверий был римским императором, он послал в Иудею всего только

двух наместников: Валерия Грата и его преемника — Понтия Пилата. По свидетельству Флавия⁸, «в самой природе всякого должностного лица, говорил Тиверий, лежит стремление к любостыжанию. Если должности будут предоставляться чиновникам не надолго и не на определенное, но на короткое время, то эти чиновники приложат все свое старание полнее обобрать людей состоятельных. Если же их назначать на более продолжительный срок, то они, имея перед собою возможность беспрепятственного грабежа, вскоре, вследствие своего обогащения, утомятся этим и надолго оставят подчиненных в покое. Если же перемещения следуют быстро друг за другом, то начальники не успевают удовлетвориться наложенными на подчиненных поборами, так как они не будут иметь времени ощутить неудовольствие по поводу своих вымогательств и не успеют обогатиться до перемещения на новую должность». В доказательство правильности этого своего взгляда он приводил следующий пример: некий раненый лежал на дороге, и множество мух село на его раны. Кто-то из прохожих почувствовал сострадание к несчастному и, видя его беспомощное состояние, решил отогнать мух. Но раненый просил его оставить это, и тогда прохожий удивленно спросил, почему он противится, чтобы тот облегчил его страдания. На это раненый отвечал: «Ты причинишь мне еще более сильные страдания, если отгонишь этих мух. Так как они успели уже насытиться моею кровью, то они не с такой силою кусают меня и даже иногда совсем перестают меня терзать. Если же затем явятся новые рои мух голодных и найдут меня уже истощенным, то я окончательно погибну». «Поэтому-то, — продолжал император, — он, заботясь о состоянии без того уже сильно разоренных подданных своих, и не отправляет к ним одного чиновника за другим, которые, наподобие мух, стали бы высасывать все из них, тем более что тогда

к их любостязательности присоединилась бы боязнь, что их вскоре лишат предоставленного им удовольствия».

В силу приведенных взглядов Тиверия, Пилат целых десять лет пробыл прокуратором. Поводом к удалению его из Иудеи послужило, уже после крестной смерти Христа Спасителя, мнимое возмущение самарян. «Их смутил некий лживый человек, который легко во всем влиял на народ. Он побудил их собраться к нему на гору Гаризим, которую они считают особенно священной. Тут он стал уверять пришедших отовсюду самарян, что покажет им зарытые здесь священные сосуды Моисея. Самаряне вооружились, поверив этой басне, и расположились в деревушке Тирафана. Тут к ним примкнули новые пришельцы, чтобы возможно большею толпою подняться на гору. Однако Пилат предупредил это, выслав вперед отряды всадников и пехоты, которые, неожиданно напав на собравшихся в деревушке, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они захватили также многих в плен; Пилат же распорядился казнить влиятельнейших и наиболее выдающихся из этих пленных и беглецов.

Когда этим дело кончилось, представители верховного совета самарян явились к бывшему консулу Вителлию, который теперь был прокуратором сирийским, и стали обвинять Пилата в казни их погибших единоплеменников, говоря, что последние пошли в Тирафану вовсе не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата. Тогда Вителлий послал Марцелла, одного из своих приближенных, в Иудею, чтобы принять там бразды правления, Пилату же велел ехать в Рим для ответа пред императором в взводимых на него обвинениях... Пилат поехал в Рим, так как не смел ослушаться приказа Вителлия. Но раньше, чем он успел прибыть туда, Тиверий умер». Это было, следовательно, в 37 г. по Р. Х.⁹

Вот приблизительно все, что мы знаем достоверного о Пилате. (Некоторые выписки из Флавия еще будут приведены в последующих примечаниях.) Личность Пилата уже с первых веков христианства и до наших дней привлекает к себе внимание историков и исследователей; Пилат является героем многих легенд. Любопытный рассказ встречается у Иринея (I, с. 25)¹⁰: Пилат велел изготовить живописное изображение Христа. По позднейшей легенде, это изображение было послано другом Пилата, Публием Лентулом, римскому сенату вместе с описанием внешности Спасителя. Вот извлечение из этого описания, в переводе с латинского: «Человек, выделяющийся из многих, высокого роста, видный, с лицом, внушающим к себе почитание. Глядя на Его лицо, можно полюбить Его и преклониться. Волоса имел Он кудрявые и густые, белокурые и лоснящиеся, ниспадающие на плечи; посредине головы, по обычаю назареев, был пробор. Лоб открытый, ровный. Лицо без морщин и каких-либо пятен, украшенное легким румянцем. Нос и рот безукоризненного очертания. Борода рыжеватая, цвета волос, не длинная и раздвоенная. Глаза с ясным и меняющимся взором». Как ни сомнителен источник этого описания, оно совпадает с древнейшими христианскими преданиями и искусством. Эти признаки наружности Христа принимаются Иоанном Дамаскином в VIII и Никифором в XIV веках; Дамаскин говорит только, что у Спасителя волосы были черные, а Никифор описывает их белокурыми. Первый придерживается руководства для иконописцев Афонской горы, упоминаемого очень древним преданием, а второй имеет в виду изображения старинных мозаик (Muller, 35 и 36).

Обширная литература, посвященная этому прокуратору Иудеи и заключающая в себе более ста главней, приведена в брошюре Gustav Adolf Muller'a

«Pontius Pilatus der funfte Prokurator von Judaa und Richter Jesu von Nazareth», Stuttgart, 1888.

Существует легенда, что Пилат родился в Таррагоне в Испании¹¹. Другие сказания называют местом его рождения то Лион и Виенн (Vienne) во Франции¹², то Майнц и Форхгейм (Forchheim) в Германии. Последнее местечко можно угадать в описании путешествия нашего русского митрополита Исидора из Москвы на Флорентийский собор в 1436 г.: «До того же дни Господинъ выхалъ из того града (Бемибеверегъ)¹³ милю и облегохомъ в градъ именемъ понть а река подъ нимъ завома тиск. и того ради зовется тои градъ понтеск. и ть оубо градъ ѿкаанного пилата. в томъ бо градъ вотчина его и роженіе, и по градъ зовется понтийски пилат» (Рукоп. СПб. дух. Акад. из собр. Софійск. рукописей № 1464. XVI в. Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Ист.-лит. исследование. Киев, 1910, с. 80 приложений).

Главное немецкое сказание о рождении и жизни Пилата заключается в следующем: в Майнце жил король Атус, умевший вычитывать по звездам человеческую судьбу. Однажды на охоте звезды открыли ему, что если бы в этот час женщина зачала от него, то будущий ребенок станет могуществен и знаменит. Король, будучи слишком далеко от Майнца, чтобы позвать свою жену, приказывает привести к нему любую девушку из ближайшей местности. Нашлась дочь мельника, по имени Пила. Она родила Пилата (Pila — Atus = Pilatus). Несколько лет прожил Пилат при дворе отца, но, убив его сына, был послан заложником в Рим. Вследствие другого убийства он должен был бежать в Понт, где покорял дикие племена под власть римского императора и получил наименование Понтийского. Между тем Ирод, узнав о его способностях как

военачальника, пригласил его соправителем, но сам был свержен Пилатом.

Римский император был болен, при смерти; узнав о чудесах Христа, он посылает Волузиана (по другим сказаниям — Албана) в Иерусалим за Христом. Вероника рассказывает посланному, что Пилат убил Сына Божия, но что императора исцелит нерукотворный убрус. Волузиан велит связать Пилата и с ним и Вероникой едет в Рим. Сперва принятый императором сурово, Пилат при каждом новом приеме встречаем все более и более милостиво. Причиною тому был хитон Господень, в который был одет Пилат. Лишь только с него сняли хитон, император велел казнить Пилата, который немедленно наложил на себя руки. Труп его бросили в Тибр, и тотчас же поднялись грозы и бури. Труп перевезли во Виенн, во Франции. И там стало неладно, после чего труп Пилата погрузили в озеро в Альпах на горе Пилате. Но и здесь не находил он покоя: труп причиняет бедствия и страшную непогоду. Дошло до того, что сравнительно в недавнее время городской совет города Люцерна воспретил восхождение на гору. Естествоиспытатель Гесслер должен был получить особое разрешение, чтобы на нее взобраться.

В Швейцарии распространено много сказаний о Пилате, и некоторые из них напоминают легенду о Вечном Жиде. Как тот, не способный умереть, беспокойно блуждает по миру и в особенности на Страстной неделе появляется здесь и там под видом утомленного жизнью старца, так и тело Пилата ежегодно в Страстную пятницу вытаскивается на скалу дьяволом; он обмывает труп, но не может очистить его от запятнавшего его стыда, и так будет до страшного суда.

Название горы Pilatus произошло от латинских слов *mons pileatus*, оттого что тучи скучиваются над ее вершиной в виде шапки. Есть поговорка:

Wenn der Pilatus hat einen Hut,
So ist das Wetter fein und gut¹⁴.

Согласно одной из легенд, Пилат принял христианство и пострадал мученической смертью. У коптов он почитается святым, и день 25 июня посвящен у них его памяти¹⁵.

В нашей старинной литературе имя Пилата встречается неоднократно. В апокрифическом Евангелии Никодима¹⁶, к некоторым спискам которого приложено и послание Пилата к Тиверию, рассказывается о смертной казни Пилата, перед которою он «нача помолитися Иисусу». Это же послание Пилата к Тиверию кесарю¹⁷ имеется и в отдельных списках. В нем тоже повествуется о казни Пилата, при чем присутствует и жена его, Прокла. Привожу конец послания, где, приведенный на место казни, Пилат молится: «Господи, не погуби мене съ пронырывыми Юдеи. яко азъ не быхъ руку мою на тя не нанеслъ. но языка ради беззаконныхъ и настоянїя Юденска нудившихъ мя. но ты вѣси, Владыко, яко не вѣдый сътворихъ, не погуби мене съ грѣхи моими, и невѣдѣниемъ симъ, но оумилосердися на мя, и на рабу твою оубогую Проклу съ мною в горкый час смерти моея, юже научилъ еси проричати, яко имаши при крестѣ пригвоздитися. Ни в грѣсь семъ не остави мене. Но остави ми прегрѣшенїя вси. и в части праведныхъ причти мя. Окончивши же молитву Пилату, прииде гласъ съ небесе глаголя: блажать тя вси роди и отечествїя языкъ яко о тебѣ скончася пророческая пророченїа о мнѣ. и ты же свидѣтель будеши во второмъ Моемъ пришествїи. егда хочу судити живымъ и мертвымъ. и дванадесяте колѣнома Израилевома неисповѣдавшими Мене. ни вѣровавшими

имени Моему. I отсѣче Пилату главу профект i ангель Господень прія главу его. Видѣвше же ангела, жена его Прокла радости исполнишися и та предасть духъ. и погребена бысть съ мужем своимъ. славяще Господа нашего Иисуса Христа. Ему же есть слава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и вѣкы вѣкомъ аминь».

Прокула

Согласно очень старинным преданиям, восходящим к первым векам христианства, имя жены Пилата было Клавдия Прокула. Тило¹⁸ высказал предположение, что она была вольноотпущенницей знатного рода Клавдиев, из которого происходил император Тиверий, и посредством супружества с Пилатом возвела его из ничтожного положения на блестящую должность прокуратора. Эта гипотеза едва ли может быть доказана, как справедливо замечает G. A. Muller¹⁹, сам, однако, пускающийся в бездоказательные догадки о том, что Пилат был скорее женат на матроне знатного происхождения.

Имя Прокулы встречается в нескольких старинных кодексах (Codd. Einsidl. Corsin. Havn. et Nat). Упоминание о ней находим в апокрифической *Historia Pilati* на арабском языке в *Codex Biblioth. Paris. inter Syriacos* no. 133; у эфиопских христиан жена Пилата носит имя: Аброкла. Из исторических писателей знают имя Прокулы Иоани Малала в *Hist. chron.*, pag. 309, Никифор *Hist. eccles. lib. I, cap. 30*, Vincentius Bellovacensis. *Specul. hist. lib. VII, c. 41* и Pseudo-Dexter в *Chron. pag. 21, ed. Lugdun*, где о Клавдии говорится, что она обратилась в христианство²⁰.

В Евангелии Никодима (гл. II)²¹ Пилат говорит приведшим к нему связанного Иисуса иудеям: «Вы сами весте, яко жена моя богом нашим не служит, но

паче иудейски верует». Здесь имя ее не Прокула, а Прокла. Итак, мы видим, что было предположение, будто бы жена Пилата присоединилась к иудейской вере, что, конечно, более чем сомнительно. Правдоподобнее предположение, что она приняла христианство. Греческая церковь причислила ее к лику святых. В «Месяцеслове православной кафедральной церкви Ив. Косолапова» (Симбирск, 1880) под 27-м октября значится: «Св. Проклы (Клавдии). Жена Пилата, видевшая сон о Христе в ночь, предшествовавшую осуждению Его на смерть Пилатом. Нет сомнения, что душа ее была доступна для истинного и доброго, почему и была достойна того, чтобы Бог открыл ей Свою волю, как в Ветхом Завете открывал некоторым язычникам, подобным ей. Предостерегавшая мужа своего не делать никакого зла Праведнику — Иисусу Христу (Матф. XXVII, 19), Клавдия Прокла не могла оставаться равнодушною к судьбе Церкви Христовой, вступила в сношение с учениками Иисуса Христа, уверовала в Его учение, приняла крещение и потом претерпела мучение за имя Праведника, Коего не могла спасти от смерти своим ходатайством пред мужем. Скончалась мирно. (Греческие Минеи, Житие святых 12 и 70 апостолов Ив. Крылова)».

В одном любопытном богословском сочинении 1692 г. «De salute trium uxorum Lothi, Jobi et Pilati» (т. е. о спасении трех жен Лота, Иова и Пилата) упоминается об эфиопском календаре, где памяти Пилата и Проклы посвящено 25 июня.

Во втором послании к Тимофею Апостол Павел пишет ему из Рима: «Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия» (IV, 21). В названной здесь Клавдии иные хотели видеть жену Пилата. По свидетельству лучших богословов, говорит G. A. Muller, упомянутое послание писано во время второго заключения апостола, т. е. в 66-м или 67 году, перед самой его

кончиной. Является вопрос, жила ли еще в это время Клавдия Прокула и, если по смерти мужа вернулась из ссылки, была ли способна в довольно преклонном возрасте принимать ревностное участие в делах христианской общины? Если в этом случае нельзя ничего с положительностью утверждать, то и нельзя не признать, что в таком предположении нет ничего неправдоподобного. Во всяком случае, эта Клавдия, названная вместе с богатым и знатным Пудом (Pudens), принадлежала, казалось бы, к благородному дому; но была ли она именно вдовой Пилата, остается вопросом²².

У меня Пилатова супруга везде названа только Прокулой, а не Клавдией Прокулой, во избежание затруднений, которые представило бы это двойное имя в стихах.

Иосиф Аримафейский

«Он был богатый человек (Матф. XXVII, 57) от Аримафея, города иудейского (Марк. XV, 43), благообразный, т. е. знаменитый член совета (синедриона), муж благ и праведен: сей не бе пристал совету и делу иудеев, иже чаяше и сам царствия Божия (Лук. XXIII, 50, 51), сый ученик Иисусов, потаен же страха ради иудейска (Иоан. XIX, 38). Когда Спаситель предал дух Свой Богу Отцу, Иосиф выпросил тело Господа у Пилата и снял со креста; пришел также и Никодим. После погребения Иисуса Христа Иосиф брошен был в ров и спасен только силою Божию. По воскресении Своем Господь явился Иосифу, когда он был в узах, и уверил его в Своем воскресении; будучи изгнан иудеями из отечества, проповедовал евангелие в Англии и там преставился».

Так значится в Месяцеслове Косолапова под 31 июля. «Вторично воспоминается в неделю Мироносиц и в соборе 70 апостолов 4 января. (Греческие

Минеи, Дни богослужения Дебольского, Житие свв. 12 и 70 апостолов Ив. Крылова.)»²³

«Аримафей, отечество Иосифа, есть древний Гараматаим (I Цар. I, 1), место рождения Самуила пророка, или, что вернее, Рама (по сиро-халдейски Армафа), город в колене Вениаминовом, упоминаемый евангелистом Матфеем (II, 18)»²⁴.

Никодим

У Косолапова под 4 января: «Св. Никодим, князь жидовский. Фарисей и учитель израилев, приходивший ночью к Иисусу Христу для беседы (Иоан. III, 1). В собрании архиереев и фарисеев Никодим защищал Иисуса Христа, невинно осуждаемого (Иоан. VII, 50, 51), и дал совет иудеям не осуждать Христа, не слышав от Него ничего и не рассмотревши дел Его. Он с Иосифом снял со креста пречистое тело Господа и, обвив Его чистою плащаницею с ароматами, похоронил Его. (Иоан. XIX, 39, 40). Св. Никодим пострадал от иудеев за веру во Христа и апостольскую проповедь и был изгнан ими из Иудеи; но знаменитый иудейский законоучитель Гамалиил скрыл его в своем доме (селе), лежавшем недалеко от Иерусалима, где он и скончался».

Память его, вместе с 70 апостолами, 2 августа и в неделю Мироносиц.

Иоанна

В месяцеслове Косолапова под 27 июня: «Св. Иоанны мироносицы. Когда Ирод отсек главу Св. Иоанну Крестителю, и Иродиада, ругаясь над нею, бросила ее в нечистое место, то Иоанна взяла главу его и погребла ее в достойном месте на селе Иродовом, бывшем на

Елеонской горе, где и была обретена она при Константине Великом. Евангелист Лука, во второй год служения Христова, упоминает о Марии Магдалине, Иоанне, жене Хузы, и Сусанне, и многих других, которых имена не означает, что они ходили за Иисусом (Лук. VIII, 1-3). Св. Иоанна с другими женами пришла за Христом из Галилеи в Иерусалим, находилась с ними при крестном страдании и смерти Искупителя мира и была в числе жен Мироносиц, посему в другой раз и упоминается в Евангелии при повествовании о воскресении Христовом (Лук. XXIII, 55; XXIV, 10). Воспоминается вторично в неделю Мироносиц (Греч. Минеи, Жит. свв. 12 и 70 апп. Крылова)».

Префект когорты

Привожу любезно сообщенные мне нашим известным археологом М. И. Ростовцевым сведения о римской военной организации в провинциях в I веке по Р. Х. Войско разделялось на регулярную пехоту и некоторое количество регулярной конницы — легионы (около 6000 человек) пехоты и турмы всадников (*equites legionarii*) с одной стороны и на иррегулярные, так называемые вспомогательные, войска. Последние разделялись на отряды по 500 и 1000 чел., алы — кавалерийские полки — и когорты — полки пехотные — и иногда пехотноконные (*cohortes equitatae*).

Командование было организовано на сословном принципе. Во главе войска провинции, напр. Сирии, стоял легат императора, его наместник, соответствующий, скорей всего, нашему Наместнику Его Величества или военному генерал-губернатору. Правителем провинции, ее проконсулом, согласно сохранившейся от времен республики терминологии, был сам император (исключение составляли из больших провинций только

две — Азия и Африка, где правителями были самостоятельные проконсулы, в теории имевшие ту же власть, что и сам император). Легаты были всегда исключительно членами сенаторского высшего сословия. Им подчинены были все войска провинции всех родов оружия. Исключением из такой организации были только Египет — самостоятельное наместничество, где правителем (префектом) был не член первого, а член второго — всаднического сословия, — и Иудея — полусамостоятельное наместничество, в административном, а главное, в военном отношении до известной степени зависимая от Сирии; в Иудее правителем был тоже член второго всаднического сословия, но рангом ниже префекта Египта, с титулом, который носили в других провинциях финансовые агенты императора, — прокуратор. Его можно назвать военным губернатором, но в его распоряжении находились только войска второго разряда, вспомогательные, состоявшие не из лиц, имевших право римского гражданства, как то было в легионах, а из провинциалов, римским гражданством не обладавших и получавших его только по окончании военной службы. Наконец, на положении Иудеи находились некоторые другие страны (альпийские провинции, временно — Фракия, Мавритания), где особенно сильна была племенная организация.

Легату провинции подчинено было все офицерство первого и второго сословия. Прежде всего, легат легиона (приблизительно наш начальник дивизии или бригадный командир). Под его командой находился не только данный легион, но и несколько конных и пеших вспомогательных ал и когорт, составлявших в военное время с легионом одну тактическую единицу. Затем трибуны легиона, — командир каждой одной из десяти когорт легиона (вроде наших батальонных командиров), обыкновенно члены первого сена-

торского сословия. Наконец префекты, начальники вспомогательных ал (кавалерийских) или когорт (пехотных полков) и подчиненные последним трибуны (по нашему штаб- и обер-офицеры) этих частей, почти исключительно члены второго служилого всаднического сословия.

Центурион

Благодаря М. И. Ростовцеву, могу привести следующие подробности о служебном положении центурионов. Они составляли душу римского войска и отделялись резкой сословной гранью от префектов и трибунов, принадлежавших к привилегированным сословиям. Центурионы соответствовали не нашим унтер-офицерам, а скорее французскому корпусу *sous-officiers*. Это были лица, начавшие службу с солдат, с нижних чинов²⁵, прошедшие долгую и трудную, чисто военную строевую и нестроевую карьеру и добившиеся обыкновенно во второй половине своей 20-летней (обычной для тогдашнего войска) службы назначения центурионами. На когорту в 600 человек было 6 центурионов. Старшим в когорте считался первый, т. е. начальник первого манипула; старшим в легионе считался начальник первого манипула первой когорты. Эти первые центурионы каждой когорты были фактически начальниками всей когорты, а первый центурион первой когорты занимал еще более высокое положение и был ближайшим помощником легата легиона. Он-то и назывался старым именем *primus pilus*, т. е. первый пил, первый из пилоносцев²⁶. И по выходе в отставку эти лица сохраняли свой ранг и назывались «бывшими первыми пилами — примипилариями». Центурионы отнюдь не принадлежали к первым сословиям и, только в виде исключения, иногда награждались, по усмотрению императора, всадническим сословием по оконча-

нии службы. От рядовых солдат центурионы отличались тем, что набирались не в провинциях, а в Италии, и обыкновенно начинали свою службу в императорской гвардии (претории), состоявшей сплошь из италиков, откуда уже переходили на положение нестроевых и центурионов в войска провинциальные, легионные и вспомогательные.

Та же градация центурионов, что и в легионах, имелась и во вспомогательных когортах, где были и свои пины. По большей части это были уже седеющие, суровые, закаленные люди, настоящие солдаты-профессионалы, очень озабоченные своей военной карьерой, очень хорошо обеспеченные, имевшие порядочные сбережения в войсковых кассах.

Высших из центурионов легаты и прокураторы, вероятно, допускали и в свое общество, к своему столу. От массы войска их отделяла резкая грань.

Выведенный у меня центурион по церковному преданию именуется Лонгином. У Косолапова под 16 октября о нем говорится следующее: «Св. мученика Лонгина, иже при кресте Господни.

Каппадокианин. По повелению Пилата, он с подчиненными воинами был исполнителем крестной казни Иисуса Христа и свидетелем страданий, смерти и воскресения Его. По чудесным знамениям, бывшим во время страданий крестных и смерти Господа, он уверовал во Христа с двумя воинами. По воскресении Господа, иудеи хотели подкупить его, но безуспешно. Потому Пилат и все сонмище иудейское за это возненавидели Лонгина и хотели погубить его с двумя воинами. Видя ненависть врагов своих, он оставил военную службу и, принявши святое крещение от апостолов, удалился на свою родину и там смело проповедовал о воскресении Господа. Иудеи, узнав, что Лонгин проповедует о Христе, испросили чрез

Пилата у Тиверия смертный приговор ему. Посланные в Каппадокию воины обезглавили его и двух друзей его. — Св. Лонгину сотнику молятся об исцелении от глазных болезней, по народному верованию.

Вторично воспоминается в соборе 70 апостолов 4 января. (Греческие Минеи и Чет. Мин.)»

Саддукей

У иудеев существовали две первенствующие секты. В сочинении Иосифа Флавия «Иудейская война» говорится в 8-й главе 2-й книги: «Саддукеи — вторая секта — совершенно отрицают судьбу и утверждают, что Бог не имеет никакого влияния на человеческие деяния, ни на злые, ни на добрые. Выбор между добром и злом предоставлен вполне свободной воле человека, и каждый по своему собственному усмотрению переходит на ту или другую сторону. Точно так же они отрицают бессмертие души и всякое загробное воздаяние... Отношение саддукеев между собою суровее и грубее (чем у фарисеев); и даже со своими единомышленниками они обращаются как с чужими». К этому месту «Иудейской войны» ее переводчик (г. Черток, СПб., 1900) делает следующее примечание: «Саддукеи составляли аристократическую партию, образовавшуюся преимущественно из священнического сословия и, несомненно, из умеренных эллинистов. Владея большими богатствами, стремясь к власти и к внешнему влиянию, они тяготились строгим учением фарисеев, прилагавших один масштаб ко всем сословиям, радевших о чистоте и простоте нравов всего народа, без различия ранга и класса, допускавших роскошь и блеск в храме и общественных зданиях, но отнюдь не в частной жизни.

Главнейший признак, отличавший саддукеев, заключался в том, что они признавали обязательным

один Моисеев закон, отвергая все выработавшееся в течение многих веков традиционное толкование и дальнейшее развитие писанного закона. Такое учение, конечно, могло бы казаться более удобным для практической жизни, освобождая народ от многих новых обязанностей, возлагаемых на него позднейшим расширением первоначального закона. Но народ не пожелал воспользоваться этим облегчением; он слишком много преследований вынес за свой закон от сирийских тиранов, чтобы добровольно отречься от него; народ не справлялся о происхождении устных законов, ему было достаточно знать, что они исполнялись его предками в течение веков, и еще более дороги стали ему эти устные законы с тех пор, как он освятил их своей собственной кровью в войнах с Селевкидами. Фарисеи лучше саддукеев понимали дух народа, если они не делали ему никаких послаблений, а, напротив, поддерживали в нем религиозное рвение. С другой стороны, свободомысленное на поверхностный взгляд учение саддукеев оказалось на практике несносной рутинной в сравнении с прогрессивным и истинно разумным направлением фарисеев. Так, например, саддукеи, придерживаясь буквы Св. Писания, проповедовали „зуб за зуб и око за око“ в буквальном смысле; между тем фарисеи, дорожившие главным образом духом Моисеева законодательства и допускавшие самое широкое толкование его, лишь бы не была нарушена внутренняя связь между этим первобытным кодексом установлений и непрерывно изменяющимися условиями жизни, наказывали членовредительство соразмерным денежным штрафом. Таким образом, саддукеи в противоположность фарисеям прослыли жестокосердными судьями. Все это в связи с их аристократическим высокомерием оттолкнуло народ от этой оппозиционной партии. Если она временами господствовала в Иудее, так только путем насилия и при воцарении в стране единодер-

жавной власти, с которой она шла рука об руку». — Название саддукеев произошло от собственного имени Садук или Садок, часто встречающегося в Ветхом Завете²⁷. Садок был священником, потомки которого со времен царя Соломона несли священнические обязанности при Иерусалимском храме. Пророк Иезекииль так говорит о них: «А священники из колена Левиина, сына Садока, которые во время отступления сынов Израилевых от Меня, постоянно стояли на страже святилища Моего, те будут приближаться ко Мне, чтобы служить Мне, и будут предстоять пред лицом Моим, чтобы приносить Мне тук и кровь, говорит Господь. Они будут входить во святилище Мое и приближаться к трапезе Моей, чтобы служить Мне и соблюдать стражу Мою» (XLIV, 15, 16). — Об «отвергающих воскресение» саддукеях упоминают и евангелисты Матфей, Марк и Лука, повествуя, как представители этой секты задали Спасителю вопрос о семи братьях, умиравших один за другим, и жене, бывшей замужем последовательно за каждым из братьев: «После всех умерла и жена; итак, в воскресение, которого из них будет она женою? ибо семеро имели ее женою. Иисус сказал им в ответ: чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения. А что мертвые воскреснут, и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама, и Богом Исаака, и Богом Иакова. Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лук. XX, 32—38, также Матф. XXII, 23—32 и Марк. XII, 18—27). Христос намеренно упомянул и воскресение из мертвых, и тот век, и ангелов, чтобы опровергнуть учение саддукеев, которые утверждали, что «нет воскресения, ни Ангела, ни духа» (Деяния Апостолов

XXIII, 8); слова же о Боге не мертвых, а живых с умыслом приведены Спасителем из второй книги Моисеевой Исход: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (III, 6), ввиду того, что саддукеи признавали только пятикнижие Моисеево.

В заключение приведу еще одну выдержку из Флавия: «По учению саддукеев, души людей умирают вместе с телом; они не признают никаких других постановлений, кроме постановлений закона. Они считают даже похвальным выступать против учителей своей собственной философской школы. Это учение распространено среди немногих лиц, притом принадлежащих к особенно знатным родам. Впрочем, влияние их настолько ничтожно, что о нем и говорить не стоит²⁸.

Когда они занимают правительственные должности, что случается, впрочем, редко и лишь по принуждению, то саддукеи примыкают к фарисеям, ибо иначе они не были бы терпимы простонародьем»²⁹.

«Саддукеи совершенно устраняют все учение о предопределении, признавая его полную несостоятельность, отрицая его существование и нисколько не связывая с ним результатов человеческой деятельности. При этом они говорят, что все лежит в наших собственных руках, так что мы сами являемся ответственными за наше благополучие, равно как сами вызываем на себя несчастья своею нерешимостью»³⁰.

Фарисеи

Флавий: «Из двух первенствующих сект (фарисеев и саддукеев) фарисеи слывут точнейшими толкователями закона и считаются основателями первой секты. Они ставят все в зависимость от Бога и судьбы и учат, что хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками, но что и в

этом участвует предопределение судьбы. Души, по их мнению, все бессмертны; но только души добрых переселяются по их смерти в другие тела, а души злых обречены на вечные муки»³¹.

В подстрочном примечании к этому месту переводчик говорит: «Иосиф Флавий, который, по собственному свидетельству (Жизнь, 2), после тщательного и всестороннего ознакомления с учениями всех трех так называемых им иудейских сект (фарисеев, саддукеев и ессеев), примкнул к фарисеям, относится к последним, где он о них говорит, с величайшим уважением, подчеркивая в особенности их высоконравственную жизнь и благотворное влияние, которое они имели на народ... В другом месте (Жизнь, 2) он их сравнивал с греческими стоиками. Все, что нам известно о фарисеях, составлявших ядро и лучшую часть народа, вполне подтверждает отзыв о них Иосифа Флавия, имеющий для нас тем большее значение, что наш историк, игравший немаловажную роль в войне иудеев против римлян и перешедший, как известно, в конце концов на сторону неприятеля, испытывал немало преследований со стороны фарисеев, которые, не без основания, считали его изменником. Но личная злоба, которая у него иной раз невольно прорывается против отдельных личностей, не могла подавить в нем чувство справедливости по отношению к тем, которые так хорошо понимали дух народа и иудаизма и с таким самоотвержением охраняли его интересы».

Тот же Флавий в другом сочинении говорит об этой секте следующее: «Фарисеи ведут строгий образ жизни и отказываются от всяких удовольствий. Всему тому, что разум признает за благо, они следуют, считая разум лучшим охранителем во всех желаньях. Они выдаются своим почтительным отношением к людям престарелым и отнюдь не осмеливаются противоречить их предначертаниям. По их мнению, все происходит

под влиянием судьбы. Впрочем, они нисколько не отнимают у человека свободы его воли, но признают, что по предначертанию Божию происходит смешение Его желаний с желанием человека, идти ли ему по пути добродетели или злобы. Фарисеи верят в бессмертие души, и что за гробом людей ожидает суд и награда за добродетель или возмездие за преступность при жизни, грешники подвергаются вечному заключению, а добродетельные люди имеют возможность вновь воскреснуть. Благодаря этому они имеют чрезвычайное влияние на народ, и все священнодействия, связанные с молитвами или принесением жертв, происходят только с их разрешения. Таким образом, отдельные общины засвидетельствовали их добродетель, так как все были убеждены, что фарисеи на деле и на словах стремятся лишь к наиболее высокому»³².

«Фарисеи сильно преданы друг другу и, действуя соединенными силами, стремятся к общему благу»³³.

Учение о бессмертии душ и о воскресении мертвых, как верно указывает Emil Schürer, основано не фарисеями; оно встречается уже в Ветхом Завете: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, вовеки, навсегда»³⁴.

Нельзя не согласиться с мнением Шюрера, что Флавий не только придает религиозным воззрениям палестинских сект философскую окраску, но даже приписывает своим землякам целые философские теории.

Это впечатление только усиливается в нас, когда мы читаем, как он отзывается об эссеях. Последние, утверждает Флавий, верят в неотразимость судьбы, саддукеи ее отвергают, а фарисеи держатся промежуточного взгляда. В другом месте Флавий сближает

ессеев с пифагорейцами, а фарисеев со стоиками. Очевидно, Флавий не без натяжки находит у иудейских сект эллинистические черты. Он, несомненно, идеализирует фарисеев, и это станет вполне ясно, когда вспомнишь недостатки, за которые порицал их Спаситель, их мелочность, лицемерие, строгую приверженность к букве закона в ущерб его духу, их пристрастие к обрядности.

Итак, фарисеи были далеки от всяких философских учений с точки зрения эллинизма. Они и в политике держались чисто иудейских взглядов, а именно выводили политические вопросы не из политических, а из религиозных оснований. Вообще фарисеи не были политической партией. Их цели были не политические, а религиозные, и преследовали строгое выполнение закона. Пока не встречалось препятствий этому выполнению, фарисеи мирились с любым правительством. Когда же светская власть являлась помехой выполнению закона, и притом тем строгим и мелочным образом, какого требовали фарисеи, они объединялись против такой власти и делали тогда до известной степени политической партией. Это случалось не только во времена порабощения, как при Антиохе Эпифане, но и в дни владычества иудейских князей Иоанна Гиркана и Александра Ианная, когда они по своим саддукейским воззрениям вооружались против фарисейских постановлений. Фарисеи всегда оставались равнодушными к политике, как таковой. Но нужно принять во внимание, что в отношениях иудеев к языческому правительству были две различные религиозные точки зрения, которые, смотря по тому, с какой из них исходили, приводили к двум противоположностям. Можно было исходить из идеи божественного предопределения, по которой иноземное владычество являлось Божией карой за нарушение иудейского закона. Это владычество язычников будет, стало быть, тяготеть над

избранным народом лишь столько времени, сколько Бог признает нужным. Поэтому надобно добровольно терпеть языческое иго, и вообще всякое жестокое правление, покуда оно не препятствует выполнению закона. Из этой точки зрения исходили фарисей Поллион и его ученик Самея³⁵, когда советовали согражданам подчиниться власти Ирода. И во время великого восстания против римлян мы видим знатнейших фарисеев, как, напр., Симеона, сына Гамалиила, во главе посредствующей партии, которая только по принуждению примкнула к восстанию, хотя в душе была против него³⁶. К совершенно другому выводу должно было прийти, ставя на первое место мысль об избрании иудейского народа. С этой точки зрения языческое владычество над Божьим народом представлялось чем-то чудовищным, подлежащим свержению всеми возможными средствами. Израиль не может признать над собой никакого другого царя, кроме Бога и Им указанного помазанника из дома Давидова. Тут не спрашивалось, есть ли обязательство или даже право подчиняться языческим властям и выплачивать им подать. Несомненно, всем памятен по Евангелию Матфея, Марка и Луки казуистический и щекотливый вопрос, заданный фарисеями Христу Спасителю: позволительно ли давать подать кесарю?³⁷

Название фарисеи происходит от слова перушим, т. е. выделяющиеся, или устраняющиеся. Но остается вопросом, из какой среды выделялись фарисеи и устранялись ли они только от известных лиц, или же вообще от всего оскверненного и незаконного. Ветхий Завет воспрещал общение иудеев с язычниками; апостол Павел, ссылаясь на книгу пророка Исаяи, писал в одном из своих посланий: «Выйдите из среды их (неверных) и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому»³⁸. Подобное же указание встречается в первой книге Ездры: «...подошли

ко мне начальствующие и сказали: народ Израилев и священники и левиты не отделились от народов иноплемennых с мерзостями их, от Хананеев, Хеттеев, Ферезеев, Иевусеев, Аммонитян, Моавитян, Египтян и Аморреев, потому что взяли дочерей их за себя и за сыновей своих, и смешалось семя святое с народами иноплемennыми, и притом рука знатнейших и главнейших была в сем беззаконии первом» (IX, 1, 2). «Итак, покайтесь в сем перед Господом Богом отцов ваших и исполните волю Его, и отлучите себя от народов земли и от жен иноплемennых» (X, 11). Соблюдение этой заповеди требует устранения не только от нечистых предметов, но и от нечистых людей и притом не исключительно язычников, но и от тех из иудеев, которым случилось подвергнуться осквернению. Название фарисеев поэтому должно происходить от выделяющихся из среды иудейского народа. Такое выделение могло быть понимаемо и в похвальном, и в порицательном смысле. Но из того, что упоминаемая секта не чуждалась своего названия, можно заключить, что фарисеи считали свое выделение похвальным и богоугодным.

Если название перушим указывает на то, что фарисеи выделяли себя из прочего народа, то другое имя, х а б е р и м , которым они часто сами себя называли, дает понять, что они составляли тесную общину. Словом х а б е р определяли всякого, кто строго соблюдал закон в смысле учения левитов о сохранении себя от осквернения. Этим словом называли фарисеев, истинно израильскую общину, как бы братию одного союза, в отличие от «бедного народа земли»³⁹, «бедных страны»⁴⁰. Наименованием хабери фарисей удостоивал только своего же собрата фарисея; всех прочих почитал он бедным народом земли. Отсюда узкое толкование буквоедами-фарисеями Божьей заповеди, которая повелевала любить ближнего, как самого себя; оно

подказало законнику, искушавшему Иисуса Христа, вопрос: «А кто мой ближний?» (Лук. X, 29). Евангельское повествование о фарисеях, спрашивавших учеников Христовых: «Как это Он ест и пьет с мытарями и грешниками»⁴¹, вполне отвечает фарисейским воззрениям, по которым следовало избегать общения с «грешным» народом.

По существу своему фарисейство так же старо, как и самый иудейский закон. Но выделилось оно в особую фракцию иудейского народа не ранее Маккавейских войн⁴². Впервые выступает эта партия, уже под именем фарисеев, при Иоанне Гиркане, но не на стороне Маккавеев, а против них. Развивающиеся события выдвинули, как политическую династию, священнический род Маккавеев или Асмонеев, которым через это выпала вполне политическая задача. Главной их целью сделалось уже не проведение закона, а расширение собственного могущества, что повело их к удалению от прежних друзей фарисеев. Окончательный разрыв произошел при Иоанне Гиркане, который в начале своего правления держался фарисеев, но позже пристал к саддукеям. С этих пор видим мы фарисеев противниками первосвященников — правителей. Так было не только при Гиркане, но и при Аристовуле I и в особенности при Александре Ианнае. При последнем, который, как суровый воин, пренебрегал религиозными вопросами, дошло до открытого восстания. Целых шесть лет бились он и его наемные войска с народом, которым предводительствовали фарисеи. Ианнай добился только внешних признаков покорности, но не мог одержать настоящей победы: народ оставался на стороне фарисеев. Вдова Ианная, царица Александра, чтобы умиротворить народ, предоставила власть фарисеям; в их руки перешло все внутреннее управление. Фарисейские предписания, отмененные при Гиркане, снова вошли в силу. Фарисеи вполне завладели обще-

ственной жизнью народа. И это осталось и на все последующее время. Несмотря на перемену правления при римлянах и иродианах, фарисеи сохранили за собою духовную гегемонию. Хотя во главе синедриона и стояли саддукеи, но вся сила влияния принадлежала фарисеям⁴³.

Симон, Александр и Руф

Предоставляю слово автору «Последних дней земной жизни Господа нашего Иисуса Христа»: «Когда приблизились к городским воротам, Иисус Христос изнемог до того, что не в силах был далее нести Своего Креста, и, как говорит древнее предание, преклонился под ним. Человеколюбие ли римского сотника, распорядившегося казнию, или бесчеловечие иудеев, опасавшихся, что жертва их злобы может умереть до казни, были причиною: только воины решились облегчить Иисуса и, вопреки обыкновению, возложить Его крест на другого. Провидение не умедлило послать для сего человека, некоего Симона, родом или прозванием Киринейского⁴⁴, который, возвращаясь с села, встретил стражу, ведущую Иисуса, при самом выходе ее из города. Воины тотчас захватили его и заставили нести крест Иисусов: поручение тягостное и, при настоящих обстоятельствах, чрезвычайно бесчестное; а посему весьма вероятно догадка некоторых⁴⁵, что Симон был из числа последователей Иисуса Христа и при встрече с Ним обнаружил какой-либо знак сострадания, вследствие чего воины сами, или по внушению иудеев, решились возложить на него крест. По крайней мере, три евангелиста (Матф. XXVII, 32; Марк. XV, 21; Лук. XXIII, 26) не без причины почли нужным предать потомству имя и род человека, который нес крест Господа, и сей причины должно искать в том, что Симон нес крест не по одному принуждению, а и с

любовию к Распятому на нем; или в том, что он, впоследствии по крайней мере, совершенно узнал цену креста Иисусова и носил его уже до конца своей жизни. Св. Марк упоминает еще, что Симон был отцом Александра и Руфа: два человека, которые, по крайней мере во время написания Маркова Евангелия, принадлежали к числу христиан и были всем известны по своим добродетелям, иначе упоминание о них не имело бы никакой цели. Руф сей, должно думать, есть тот самый, коего апост. Павел в послании к римлянам (XVI, 13) называет избранным в Господе, и коего память он столько уважал, что мать его именовал своею матерью (там же). Такого семейства был главою Симон, удостоенный Провидением высочайшей и единственной чести — разделить с Господом тяжесть Его собственного креста!»⁴⁶

Лия. Вартимей

Лия — лицо вымышленное. Вартимей упоминается в Евангелии от Марка (X, 46—52): «И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назарей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге».

Г о л о с   г л а ш а т а я

«У евреев, если верить Талмуду⁴⁷, существовало обыкновение, чтобы осужденный на смерть преступник лишался был жизни не скоро после осуждения. Глашатай несколько раз всенародно объявлял его имя, вину, свидетелей преступления и род казни, ему назначенной, вызывая всякого, кто может, идти в суд и защищать несчастного»⁴⁸.

«Не один, а три креста были видны в той толпе, которая направлялась от судилища Пилата к Голгофе. Впереди шел герольд, и его громкий голос извещал всех встречавшихся на улицах о том, кто будет казнен и за какое преступление. О том же должна была говорить надпись на белой дощечке, которую несли перед преступником или вешали ему на шею»⁴⁹. «В продолжение 40 дней, — говорит иудейская басня в вавилонской Гемаре, — выходил герольд и возглашал (об Иисусе Христе): этот ведется для побиения камнями, потому что он обманул Израиля. Кто знает что-нибудь в его защиту, может прийти и сказать. Но не нашлось никакой защиты; поэтому он был повешен вечером праздника Пасхи»⁵⁰. «Это сказание Талмуда, — говорит архиепископ Иннокентий, — есть сущая ложь, не стоящая опровержения исторического». Он же продолжает: «У римлян был закон, изданный Ти-верием⁵¹, вследствие коего смертная казнь совершалась не прежде 10 дней после приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Он судим был и по римским, и по иудейским законам, ни то, ни другое обыкновение не оказало никакого действия»⁵².

Г о л о с   л е в и т а

Голос левита — вымысел автора.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие в Иерусалиме

Историческая наука донныне не может с точностью определить года, в который совершилась крестная казнь Христа Спасителя. Если принять, согласно церковному мнению, что Богочеловек умер и воскрес в возрасте 33-х лет, то годом крестной смерти следовало бы принять 33-й год по Р. Х. Но по свидетельству профессора Имп. С.-Петербургской Духовной Академии Н. Н. Глубоковского⁵³, «год рождения Христова не известен независимо и определяется ныне весьма различно: больше колеблются между седьмым, шестым и пятым, не склоняясь окончательно ни к одному и допуская наряду с ними четвертый, десятый и восьмой, который устанавливается и защищается помимо цензовых выкладок, хотя безукоризненно отвечает им, ибо перепись, включавшая девятый год, могла быть именно в восьмом».

Известно, что евангелист Лука приурочивает к рождению Христову народную перепись, которая «была первая в правление Квириния Сириею» (II, 2). До самого недавнего времени научная критика отвергала возможность упоминаемой в Евангелии переписи. Но новейшие исследования профессоров М. И. Ростовцева (*Studien zur Geschichte des römischen Kolonates* в *Erstes Beiheft zum Archiv für Papyrusforschung u. verwandte Gebiete*, herausgegeben v. Prof. Ulrich Wilcken, Leipzig u. Berlin. 1910), W. M. Ramsay (*Luke's narrative of the birth of Christ* в «*The Expositor*», 1912, XI, XII) и Н. Н. Глубоковского в вышеупомянутой брошюре вполне оправдывают достоверность Евангелия от Луки в отношении Квириниевой переписи.

Тем не менее вопрос о точном определении года рождения Христова еще остается открытым. Та же

неопределенность, следовательно, существует и относительно года крестной смерти Иисуса Христа. замысел драмы побудил меня отнести рождество Христово к 1-му году до нашей эры, а крестную смерть к 32-му году, поставив смертный приговор, произнесенный прокуратором над Христом, в зависимость от получения Пилатом вести о гибели Сеяна. Правда, и тут есть некоторая натяжка: Сеян погиб 18 октября 31 года по Р. Х., и весть об этом должна была достичь Иерусалима несколькими месяцами ранее распятия Спасителя, совершившегося, как положительно известно, в марте месяце. Но автор драмы имел в виду не историческое исследование, а поэтическое произведение, и да будет прощена ему эта вольность.

Явление первое

1-й из народа

Благословен Давидов Сын ~ нашего отца. — Первые семь стихов представляют вольное переложение слов евангелистов: «Осанна Сыну Давидову! Благословен грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!» (Матф. XXI, 9). «Осанна! Благословен грядущий во имя Господне! Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! Осанна в вышних!» (Марк. XI, 9, 10). «Благословен Царь, грядущий во имя Господне! Мир на небесах и слава в вышних!» (Лук. XIX, 38). «Осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!» (Иоан. XII, 13).

Осанна значит: спасение.

1-й из народа

То Иисус, пророк из Назарета. — Назарет — город в Галилее.

В а р т и м е й

Он здесь пройдет в Вифанию. — Вифания — селение близ Иерусалима, у подошвы горы Елеонской, или Масличной.

2-я д е в у ш к а

Он любит лилии ~ всякая из них. — Заимствование из Евангелия Матфея: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут? Не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (VI, 28, 29). То же у Луки (XII, 27).

В а р т и м е й

Тому уже лет восемь ~ И я прозрел. — В рассказе Вартимея я придерживался Евангелия от Марка (X, 46—52). «По сказанию св. Матфея, исцелены два слепца; а по сказанию Марка и Луки — один. Притом у Марка и Матфея исцеление совершается при выходе из Иерихона, а у Луки пред входом в сей город. Кроме сего, св. Марк называет слепца по имени и отчеству (Вартимей, сын Тимеев). Для примирения первого несогласия полагают, что один из слепцов был всем известен, по сему об нем одном упоминают Лука и Марк; между тем Матфей, бывший очевидцем чуда, описывает его подробнее, как оно было. V. Storr. *Über den Zweck der Evang. Geschichte, des Joh.* Tübingen, 1786, p. 345. В изъяснение второго разногласия предполагают, что один слепец исцелен при входе, а другой при выходе из города. Впрочем, достоверность сказания Евангельского не имеет большой нужды в подобных догадках; она говорит сама за себя»⁵⁴. — Иерихон — город в Иудее, неподалеку от впадения Иордана в Мертвое море.

Явление второе

2-й фарисей

Да здравствует Тиверий! — Держась написания Тиверий, а не Тиберий, я сознательно погрешаю против завета Пушкина, который 6 июля 1836 г. писал А. А. Краевскому: «В статье Вяземского о Юлии Кесаре и Наполеоне есть ошибки противу языка в собственных именах. Например: Тарквин вместо Тарквиний, Парфы вместо Парфяне, Тиверий вместо Тиберий, и другие. — Исправьте, сделайте милость, если заметите»⁵⁵. В ученой литературе пишут: Тиберий; но в евангельском тексте, как славянском, так и русском, положенном в основание моей драмы, всегда Тиверий.

Явление пятое

Никодим

Слова Захарии пророка. — Пророчество, на которое ссылается Никодим, находится в книге пророка Захарии, IX, 9: «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной».

Чистое ученье и чудеса Его. — В этих словах и далее в речах Никодима в пятом явлении передана в вольном переложении беседа Иисуса Христа с Никодимом, помещенная в главе 3-й Евангелия от Иоанна: «Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников иудейских; он пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! Мы знаем, что Ты Учитель, пришедший от Бога, ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог. Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно

говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. Никодим сказал Ему в ответ: как это может быть? Иисус отвечал и сказал ему: ты, учитель Израилев, и этого ли не знаешь? Истинно, истинно говорю тебе: мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели; а вы свидетельства нашего не принимаете. Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном? Никто не восходил на небо, как только Сшедший с небес Сын человеческий, сущий на небесах. И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (1—21).

Явление шестое

Руф

От Виффагии шел с толпой учеников Своих Учитель. — «Виффагия — небольшое селение, видимое и из Иерусалима, на северной оконечности горы Елеонской»⁵⁶. — В четвероевангелии рассказываемое Руфом описано так: «Когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: „Пойдите в селение, которое прямо перед вами, и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне. И если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их“ (Матф. XXI, 1—3). Посланные пошли и нашли, как Он сказал им. Когда же они отвязывали молодого осла, хозяева его сказали им: „Зачем отвязываете осленка?“ Они отвечали: „Он надобен Господу“ (Лук. XIX, 32—34). Привели ослицу и молодого осла⁵⁷ (Матф. XXI, 7) и, накинув одежды свои на осленка, посадили на него Иисуса (Лук. XIX, 35)»⁵⁸.

Как на ладони весь Ерусалим. — «Всеобщий восторг еще более усилился, когда достигли последней возвышенности, с коей надлежало спускаться вниз до самого Иерусалима (Лук. XIX, 37). Это одно из лучших мест в окрестности; Иерусалим представлялся отсюда как на картине⁵⁹; там, в правой стороне, над ужасною бездною возвышался храм Иерусалимский и по многочисленным, блистательной белизны, мраморным столбам своим казался искусственною громадою льдов, с золотым куполом, от коего лучи полдневного солнца отражались, по замечанию Флавия, бесчисленными молниями. Наружное великолепие его еще сильно напоминало счастливые времена Давида и Соломона; но он был уже окружен мерзостью запустения,

которая вскоре имела стать на месте святе. Украшенная орлами римскими крепость Антония, с ее огромною башнею, господствуя над высотой храма, казалось, выражала унижение, в коем находился народ Божий. Тут же являлась взору претория Пилатова; но дворцы первосвященников казались удаленными и были отделены от храма пропастями⁶⁰, как бы в знак внутреннего удаления их обитателей от Бога отцов своих. Останки домов Давида и Соломона уже едва были приметны во множестве новых зданий»⁶¹.

Запели мы: «Осанна». — «И когда Он ехал, постилали одежды свои по дороге. А когда Он приблизился к спуску с горы Елеонской, все множество учеников начало в радости велегласно славить Бога за все чудеса, какие видели они, говоря: „Благословен Царь, грядущий во имя Господне! Мир на небесах и слава в вышних!“ (Лук. XIX, 36—38). Множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: „Осанна! Благословен грядущий во имя Господне Царь Израилев!“ Народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых; потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо (Иоан. XII, 12, 13, 17, 18). Многие же постилали одежды свои по дороге, а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге (Марк. XI, 8); народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: „Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне! Осанна в вышних! (Матф. XXI, 9) Благословенно грядущее во имя Господа Царство отца нашего Давида! Осанна в вышних!“ (Марк. XI, 10). И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: „Учитель! Запрети ученикам Твоим!“ Но Он сказал

им в ответ: „Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют!“ (Лук. XIX, 39, 40)»⁶².

Симон

Ты оказал одну услугу Мне. — Эти слова Христа Спасителя, обращенные к Симону, — вымысел автора.

Его подростки обступили. — «Видев же первосвященники и книжники чудеса, которые Он сотворил, и детей, восклицающих в храме и говорящих: „Осанна Сыну Давидову!“ — вознегодовали и сказали Ему: „Слышишь ли, что они говорят?“ Иисус же говорит им: „Да! Разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?“ (Псал. VIII, 3; Матф. XXI, 15, 16)»⁶³.

Иосиф

В среде синедриона. — Синедрион — судебная инстанция иудейского народа⁶⁴. Иерусалимский аристократический сенат, в руках которого было управление иудейским народом, а также юрисдикция, замечается только со времени греческого владычества. Учение раввинов возводит синедрион к временам Моисея: «И сказал Господь Моисею: собери Мне семьдесят мужей из старейшин израилевых, которых ты знаешь, что они старейшины и надзиратели его, и возьми их к скинии собрания, чтоб они стали там с тобою; Я сойду и буду говорить там с тобою, и возьму от Духа, Который на тебе, и возложу на них, чтобы они несли с тобою бремя народа, а не один ты носил» (Числ. XI, 16, 17). Но в первое тысячелетие по Моисее мы не находим почти никаких следов подобного учреждения. Старейшины или судьи, являвшиеся иногда представителями народа и упоминаемые в книгах Царств (I. VIII, 1) и пророка Иезекииля (XIV, 1), не составляли организованного

учреждения вроде позднейшего синедриона. Высшее судилище, указанное во Второзаконии (XVII, 8, 9) и связанное с именем Иосафата (2 Паралипоменон XIX, 8), было только судебной инстанцией и не входило в дела правления, как синедрион греко-римской эпохи. Только со времен персидского владычества можно с некоторой вероятностью указать на существование или постепенное возникновение учреждения, подобного позднейшему синедриону. Под владычеством чужестранцев иудеи образовывали самоуправляющуюся общину; тут требовалось управление при посредстве старейшин или надзирателей из народа. Но о числе их и организации мы знаем очень мало. В Иудее мы находим в пору греческого владычества герусию, т. е. аристократический сенат. Главнейшее влияние, несомненно, имели в этом учреждении священники. Первое упоминание об иудейской герусии встречается у Флавия⁶⁵ при Антиохе Великом (223—187 до Р. X.). Во главе иудейского правительства стоял первосвященник, должность коего была наследственной⁶⁶.

Явление седьмое

2-й фарисей

Гнать покупающих и продающих. — «И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков, и скамьи продающих голубей (Матф. XXI, 12), и не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь; и учил их, говоря: „Не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? (Исайя LVI, 7), а вы сделали его вертепом разбойников“ (Марк. XI, 16, 17)»⁶⁷.

Саддукей

Весь мир идет за Ним. — «Фарисеи же говорили между собою: „Видите ли, что не успеваете ничего? Весь мир идет за Ним“» (Иоан. XII, 19). Дальнейшие слова представляют свободный пересказ евангельского повествования: «Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: „Что нам делать? Этот Человек много чудес творит; если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут римляне и овладеют и местом нашим, и народом“. Один же из них, некто Кайафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: „Вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб...“

С этого дня положили убить Его» (Иоан. XI, 47—50, 53).

Явление восьмое

2-й фарисей

С Магдалиной. — «Магдала был небольшой город при Галилейском море, недалеко от Тивериады» (Lightfoot in chorogr. Matth. praemis, p. 76). Мария называется постоянно Магдалиной потому, что родилась или жила в сем городе. Господь изгнал из нее семь бесов (Марк. XVI, 9; Лук. VIII, 2). Признательная к сему благодетелю, она часто сопровождала Его, слушая беседы и доставляя Ему пособие в содержании (Лук. VIII, 3, 4). Многие принимали Магдалину за великую грешницу, которая описывается в VII главе Ев. Луки (Deyling obser. sacr. P. 3. p. 291), или за Марию, сестру Лазареву (Schlegel, Lebensg. S. 394). И первое мнение не основательно, а последнее еще более. (См. Синаксар Вел. Среды). ⁶⁸

Явление девятое

Прокула

В приморской Кесарии. — Кесария, прежде носившая название Стратоновой Башни. Первый писатель-географ, упоминающий этот город, был Артемидор, около 100 лет до Р. Х. Кесарь Август отдал этот город Ироду Великому⁶⁹, и только с той поры получило это место некоторое значение. Ирод обстроил его в весьма внушительных размерах, снабдил прекрасною гаванью и назвал в честь кесаря Кесариею. По смерти Ирода Кесария вместе со всей Иудеей досталась Архелаю, а после его свержения римским прокураторам, которым и служила постоянным местопребыванием. Кесария была главным гарнизоном подчиненных прокураторам войск, набираемых преимущественно из местных жителей⁷⁰.

Прибыв сюда на праздник. — В некоторых случаях, а именно на большие иудейские праздники, когда в столицу стекалось множество народа и требовались меры предосторожности, римские прокураторы временно переезжали из Кесарии в Иерусалим и там останавливались в прежнем дворце Ирода⁷¹.

Прокула

Он на ослице проехал мимо дома моего. — Вымысел автора.

Иосиф

В претории. — Латинское praetorium правильнее было бы передавать по-русски словом: преторий. Но уступая вошедшей в обыкновение, благодаря евангельскому чтению, передаче: претория (в женск. роде), сохраняю ее в этом виде.

Явление десятое

Иоанна

Отец давно уж умер. — Архиепископ Иннокентий⁷² высказывает предположение, что Иосифа, обручника Пресв. Девы, ко времени описываемых событий давно уже не было в живых: «С того самого времени, как Иисус Христос, будучи 12 лет, приходил с родителями Своими в Иерусалим на праздник Пасхи (Лук. II, 42), об Иосифе вовсе не упоминается в Евангелии, хотя при некоторых случаях весьма прилично было упомянуть о нем, если бы он был в живых».

Был он (Иосиф) из рода славного царя Давида. — «Послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова» (Лук. I, 26, 27).

Прокула

При храмах Эскулапа или Изиды. — У древних римлян была очень распространена вера в исцеления от различных недугов в храмах различных божеств, напр., Эскулапа, Изиды, Сераписа. Об этом сообщают Аристид, Гален, Ориген, Артемидор⁷³.

Первый из названных писателей, ритор П. Элий Аристид (родился в Вифинии около 129 г.), происходил из знатного и богатого рода и был сыном жреца Зевса. В 152 г. постигла его болезнь, которою он промучился целых 20 лет и о которой подробно сообщает в изданных им по выздоровлении своих «Священных речах». Во время болезни в нем развилась мечтательная набожность, приведшая его к исключительному почитанию бога-целителя Эскулапа, которому он приписал свое исцеление. В надежде выздороветь он годами водился со жрецами при храме этого бога. Согласно

всеобщему верованию, Эскулап даровал ищущим его помощи и ложившимся спать в его храме откровения в сновидениях⁷⁴.

Иоанна

С ребятами, бывало, птичек лепит из глины ~ и с песнью к небу улетят. — Заимствовано из апокрифического *Evangile de l'enfance du Christ*⁷⁵.

Превратилась та стружка в золото в руках у нищей. — Вымысел автора.

Любить врагов ~ Предвечного Отца на небесах. — В этих словах содержится вольное переложение евангельского учения: «...Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас (Матф. VI, 44). Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня: радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах (Матф. V, 3—12). Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного (Матф. V, 16)».

Песнь учеников Иисусовых есть вольное переложение нескольких стихов 87-го псалма, хорошо всем знакомого, как входящего в Шестопсалмие, читаемое на утрени.

Привожу их в славянском тексте, к которому более, чем к русскому переводу, подходит мое переложение: «Господи Боже спасения моего, во дни возвах и в

нощи пред Тобою: да виидет пред Тя молитва моя, преклони ухо Твое к молению моему, яко исполнися зол душа моя, и живот мой аду приближися (2—4). Положиша мя в рове преисподнем, в темных и сени смертней. На мне утвердися ярость Твоя... (7, 8). Очи мои изнемогосте от нищеты: возвах к Тебе, Господи, весь день, воздох к Тебе руце мои (10). И аз к Тебе, Господи, возвах, и утро молитва моя предварит Тя (14). Нищ есьмь аз... (16)».

Явление одиннадцатое

Иоанна

Там Лазарь, друг Его, с двумя сестрами. — «Иисус... Любил Марфу, и сестру ея⁷⁶, и Лазаря» (Иоан. XI, 5).

И Мать Его, пришедшая на праздник ~ поджидает в дом Лазаря возлюбленного Сына. — Вымысел автора.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

У Пилата

Перистиль дворца Ирода Великого. — В Иерусалиме в описываемое время было три здания, в одном из которых останавливались римские прокураторы и находилась претория, т. е. судебная палата.

Эти три здания были: прежний дворец Ирода Великого, Антониева Башня, примыкавшая к храму Иеговы, и Маккавейский дворец. Вопрос о том, которое из них занимал Пилат и где была его претория — спорный. Я придерживаюсь мнения Э. Шюрера и принимаю

за место жительства Пилата и помещения его претории дворец Ирода. «В северо-западном углу древнего Сиона или верхнего города, на том месте, где некогда красовался дворец царя-пророка Давида, в дни земной жизни Спасителя стояло роскошнейшее здание Иерусалима. Много энергии и вкуса потратил страстный поклонник греческой архитектуры Ирод Великий при постройке этого здания. Он употребил в дело все, что только могли дать Иудея и соседние области, и дворец его имени красотою своею, по словам Иосифа Флавия⁷⁷, превосходил всякое описание. Круглая стена в 30 локтей высотой с красивыми башнями, построенными в одинаковом расстоянии одна от другой⁷⁸, окружала внешнее пространство дворца.

Здесь прелестные рощи с медными статуями у фонтанов и башнями для ручных голубей очаровывали посетителя картиною роскошной природы среди знойного города.

Разнообразные мраморные колонны, соединяясь в изящные перистили и величественные портики, открывали вход внутрь дворца, где было в изобилии все, что только мог придумать вкус Рима и Антиохии. Красивые потолки, удивлявшие длиною балок и прихотливою, искусною резьбою, причудливо разнообразные украшения стен, мозаические полы, художественно устланные пестрым мрамором, множество прекрасных статуй, расставленных в нишах стен, богатая серебряная и золотая сервировка столов — были принадлежностью многих чертогов этого дворца, обставленных роскошью и удобством соответственно назначению каждого из них; но и среди этого общего блеска и великолепия еще выделялись две залы — Кесариум и Агриппиум. С их великолепием только храм выдерживал сравнение»⁷⁹.

Лифостротон, или, по-еврейски, гаввафа. — «Площадка пред домом прокуратора, так названная от того,

что была устлана мрамором и другими разноцветными камнями. Среди лифостротона находилось судейское место, ибо суд у римлян производился большею частью под открытым небом (Иуд. древн. III, 9, 3)»⁸⁰.

Явление первое

Александр

В роще Гефсиманской. — «Эта роща находилась на расстоянии трех четвертей версты от городских стен. Это был сад, обнесенный, вероятно, какою-нибудь легкою изгородью, и так как он был местом частого убежища для Иисуса и Его последователей, то можно думать, что он принадлежал какому-нибудь дружественному им владельцу. Самое название „Гефсимания“ означает „жом масличный“, и она названа была так несомненно от жома для выжимания маслин, собираемых с многочисленных деревьев, от которых самая гора (Елеонская, или Масличная, у подошвы которой была расположена Гефсимания) получила свое название»⁸¹.

То были слуги первосвященника ~ рассмотрел я римских воинов. — «Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими. Итак, Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками, и оружием» (Иоан. XVIII, 2, 3). «Весь многочисленный штат синедриональных служителей-рассыльных, истязателей, ругавшихся над преступником до казни, палачей, был всегда к услугам первосвященника, как председателя верховного судилища.

Им с удобством мог воспользоваться теперь и Каиафа. Но, может быть, действительно страшась Того, с Кем ему придется иметь дело, частью — желая при-

дать этому делу особенную важность, он посылает для задержания Господа Иисуса Христа тот отряд римских солдат, который у евангелиста Иоанна называется „спирою“ (XVIII, 12) с капитаном или трибуном во главе»⁸².

Иосафатовой долины. — «Начинаясь на севере Иерусалима, недалеко от гробниц судей, долина Иосафатова направляется к востоку, проходит на севере гробниц царских и против северо-восточного угла города сразу поворачивает к югу. В этом направлении идет она на всем протяжении города»⁸³.

Поток Кедронский. — «Этот поток протекал в глубокой лощине, на сто футов ниже городских ворот, которые соответствуют теперешним воротам св. Стефана⁸⁴. Чтение св. Иоанна (поток Кедрон, XVIII, 1) есть, вероятно, не более как любопытный пример грецификации еврейского названия... Мы не знаем о существовании там кедров, но даже если *των Кедрων* есть верное чтение, то слово это могло быть изобретено самим евангелистом. Кедрон скорее лощина, чем поток. В нем только случайно течет вода после необыкновенно сильных дождей. Нельзя видеть также особенного значения и в самом названии Кедрон — значения (Stier Reden Jesu, VII, 220) „мрачного потока в глубокой долине“⁸⁵. Кедронский поток упоминается и в книгах Царств: „В двадцатый год царствования Иероваама, царя Израильского, воцарился Аса над иудеями и сорок один год царствовал в Иерусалиме; имя матери его Ана, дочь Авессалома. Аса делал угодное пред очами Господа, как Давид, отец его. Он изгнал блудников из земли и отверг всех идолов, которых сделали отцы его, и даже мать свою Ану лишил звания царицы за то, что она сделала истукан Астарты; и изрубил Аса истукан ее и сжег у потока Кедрона“ (3 Цар. X, 9—13). „И повелел царь⁸⁶ Хелкии первосвященнику и вторым священникам, и стоящим на страже у порога

вынести из храма Господня все вещи, сделанные для Ваала и для Астарты и для всего воинства небесного, и сжег их за Иерусалимом в долине Кедрон, и велел прах их отнести в Вефиль“ (4 Цар. XXIII, 4).

В то время, как из детства привыкли мы рисовать в своем воображении поток Кедрский, как поток в собственном смысле слова, быстро и с шумом катящийся среди глубокого каменистого русла с севера на юг на восточной стороне Иерусалима, на самом деле это лишь сухое, безводное, в различных местах неодинаковой глубины и ширины, русло или долина, окаймляющая Иерусалим с северной, восточной и отчасти с южной стороны. Среди различных названий этой долины древнейшее и популярнейшее, бесспорно, библейское имя потока Кедрского или долины Кедрской⁸⁷. Под этим именем упоминается она в Ветхом и Новом Завете, так называют ее Иосиф Флавий, Евсевий, Иероним и др. Но уже очень давно христианское предание называет ее долиною Иосафатовою, может быть, относя к ней пророчество Иоилия о суде Божиим над языческими народами в долине Иосафатовой (III, 12), и это имя после становится столь же распространенным, как и имя долины Кедрской⁸⁸.

Александр

Для рабов не существует брака. — Б. В. Никольский любезно сообщает мне, что «в Риме браков между рабами не существовало; постоянное сожительство раба и рабыни могло быть, по усмотрению господ, дозволено или прекращено; но и такое сожительство не называлось браком, а *contubernium*, — выражение вроде французского *chienne*. Таким образом, ни о каком разрешении невольникам вступить в брак, с римской точки зрения, не могло быть и речи».

Явление второе

Иоанна

Среброковач Димитрий из Ефеса. Упоминается в Деяниях Апостолов: «...некто серебряник (в славянском переводе среброковач), именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: „Друзья! Вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Азии, этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Азия и вселенная“. Выслушавши это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: „велика Артемида Ефесская!“ (XIX, 24—28).

Зенодор Арвернский упоминается Плинием Старшим (Plin., *Naturalis historiae*, XXXIV, 46), как исполнивший по заказу арвернцев, в их столице Клермонте, колоссальную статую Меркурия; работа эта длилась целых 10 лет и принесла художнику вознаграждение в 400 000 сестерций (приблиз. 43 000 рублей). При Нероне Зенодор был вызван в Рим для изготовления колоссальной статуи императора⁸⁹.

Чтоб вам Пилат свободу дал. — С бытовой точки зрения прислуга женщины (в данном случае невольники Прокулы — Александр и Лия), т. е. рабы и рабыни, всегда включались в приданое. Приданое жены в продолжение брака составляло собственность мужа. Это правило не допускало исключений. Отпустить на волю рабов из приданого жены во время брака мог

только муж, и он, а не жена, считался патроном вольноотпущенников. Этими сведениями я обязан Б. В. Никольскому.

Александр

Уже над алтарем ~ великий день. — Ежедневно в иерусалимском храме при первых лучах восходящего солнца приносилась жертва, возжигались курения фимиама, левиты запевали положенный на каждый день псалом, и два священника трубили в серебряные трубы⁹⁰. В книге Премудрости Иисуса Сына Сирахова так говорится о первосвященнике Симоне, сыне Онии: «Как величествен он был среди народа, при выходе из завесы храма! Как утренняя звезда среди облаков, как луна полная во днях; как солнце, сияющее над храмом Всевышнего, и как радуга, сияющая в величественных облаках; как цвет роз в весенние дни, как лилии при источниках вод, как ветвь ливана в летние дни; как огонь с ладаном в кадильнице; как кованый золотой сосуд, украшенный всякими драгоценными камнями; как маслина с плодами, и как возвышающийся до облаков кипарис. Когда он принимал великолепную одежду и облакался во все величественное украшение, то, при восхождении ко святому жертвеннику, освещал блеском окрестность святилища. Также, когда он принимал жертвенные части из рук священников, стоя у огня жертвенника, — вокруг него был венец братьев, как отрасли кедра в Ливане, и они окружали его, как финиковые ветви, и все сыны Аарона во славе своей, и приношение Господу в руках их пред всем собранием Израиля. В довершение служб на алтаре, чтобы увенчать приношение Всевышнему Вседержителю, он простирает свою руку к жертвенной чаше, лил в нее из винограда кровь и выливал ее к подножию жертвенника в воню благоухания Вышнему Всецарю. Тогда сыны Аароновы восклицали, трубили коваными труба-

ми и издавали громкий голос в напоминание пред Всевышним. Тогда весь народ вместе спешил падать лицом на землю, чтобы поклониться Господу своему, Вседержителю, Богу Вышнему; а песнопевцы восхваляли Его своими голосами; в просторном храме раздавалось сладостное пение, и народ молился Господу Всевышнему молитвою пред Милосердым, доколе совершалось славословие Господа, — и так оканчивали они службу Ему» (L, 5—21).

В следующий за субботой день полагалось петь псалом 23-й, в понедельник — пс. 47-й, во вторник — пс. 81-й, в среду — пс. 93-й, в четверг — пс. 80-й, в пятницу — пс. 92-й и в субботу — пс. 91-й⁹¹.

Опресноки, пасхальный агнец и травы горькие. — «И сказал Господь Моисею и Аарону в земле египетской, говоря... агнец у вас должен быть без порока, мужского пола, однолетний... Пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испеченное на огне, — с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его... Наблюдают опресноки, ибо в сей самый день Я вывел ополчения ваши из земли египетской, и наблюдайте день сей в роды ваши, как установление вечное» (Исход XII, 1, 5, 8, 17).

Иоанна

Тивериаде. — Этот город основан Иродом Антипой на западном берегу Генисаретского озера и назван Тивериадой в честь Тиверия кесаря⁹². «Здесь были поселены всевозможные пришельцы отовсюду, в числе которых было немало галилеян, множество насильно удаленных и отправленных в ссылку людей, а также несколько высокопоставленных лиц. Сюда же были привлечены для поселения всевозможные набранные отовсюду бедняки, равно как целый ряд лиц, свободное происхождение которых не было даже установлено. Всем им тетрарх⁹³ предоставил права свободнорожден-

ных граждан и дал им различные преимущества; а для того, чтобы привязать их к городу, он настроил жилища и дал им земельные участки. Он отлично понимал, что население здесь людей было собственно противно иудейским законам вследствие того, что Тивериада была основана на месте множества находившихся здесь и разрытых с этой целью могил. Тут закон постановлял, что жители должны считаться ритуально нечистыми в течение семидневного срока».⁹⁴

Явление третье

Прокула

Недобрый сон. — Содержание сна Прокулы — вымысел автора.

Явление четвертое

Иосиф

К смертной казни Он приговорен. — «И отвели Его сперва к Анне, ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником (Иоан. XVIII, 13). Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе (Иоан. XVIII, 24). И привели Иисуса к первосвященнику; и собрались к нему все первосвященники, и старейшины, и книжники (Марк. XIV, 53). Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: „Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам: Ты ли Христос, Сын Божий?“ (Матф. XXVI, 63). Иисус сказал: „Я! И вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных“ (Марк. XIV, 62). Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: „Он богохульствует! На что еще нам свидетелей? Вот, теперь вы слышали богохульство Его! Как вам

кажется?“ Они же сказали в ответ: „Повинен смерти“ (Матф. XXVI, 65, 66)».⁹⁵

Наш закон велит. — «По обычному порядку древнееврейского уголовного судопроизводства, после этого (первого ночного заседания синедриона, в котором был постановлен смертный приговор) нужно было дать время судебному приговору „перебродить“, и только сутки спустя собраться на вторичное заседание для окончательного постановления. Но, если бы судьи Господа Иисуса Христа побоялись нарушить этот закон, им пришлось бы долго ожидать смерти Спасителя, потому что только полсуток оставалось до наступления праздника Пасхи. Поэтому, торопясь, они устраивают вторичное заседание в пятък утром лишь несколько часов спустя после первого. Но в этом собрании синедриона, как повествует о нем евангелист Лука, состоялось только вторичное формальное подтверждение виновности Господа Иисуса Христа»⁹⁶.

«И, как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синедрион» (Лук. XXII, 66).

Явление пятое

Пилат

Осквернением не страшит вас дом язычника. — Вступивший в дом язычника иудей считался нечистым в продолжение семи дней (Мишна, Oholoth, XVIII, 6, 7; Naziv, VII, 3)⁹⁷.

Иосиф

Бог любить повелевает нам ближнего, как самого себя. — «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя» (Левит XIX, 18).

Явление шестое

Иоанна

Маккавейский дворец. — Муж Иоанны, Хуза, до-
моправитель четверовластника Ирода Антипы, вероятно,
вместе с последним проживал в Иерусалиме в
одном и том же дворце. Я допускаю возможность, что
местопребыванием Ирода при посещениях Иерусалима
был дворец Асмонеев или Маккавейский. Об этом
здании у Флавия говорится, что оно возникло еще при
Асмонеях. Так как этот дворец был расположен на
возвышенности, то отсюда открывался прелестнейший
вид на город⁹⁸. Помещая Ирода Антипу в Маккавей-
ском дворце, я расхожусь с автором «Археологии
истории страданий Господа Иисуса Христа» Н. Мак-
кавейским, который предполагает, что четверовластник
останавливался во дворце Ирода Великого, а преторию
Пилата видит в Маккавейском дворце.

Явление седьмое

Центурион

Друг кесаря, Сеян. — В Летописи Тацита говорит-
ся: «Шел девятый год правления Тиверия⁹⁹. В респу-
блике было благоустройство, в семействе процветание
(смерть Германика он считал в числе счастливых
событий), как вдруг судьба начала мутить: он стал
свирепствовать сам или помогал свирепствовать дру-
гим. Виновником и причиной этой перемены был пре-
фект преторианских когорт Сеян... Теперь я расскажу
об его происхождении, характере и о том, каким
злодеянием он задумал захватить господство. Он ро-
дился в Вольсиниях¹⁰⁰ и был сыном Сея Страбона,
римского всадника... Он разными хитростями так при-
вязал к себе Тиверия, что скрытного по отношению к

другим он сделал неосторожным и доверчивым по отношению к себе одному... У него было выносливое к трудам тело, смелый дух; себя он умел прикрывать, а других обвинять; одинаково был льстецом и гордецом; снаружи у него была притворная стыдливость, внутри — жажда к достижению высшего положения, и ради него он пускал в ход иногда щедрость и роскошь, а чаще энергию и бдительность — также вредные свойства, когда они направляются на приобретение царской власти.

Умеренную до него силу преторианского префекта он увеличил тем, что рассеянные по Риму когорты соединил вместе в лагере, дабы они получали приказания все разом, а также, чтоб число, сила и вид друга друга внушали им доверие к себе, а другим страх. Предлогом же он выставлял то, что солдаты, рассеянные по городу, становятся распушенными, что в случае внезапной надобности они, действуя совокупно, могут оказать больше помощи и что между ними будет строже дисциплина, если будет устроен окоп вдали от приманок города. Как только лагерь был окончен, он стал мало-помалу вкрадываться в душу солдат, посещая их, называя по именам, и в то же время сам выбирать центурионов и трибунов¹⁰¹. Не забывал он также ухаживать за сенаторами, доставляя своим клиентам должности и провинции, причем Тиверий был для него податлив и до того к нему расположен, что не только в разговорах, но в сенате и перед народом величал его товарищем в трудах и позволял чествовать его изображения в театрах и на форумах¹⁰², а также на главной площади лагеря легионов.

Но исполнение его желаний задерживалось тем, что семейство Кесарей было многолюдно, тем, что был сын¹⁰³, молодой человек, и взрослые внуки¹⁰⁴, и так как было небезопасно разом истребить столько душ, то злоумышленность его требовала, чтобы злодеяния совершались с промежутками. Во всяком случае, он

решил действовать тайными средствами и начать с Друза¹⁰⁵, против которого пылал свежим гневом. Дело в том, что Друз, не терпя соперника и будучи слишком вспыльчив, в поднявшейся как-то ссоре поднял на Сеяна руку и, когда тот подступил к нему, ударил его по лицу. И вот, обдумывая всякие средства к отмщению, Сеян нашел, что самое скорое из них — обратить взоры на жену его, Ливию, сестру Германика, которая в первые годы была некрасива, но затем стала женщиной выдающейся красоты. Как бы пылая к ней любовью, он увлек ее к прелюбодеянию, а заставив ее совершить первое преступление, он (ведь, потеряв целомудрие, женщина в другом уже не отказывает) внушил ей желание сочетаться с ним браком, мысль о совместном царствовании и об умерщвлении мужа. И она, у которой был дядя Август, теще Тиверий, дети от Друза, оскверняла себя, предков и потомков связью с любовником из муниципия¹⁰⁶, для того, чтоб вместо почетного и обеспеченного положения ожидать преступного и неверного! Они берут в сообщники Эвдема, друга¹⁰⁷ и врача Ливии, который, под видом своего искусства, часто находился с ней наедине. Сеян прогоняет из дому жену свою, Апикату, от которой уже имел троих детей, затем, чтоб не возбуждать в любовнице подозрения. Но великость преступления пугала их, заставляла откладывать его, иногда принимать другие решения»¹⁰⁸.

Явление девятое

Префект

Александрийский большой корабль. — Пользуюсь сведениями, сообщаемыми мне М. И. Ростовцевым: «Путей в Сирию и Палестину было несколько, самые обычные — морем. Из Рима ехали по Аппиевой дороге

в Брундизий (Бриндизи), оттуда, чтобы не огибать бурной Малеи, где гибло немало кораблей, переправлялись в Патрас или прямо на Коринфский перешеек; через Коринф следовали в гавань Коринфа — Кенхреи, здесь опять садились на корабли и шли обычным путем от острова к острову, через Делос и другие острова Архипелага на Родос; отсюда мимо берегов Ликии, Памфилии и Киликии шли в Тарс и далее по берегу в Антиохию; иногда, минуя Тарс, в ту же Антиохию плыли через одну из гаваней Кипра. Из Антиохии можно было продолжать морское путешествие до Кесарии, но предпочитали прекрасную сухопутную дорогу вдоль берега моря.

Люди, не выносившие моря, могли пробраться в Иудею почти сплошь по суше и по превосходным мощным дорогам. Из Брундизия в одни сутки переезжали в один из портов Эпира (Диррахий, Аполлонию или др.), откуда по Эгнатиевой дороге через Македонию и Фракию добирались до одного из портов Геллеспонта. Переехав через Геллеспонт в Азию, переезжали вдоль моря в Смирну, а оттуда по большой дороге через Сарды, Филадельфию, Лаодикею, Апамею, Иконий, Тиану и Тарс в Антиохию.

Если хотели миновать и переход морем от Брундизия до Эпира, то ехали через Северную Италию до Аквилеи, затем вдоль Савы до Белграда и оттуда через Софию и Филиппополь в Византию. Через Босфор переезжали в Азию и через Никомедию и Анкиру попадали на описанную уже выше дорогу. Этот путь рекомендует путеводитель 333 г. по Р. Х. паломникам, едущим из Бордо в Иерусалим.

Наконец, часто выезжали не из Брундизия, а из ПUTEОЛ (Pozzuoli близ Неаполя) прямым трактом в Александрию, а оттуда сухим путем через Суэцкий перешеек в Кесарию. Этот путь любили, так как верили в искусство александрийских кормчих и в морские качества их больших и крепких судов».

К нам Нептун был милостив. — Нептун, бог моря римской мифологии, именем которого пользовались для обозначения самого моря.

Эол, надувши щеки, веял. — Эол — царь ветров, сын Юпитера и нимфы Меланиппы. В греческой и римской мифологии он поднимал бури.

Дней в двадцать плаванья до Кесарии. — От Сицилийского (Мессинского) пролива в Александрию префект Галерий приплыл на седьмой день, префект Балбилл — на шестой, а сенатор Валерий Максим, правда, от Путеол, — на девятый, при очень тихом ветре (Plin. Nat. hist., XIX, 1). Филон (Philo in Flacc. p. 521 M.) упоминает о 15-дневном плавании от Александрии до Кесарии¹⁰⁹.

Явление десятое

Центурион

Войти сюда нельзя уговорить их. — «И поднялось все множество их» (Лук. XXIII, 1). «От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху» (Иоан. XVIII, 28).

Явление одиннадцатое

Префект

Неудачу потерпел старик Север Цецина. — Префект ссылается на обстоятельство, случившееся перед тем лет за десять с небольшим. Север Цецина отличался еще в паннонских войнах под предводительством Тиверия¹¹⁰. В 15 г. по Р. X. он вместе с Силием и Апронием за свои подвиги в Германии получил триумфальные украшения, которые во время империи

заменяли триумф для полководцев. Он, как и Силий, был *legatus Caesaris pro praetore*, т. е. легат или наместник императора.¹¹¹ Тацит повествует, что однажды среди прений в сенате «Цецина Север сделал предложение, чтобы никакое правительственное лицо, которому досталась провинция, не сопровождала жена. Не напрасно в старину было постановлено, что женщин не следует тащить с собой к союзникам или иностранным народам: женской свите присуще нечто такое, что мирные занятия затрудняет роскошью, войну боязнию, и превращает поход римского войска в подобие шествия варваров. Этот пол не только слаб и не способен к перенесению трудов, но, если дать ему волю, жесток, любит интригу, жаден до власти, любит ходить среди солдат, иметь у себя под рукой центурионов: недавно¹¹² женщина распорядилась упражнением когорт, маневрами легионов. Подумайте о том, что всякий раз, как кто-нибудь обвинялся в вымогательствах, больше всего обвинений падало на женщин! К ним тотчас пристают самые негодные люди из провинциалов; они предпринимают дела, вступают в сделки; две свиты для выходов, две претории¹¹³, причем более настойчивые и капризные приказания идут от женщин, которые некогда были связаны Оппиевым¹¹⁴ и другими законами, но теперь, когда эти цепи развязаны, хотели бы управлять домами, форумами¹¹⁵, а вот уже и войсками.

Речь эту с одобрением слушали немногие... Таким образом, мнение Цецины было устранено»¹¹⁶.

Префект

Жену Пизона, наместника Сирийского, Планцину. — О них говорится в летописях Тацита: «Тиверий... отдал Сирию Гнею Пизону, человеку вспыльчивого характера и не умеющему повиноваться... Кроме отцовского духа гордости, Пизон был вызываем к ней также знатностью и богатством жены своей Планцины¹¹⁷; он едва уступал Тиверрию, а детей его считал гораздо ниже себя. Он не

сомневался, что его назначили управлять Сирией с тою целию, чтоб обуздывать расчеты Германика»¹¹⁸.

Внук кесаря Августа, Германик, приходился родным племянником Тиверия и был усыновлен последним по приказанию Августа. Германик был поставлен Августом во главе восьми легионов на Рейне. Он производил ценз в Галлии, когда 19 августа 14 г. по Р. Х. кесарь Август умер, и власть перешла к Тиверия. Германика тревожила скрытая ненависть дяди (Тиверия) и бабки (Ливии, вдовы Августа), ненависть тем более ожесточенная, что она была несправедлива. Дело в том, что римский народ питал большое уважение к памяти отца Германика; отсюда то же расположение и к сыну. И в самом деле, у юноши были гражданские наклонности¹¹⁹, замечательная ласковость в обращении, разнившаяся с речью и лицом Тиверия, выражавших надменность и скрытность. Но Германик, чем он был ближе к осуществлению высшей надежды, тем ревностнее стоял за Тиверия. Услышав о бунте легионов, он из Галлии поспешно отправился к ним на Рейн и потребовал от возмущившихся воинов повиновения. По усмирении бунта он повел легионы на германцев. Война с ними продолжалась до 17 года, и Германик просил Тиверия остаться еще на год в Германии, но был принужден возвратиться в Рим.

26 мая 17 года он праздновал триумф над Херусками, Хаттами, Ангривариями и другими племенами, живущими вплоть до Эльбы. Была везена добыча, пленные, изображение гор, рек, сражений: война, так как ее не позволено было окончить, была принимаема за оконченную. Особенно взоры зрителей поражала необыкновенная красота самого Германика и колесница, в которой ехало пятеро детей¹²⁰ его. Но зрителями овладевало тайное опасение, когда они припоминали, что не на добро послужило его отцу расположение народа, и что любимцы римлян живут недолго и несчастны.

Не достигши веры в искренность своей любви, Тиверий решился отделаться от молодого человека под почетным предлогом и создал причины или ухватился за случайно предоставившиеся. Он доложил сенату о смутах в Каппадокии, Коммагенах, Киликии и Армении, говоря, что волнения на Востоке может успокоить лишь мудрость Германика. Был составлен декрет сената, которым Германику вручались все провинции, отделяемые от Италии морем, и предоставлялась везде там власть выше той, которую имели бы лица, выбранные жребием или назначенные государем. Одновременно с этим Тиверий назначил Гнея Пизона правителем Сирии с тайною целью противодействовать Германику.

Между тем Гней Пизон, спеша приступить к тому, что было задумано, поплыл быстро через Кикладские острова сокращенным путем и нагнал на острове Родосе Германика, который знал, каким будет подвергаться преследованиям, но вел себя так дружелюбно, что когда поднявшаяся буря понесла Пизона на утесы и гибель недруга могла быть приписана случаю, он послал триремы, при помощи которых последний мог бы избавиться от опасностей. Это, однако, не смягчило Пизона, и он, едва пробыв на Родосе один день, покидает Германика и опережает его.

Когда же он приехал в Сирию и встретился с легионами, то деньгами, заискиванием, поддержкою самых низших из солдат, удалением старых центурионов и строгих трибунов, раздачей их мест своим клиентам или самым негодным людям, дозволением солдатам праздности в лагере, вольного поведения в городах, шатанья и распущенности в деревнях он до того развратил их, что толпа называла его отцом легионов. Да и Планцина не держала себя в границах того, что прилично для женщины, а присутствовала при упражнениях конницы, при маневрировании пехоты, поносила Агриппину¹²¹, Германика, причем некоторые даже из хороших солдат были склонны к пови-

новению в дурных делах, так как ходил тайный говор, что все это делается не без согласия императора. Германику это было известно, но он считал более настоящим делом отправиться прежде всего к армянам. Он поставил им царя, назначил легатов для управления Каппадокией и Коммагеной и, прибыв в Сирию, встретился с Пизоном в Кирре, в зимнем лагере десятого легиона. Тут между ними произошел явный разрыв. В 19 году Германик посетил Египет. Возвращаясь оттуда, он узнает, что все его распоряжения, сделанные относительно легионов или городов, уничтожены или применены наизусть. Это вызвало в нем суровые порицания Пизону; но не менее язвительны были уколы, которые направлялись Пизоном против Германика. После этого Пизон решил оставить Сирию; но он был задержан болезнью Германика. Узнав же, что последний выздоровел и что исполняют обеты за сохранение его, он посредством ликторов прогоняет от жертвенников приведенных для заклания животных, расстраивает все жертвенные приготовления и разгоняет антиохийскую¹²² чернь, одетую по-праздничному. Затем он удаляется в Селевкийю¹²³ и там выжидает исхода нездоровья, которое снова постигло Германика. Жестокая сила болезни увеличивалась в Германике от убеждения, что он отравлен Пизоном. Германик написал ему письмо, в котором отказывал ему в дружеских сношениях; многие прибавляют к этому, что был послан приказ оставить провинцию. И Пизон, не мешкая долго, сел на корабли, но плыл не быстро, чтоб ему не далеко было возвращаться, если смерть Германика откроет для него Сирию. Германик умер 10 октября 19 г., уверенный, что погиб от женского коварства. Он подозревал Планцину, а может быть, и Августу Ливию, ненависть которой к нему, а в особенности к его жене, была ему, конечно, хорошо известна. Он умер среди большой печали провинции и окрестных народов: так велика была его ласковость с союзниками, мягкость с

большой печали провинции и окрестных народов: так велика была его ласковость с союзниками, мягкость с врагами! И когда на него смотрели, и когда его слушали, он был одинаково достоин почитания и, сохраняя величие и важность человека самого высокого положения, он не имел в себе возбуждающего ненависть высокомерия. Находили сходство между ним и Александром Великим в наружности, летах, роде смерти, сравнивали их судьбу также по близости мест, в которых тот и другой потеряли жизнь. Если б Германник один имел власть и титул царя, он настолько скорее достиг бы военной славы Александра, насколько он превосходил его милосердием, воздержанием и другими хорошими качествами¹²⁴.

1-й трибун

С гладиаторами в цирке. — Фридендер¹²⁵ упоминает о случаях, когда женщины бились с гладиаторами, и ссылается на Ювенала:

Видишь, как рвется она наносить по науке удары,
И покрыта каким тяжелым шлемом, какая
На коленях у ней повязка...

(Сатира VI, 261—263, перевод Фета) и на Марциала (VII, 67). В переводе Фета эта эпиграмма опущена.

2-й

Кто больше выпьет. — Также у Фридендера, со ссылкой на Ювенала:

...Вот, наконец, она входит, багровая, жаждой
К целой бутылки сгорая, которую, равную урне,
Ей придвигают к ногам; из нее второй уж секстарий
Тянет она перед пищей, чтоб бешеный голод он

вызвал...

(Сатира VI, 424—427. Перевод Андрея Адольфа, М., 1888) и на Сенеку (Ерр. 95, 20)¹²⁶.

1-й

Сами предъявляют иск. — Опять у Фридендера со ссылкой на Ювенала:

...Манилия, коль не ответчица, то обвиняет.

Сами себе сочиняют и пишут по форме прошения,

А основанья и ссылки готовы подсказывать...

(Сатира VI, 243—245, перев. А. Адольфа)¹²⁷.

2-й

Стихи в количестве изрядном пишут. — Фридендер указывает на Лукиана (*De mercede cond.* 36)¹²⁸.

1-й

Гомер или Виргилий. — Эти подробности заимствованы у Фридендера, который приводит выдержки из Ювенала¹²⁹:

Та же несносней еще, которая сев за трапезу,

Хвалит Виргилия, гибель в вину не ставит

Элиссе,

Сопоставляет поэтов и сравнивает тут Марона,

А с другой стороны на весы полагает Гомера.

Уступают грамматики, риторы сбиты, смолкает

Сборище все, ни герольд говорить, ни законник

не смогут,

Ни сторонняя женщина: речи стремятся так

сильно,

Что подумаешь, в несколько тут звонков и

тарелок

Бьют...

(Сатира VI, 434—442, перев. Фета).

1-й

Свитки строгих стоиков. — Стоики — школа греческих философов, основанная Зеноном, который беседовал в Афинах в портике Стоа, отсюда и название

стойков. Последователи Зенона — Герилл, Хризипп, Антипатр, Эратосфен и др. Во времена римской империи стоицизм получил самое широкое распространение и обратился в популярно-просветительную философию. Задача стойков — найти прочное, разумное основание для нравственной жизни; знание есть средство к добродетельному поведению и достижению блага; посредством добродетели человек делается свободным и счастливым¹³⁰.

Шелковыя подушек. — Взято из Горация (Ероф. 8, 5)¹³¹.

2-й

Назиданьям «Республики» Платона. — Заимствовано у Лукиана (De mercede cond. 32 и 36)¹³².

1-й

В Остию, на виллу. — Остия — город в древнем Лациуме, при впадении Тибра в Средиземное море. Здесь многие богатые жители Рима имели виллы. Развалины Остии теперь в расстоянии 3-х километров от берега моря.

Оценилась. — Оттуда же¹³³.

Явление двенадцатое

Пилат

Подать нам запрещает кесарю платить. — «Пилат вышел к ним и сказал: „В чем вы обвиняете Человека Сего?“ Они сказали ему в ответ: „Если бы он не был злодей, мы не предали бы Его тебе“. Пилат сказал им: „Возьмите Его вы и по закону вашему судите Его“. Иудеи сказали ему: „Нам не позволено предавать

смерти никого“ (да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуметь, какою смертью Он умрет). (Иоан. XVIII, 29—32). И начали обвинять Его, говоря: „Мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает подать кесарю, называя себя Христом Царем“ (Лук. XXIII, 2)»¹³⁴.

Прокула

Божье Богу, а кесарево — кесарю. — «И посылают¹³⁵ к Нему учеников своих с иродианами (Матф. XXII, 16). Они же, пришедши, говорят Ему: „Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо, но истинно пути Божию учишь (Марк. XII, 14). Итак, скажи нам: как Тебе кажется? Позволительно ли давать подать кесарю, или нет? (Матф. XXII, 17). Давать ли нам или не давать? (Марк. XII, 14)“. Но Иисус, видя лукавство их, сказал: „Что искушаете Меня, лицемеры? Покажите мне монету, которою платится подать“. Они принесли Ему динарий. И говорит им: „Чье это изображение и надпись?“ Говорят ему: „кесаревы“. Тогда говорит им: „Итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу“ (Матф. XXII, 18—21)»¹³⁶.

«Для большего успеха в своей хитрости фарисеи пригласили с собою в участие иродиан. Секта сия, отличавшаяся склонностью к языческой образованности и нравам, во многом была не согласна с фарисеями, до излишества приверженными ко всему отечественному: в отношении к податям иродиане именно утверждали противное всеобщему мнению, почитая их законными. Но по сей-то самой противоположности они и были теперь полезны для фарисеев — в том случае, если бы Иисус Христос, как надеялись, не одобрил податей. — Как иродиане думали об отношении своего отечества к римлянам и вообще о независимости по-

литической, — можно догадываться из следующих слов Ирода Агриппы, сохранных для потомства Флавием (Иуд. война, II, 16, 4): „Чтобы не потерять свободы, — говорит он, — за это сражаются по праву; но кто, будучи раз побежден, силится потом свергнуть иго победителя, то походит более на упрямого раба, нежели на ревнителя свободы“»¹³⁷.

Центурион

Его спросил ты. — «В Евангелии нет упоминания о переводчике, и потому сам собою является вопрос: на каком языке происходил разбор дела Господа Иисуса Христа у Пилата? — Официальным языком римских судей и вообще должностных лиц сначала был исключительно язык латинский. Но уже к концу республики не только в римскую жизнь, но даже в римский сенат проникает язык греческий (Valer Max. Sib. II, с. 2, п. 2,3). На нем производятся вопросы и решения при Тиверии. На востоке мы видим то же самое. Тот же язык был придворным языком проконсулов в Азии и Сирии (Seneca, Ep. XII; De ira, II, 5). То же должно сказать, в частности, и о Палестине. Не один из ее городов был населен греками или сирийцами, говорившими по-гречески. С чужеземным греко-римским влиянием, особенно усилившимся при Ироде, иудеи при всем желании были не в силах бороться, и греческий язык завоевывал себе право гражданства рядом с языком еврейским. Итак, на греческом языке обратился Пилат к приведшим Иисуса Христа членам синедриона, на том же языке отвечали ему судьи Спасителя, а может быть, и народ; по-гречески давал свои немногие ответы Обвиняемый». — См. Pontius Pilatus v. G. A. Müller, s. 57 и 58)¹³⁸.

В Маккавейский дворец ~ познали Иисуса. — «Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: „Ты Царь Иудейский?“ Иисус

отвечал ему: „От себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе обо Мне?“ Пилат отвечал: „Разве я иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал?“ Иисус отвечал: „Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда“. Пилат сказал Ему: „Итак, Ты Царь?“ Иисус отвечал: „Ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего“. Пилат сказал Ему: „Что есть истина?“ И, сказав это, опять вышел к иудеям и сказал им: „Я никакой вины не нахожу в Нем“ (Иоан. XVIII, 33—38). И первосвященники обвиняли Его во многом (Марк. XV, 3). И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал. Тогда говорит Ему Пилат: „Не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя?“ И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился (Матф. XXVII, 12—14). Пилат сказал первосвященникам и народу: „Я не нахожу никакой вины в этом Человеке“. Но они настаивали, говоря, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места. Пилат, услышав о Галилее, спросил: „Разве Он Галилеянин?“ И узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме (Лук. XXIII, 4—7)»¹³⁹.

Явление тринадцатое

П и л а т

Четыре прокуратора. — Предшественниками Пилата в управлении Иудеей были прокураторы: с 6—9 г. по Р. Х. — Копоний, с 9—12 г. — Марк Амбибул, с 12—16 г. — Анний Руф и с 15—26 г. — Валерий Грат¹⁴⁰.

Иудеев в войско не вербуют. — Флавий упоминает о медных таблицах, найденных в Риме в Капитолии, на которых еще при Юлии кесаре было вырезано между прочим следующее: «Пусть ни один чиновник, ни один претор, ни один легат не набирает войск в пределах иудейских, равно как не допускает солдат вымогать от иудеев деньги ни для зимовок, ни под каким-либо другим предлогом; пусть иудеи будут свободны от всех решительно повинностей»¹⁴¹.

Из Кесарии ночью в Ерусалим. — Рассказ Пилата воспроизводит повествование Флавия: «Когда претор Иудеи, Пилат, повел свое войско из Кесарии в Иерусалим на зимнюю стоянку, он решил для надругания над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на древках знамен. Между тем закон наш возбраняет всякие изображения. Поэтому прежние преторы вступали в город без таких украшений на знаменах. Пилат был первым, который внес эти изображения в Иерусалим, и сделал это без ведома населения, вступив в город ночью. Когда узнали об этом, население толпами отправилось в Кесарию и в течение нескольких дней умоляло претора убрать изображения. Пилат не соглашался, говоря, что это будет оскорблением императора, а когда толпа не переставала досажать ему, он на шестой день приказал своим воинам тайно вооружиться, поместил их в засаде в здании ристалища, а сам взошел на возвышение, там же сооруженное. Но так как иудеи опять возобновили свои просьбы, то он дал знак, и солдаты окружили их. Тут он грозил немедленно перерубить всех, кто не перестанет шуметь и не удалится восвояси. Иудеи, однако, бросились на землю, обнажили свои шеи и сказали, что они предпочитают умереть, чем допустить такое наглое нарушение мудрого закона. Пилат изумился их стойкости в соблюдении законов, приказал немедленно убрать из Иерусалима императорские изображения и доставить их в Кесарию»¹⁴².

В Антониеву башню. — Флавий сообщает: «Гиркан, первый из целого ряда первосвященников, носивших это имя, построил себе вблизи храма башню... Овладев царством, Ирод Великий роскошно отстроил эту башню, названную им в честь своего друга Антония, Антониею»¹⁴³.

2-й трибун

Вольноотпущенных евреев тысяч до четырех. — В Летописи Тацита говорится: «Состоялось сенатское постановление о том, чтобы зараженных этим суевением¹⁴⁴ четыре тысячи вольноотпущенников, которые имеют для того годный возраст, отвезти на остров Сардинию для усмирения тамошних разбойников, и что невелика будет потеря, если они там погибнут от тяжелого климата; остальные же должны уйти из Италии, если до известного дня не оставят своих нечестивых обрядов»¹⁴⁵.

Пилат

Сеяна, не терпевшего евреев. — О том, что Сеяна был заклятым врагом евреев, мы знаем из письма Филона к Каю¹⁴⁶.

Щиты из золота литого. — В том же письме Филона рассказано, что Пилат, потерпев неудачу с помещением в иерусалимской Антониевой башне императорских изображений на знаменах когорт, решил развесить во дворце Ирода Великого густо позолоченные щиты, на которых не было изображений, но имелось имя Тиверия¹⁴⁷.

2-й трибун

Пластыри чернеют на лице. — Тацит IV, 57: «Он (Тиверий) был большого роста, но очень худощав и

сутуловат, голова у него была лысая, лицо было в прыщах, часто покрытое пластырями». — Светоний¹⁴⁸: «Он был полного и крепкого телосложения и ростом выше среднего. Плечи и грудь его были широкие, остальные части тела, кончая ногами, отличались замечательной пропорциональностью. Он ловчее и сильнее действовал левою рукою, причем ее суставы были так крепки, что он протыкал пальцем свежее цельное яблоко, а щелчком мог поранить голову ребенка и даже взрослого. Он был блондин. Волосы на затылке были у него длинные, так что даже закрывали шею... Его лицо отличалось красотой, — хотя на нем неожиданно появлялись прыщи в большом количестве, — глаза же отличались необыкновенною величиной».

1-й трибун

Уж много лет его не видно в Риме. — «Чтобы не уменьшить своего влияния... а с другой стороны — не давать повода для обвинений, он (Сеян) повернул дело к тому, чтоб побудить Тиверия жить вдали от Рима в приятной местности. И в самом деле, он предусматривал от этого многие выгоды: в его руках были бы доступны к государю, и он был бы в значительной доле хозяином писем, так как они шли через солдат; далее, кесарь, находясь уже на склоне лет своих и изнежившись от пребывания в уединении, легче предоставит ему бразды правления... Поэтому он начинает мало-помалу говорить против городских хлопот, стечений народа, множества посетителей, восхваляя покой и уединение, среди которых ничто не надоедает и не причиняет неприятностей и можно как нельзя лучше обдумывать важные дела»¹⁴⁹.

2-й

На острове, отшельник венценосный. — По свидетельству Светония¹⁵⁰, этот остров (ныне Капри, близ

Неаполя) «особенно нравился ему (Тиверия) потому, что высадиться на него можно было только в одном, притом небольшом месте, и что со всех сторон его окружали страшно высокие и чрезвычайно крутые скалы, а море здесь отличалось глубиной».

Латинское название упомянутого острова Саргеае правильное было бы передавать по-русски Капреи (во множественном числе), подобно тому, как Ротреји вернее называть по-русски Помпеи. Но обычно в русской, даже ученой, литературе говорят Капрея и Помпея.

Тиверий выстроил на Капрее несколько вилл, но жил преимущественно в Юпитеровой вилле. «От этой виллы, самой большой и наиболее любимой Тиверием, сохранились развалины и, между прочим, огромный фундамент со сводчатыми подвалами. Юпитерова вилла стояла на самом высоком месте острова, около 300 метров над уровнем моря, на обрыве, и господствовала над Капреями. После смерти Тиверия дворец запустел. О нем упоминают разве как о месте ссылки супруги императора Коммода, Криспины, и его сестры Луциллы. Дворец в разное время грабили сарадины, норманны и другие завоеватели, а землетрясение разрушило его стены. Но еще видны остатки гигантской лестницы из 784 ступеней. Теперь во дворце Тиверия живут крестьяне, устроившие там и свои винные погреба с конюшнями. Везде растут в изобилии апельсины, фиги и виноград»¹⁵¹.

Префект

Как страшно он погиб. — «Сеян... пользовавшийся, благодаря войскам, огромною властью, устроил опасный заговор, к которому примкнули многие сенаторы и вольноотпущенники. Так как заговорщики сумели подкупить войско, то дело приняло бы серьезный обо-

рот, и Сеян привел бы свой план в исполнение, если бы Антония (вдова брата Тиверия) не выступила смелою противницей его гнусных начинаний. Узнав о задуманном покушении на жизнь Тиверия, она написала последнему о том подробное письмо, которое вручила одному из преданнейших слуг своих, Палласу, для доставки Тиверию на остров Капрею. Извещенный об этом император велел казнить Сеяна и его заговорщиков»¹⁵². Приводимые в речах префекта и обоих трибунов подробности о гибели Сеяна заимствованы из книги *Tiberius. Leben, Regierung, Character, von Adolf Stahr. Berlin, 1873*, где есть ссылки на Диона Кассия (58, 10 и 11) и Сенеку (*Seneca de tranquill. animi XI, 9, p. 363 Ruhk*). Сеян погиб 18 октября 31 года. Я сознательно допускаю анахронизм в сопоставлении его падения с осуждением на крестную смерть Христа Спасителя.

Явление четырнадцатое

Александр

Элий Ламия, легат сирийский кесаря, тебе с Капреи прислал гонца. — Тацит свидетельствует в Летописи (I, 80), что «было у Тиверия в обычае продолжать власть и удерживать многих до конца жизни при тех же армиях и тех же гражданских управлениях»¹⁵³.

Причины этого передаются различно: одни говорят, что он оставался до конца верен однажды сделанным назначениям из нелюбви к новым заботам; другие — будто это по зависти, чтоб не дать пользоваться этими должностями большему количеству чиновников. Есть и такие, которые приписывают это как хитрости его ума, так и нерешительности его суждения; ибо он, с одной стороны, не искал выдающихся качеств, с дру-

гой — ненавидел недостатки: от лучших людей ждал опасности для себя, от негодных опасался бесчестия для государства. В этом колебании он наконец дошел до того, что иногда поручал управление провинцией таким людям, которым он был намерен не позволять удалиться из Рима».

Примером таких фиктивных назначений Тацит в 27-й главе VI книги Летописи приводит Элия Ламию, «который, освободившись наконец от призрачного управления Сирией, был сделан префектом Рима. Он был приличного рода¹⁵⁴, имел бодрую старость; а то, что его не пустили в провинцию, только прибавило ему чести».

Как уже сказано выше, Сеян погиб в 31 г. по Р. Х., а в следующем, 32-м году Элий Ламия был назначен префектом Рима, а легатом Сирии прибыл в Антиохию Л. Помпоний Флакк. Итак, можно с достаточной вероятностью допустить, что, вскоре после казни Сеяна, Ламия, в качестве фиктивного легата Сирии, находился на Капрее при кесаре и по его поручению писал Пилату.

Явление пятнадцатое

Пилат

Им (иудеям) возвращено благоволение нашего владыки. — По свидетельству Филона, Тиверий преследовал иудеев только под влиянием Сеяна, относившегося враждебно к этому народу. После падения временщика отношение Тиверия к иудеям изменилось, и вследствие их жалобы, к которой примкнули Ирод Антипа и его братья, кесарь приказал золотые щиты, по распоряжению Пилата развешанные во дворце Ирода Великого в Иерусалиме, вернуть в Кесарию и поместить в храме Августа.

Явление шестнадцатое

Иоанна

Четверовластник мечтал увидеть Иисуса. — «Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем...» (Лук. XXIII, 8).

Прокула

Много во сне сегодня ночью пострадала я за Него. — «Между тем, как сидел он¹⁵⁵ на судейском месте, жена его послала ему сказать: „Не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него“» (Матф. XXVII, 19).

Явление семнадцатое

Иоанна

Он возмущенье поднимал. — «Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство» (Лук. XXIII, 19).

Смертной в Нем он не нашел вины. — «И надеялся¹⁵⁶ увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал Ему многие вопросы; но Он ничего не отвечал ему. Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, уничижив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату» (Лук. XXIII, 8—11).

Привожу выдержки из упомянутой выше книги Н. Маккавейского: «Умный, честолюбивый, но малодетельный, жестокий, хитрый и сладострастный, тетрарх Галилеи и Переи Ирод Антипа был достойный

сын своего отца, Ирода Великого¹⁵⁷. Эпитет „лисицы“, данный ему устами Самого Господа Иисуса Христа¹⁵⁸, достаточно говорит о хитрости тетрарха; в то же время такие факты, как незаконное сожитительство с Иродиадой, женою сводного брата Филиппа, и убийство Иоанна Крестителя, выразительно указывают на его сладострастие и жестокость. Последнее преступление, впрочем, не прошло бесследно в робкой и суеверной душе Ирода: ему постоянно грезился мститель за невинно пролитую кровь.

Трепет ужаса проник в сердце тетрарха, когда вскоре после убийства Иоанна он услышал о появлении нового пророка в Галилее, совершавшего чудеса у самых ворот его столицы... Можно представить себе суеверное любопытство Ирода при известии, что тот чудный Пророк, Которого он готов бы считать тенью обезглавленного Иоанна, связанный и поруганный, прислан прокуратором к нему на суд...

Некоторые, переводя греческое выражение словом „блестящий“, утверждают, что одежда, в которой возвратился Господь Иисус Христос от Ирода, была пурпурного цвета. Но употребление этого слова в других местах новозаветных книг¹⁵⁹ показывает, что оно служило для обозначения высшей степени белизны и может быть переведено: „блестящий белизною“. Великолепная одежда такого цвета у иудеев облакала царей и вельмож, наравне с одеждою пурпурною. Царь Соломон, кроме пурпурного, имел еще белое пышное одеяние¹⁶⁰. Архелай явился в храм к собравшемуся народу в великолепном белом платье¹⁶¹. Царская одежда Агриппы I была серебристо-белого цвета¹⁶². В Риме такую великолепную одежду носили также только очень знатные лица — высшие государственные чиновники на празднествах, полководцы и т.п.¹⁶³. В белых же одеждах являлись там и так называемые *candidati*,

лица, домогавшиеся у народа высших должностей¹⁶⁴. Таким образом, в данном случае это роскошное платье можно считать иронией над настоящим положением Господа Иисуса Христа. Его хотели заставить играть роль какого-то знатного сановника, пожалуй — даже царя, во главе войска в белых одеждах выступающего против врагов своего царства, а может быть — кандидата на звание Мессии¹⁶⁵. Ирод верно рассчитал, что эта злая и тонкая насмешка не останется непонятною для римлянина Пилата»¹⁶⁶.

«Ирод велел надеть на Иисуса Христа длинную, белую, лоснящуюся одежду» (Архиеп. Иннокентий, 288)¹⁶⁷.

Явление восемнадцатое

Префект

Наказав, верну Ему свободу. — «Пилат же, созвав первосвященников и начальников, и народ, сказал им: „Вы привели ко мне Человека Сего, как развращающего народ; и вот, я при вас исследовал и не нашел Человека Сего виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его; и Ирод также: ибо я послал Его к нему, и ничего не найдено в Нем достойного смерти. Итак, наказав Его, отпущу“» (Лук. XXIII, 13—16).

У иудеев давний есть обычай. — «Итак, когда собрались они, сказал им Пилат (Матф. XXVII, 17): „Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху; хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?“ (Иоан. XXXIX, 18). Откуда сие обыкновение и когда оно началось? Трудно определить. Производили его между прочим от римлян, кои в известные праздники снимали оковы с своих преступников (Liv. 5, 13). Но

слова „у вас есть обычай“ указывают на еврейское происхождение сего обычая; не говоря уже о том, что переход обыкновений от римлян к иудеям, не терпевшим иностранного, сам по себе невероятен. Вероятно, что иудеи сами ввели у себя обыкновение освобождать одного из преступников на Пасху, в память своего освобождения из рабства египетского; и начавшееся под сирийским правлением обыкновение сие утверждено потом Августом (Rosenmüller. Grotius ad Matth. XXVII, 15. Wolfius. Kircherus ad Luc. XXIII, 15)»¹⁶⁸.

Толпа отхлынула. — Указания на это нет в четвероевангелии. Но нельзя не согласиться с архиепископом Иннокентием: «Первосвященники и народ несколько удалились для совещания. Пилат оставался на судейском месте, посреди лифостротона, для производства суда над прочими узниками»¹⁶⁹.

Какому-то разбойнику Варавве. — «Был тогда у них известный узник, называемый Варавва; итак, когда собрались они, сказал им Пилат: „Кого хотите, чтоб я отпустил вам: Варавву или Иисуса, называемого Христом?“ Ибо знал, что предали Его из зависти... Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить. Тогда правитель спросил их: „Кого из двух хотите, чтоб я отпустил вам?“ Они сказали: „Варавву“» (Матф. XXVII, 16—18, 20, 21). «В трех древних кодексах, переводе армянском и сирийско-иерусалимском Варавва называется Иисусом Вараввою; и уже Ориген (Tract. 35 in Matth.) находил это наименование во многих списках. Такое сходство имен, догадывались некоторые, и было причиною того, что Пилат, назвав Иисуса по имени, для отличия от Вараввы, прибавил: „называемого Христом“. Недостаток же слова: Иисус — при имени Вараввы в позднейших кодексах производили из суеты»

верия переписчиков, кои, почитая неприличным, чтобы разбойник носил одно имя с Господом, выпускали оное из текста»¹⁷⁰.

Явление девятнадцатое

Александр

Подвергнуть бичеванью. — «Пилат говорит им: „Что же я сделаю Иисусу, называемому Христом?“ Говорят ему все: „Да будет распят!“ (Матф. XXVII, 22). Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса, но они кричали: „Распни, распни Его!“ (Лук. XXIII, 20, 21). Правитель сказал: „Какое же зло сделал Он?“ Но они еще сильнее кричали: „Да будет распят!“ (Матф. XXVII, 23). Он в третий раз сказал им: „Какое же зло сделал Он? Я ничего, достойного смерти, не нашел в Нем; итак, наказав Его, отпущу“. Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы Он был распят; и превозмог крик их и первосвященников (Лук. XXIII, 22, 23). Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его» (Иоан. XIX, 1).

В когорте Севастийской. — Римские войска времен империи строго разделялись на две категории: легионы и вспомогательные войска. Главнейшею частью войск были легионы, состоявшие только из римских граждан (провинциалы, когда вербовались в легионы, получали право римского гражданства). Каждый легион состоял из 10 когорт или 60 центурий и насчитывал от 5000 до 6000 человек. Вспомогательные войска состояли из провинциалов, которые, по крайней мере в начальный период империи, не пользовались правом римского гражданства. Их вооружение было легче и менее однообразно, чем в легионах; здесь часто сохранялись национальные особенности. Их пехота формировалась

в когорты, силою от 500 до 1000 человек, а конница в алы (alae), тоже различной силы состава, и эти когорты и алы носили названия тех народностей, из которых вербовались. До нас дошли названия некоторых когорт, стоявших в Сирии и Палестине, например, когорты: Аскалонитская, Дамасская, Итурейская, Севастийская и др.

Как общее правило, в провинциях, управлявшихся прокураторами, последним были подчинены только вспомогательные войска. Это правило подтверждается и известными нам обстоятельствами в Иудее. Только в Сирии стояли легионы, при Августе три, а со времен Тиберия — четыре. А в Иудее, до времени Веспасиана, были только вспомогательные войска, и к тому же набранные из местных жителей (кроме иудеев, свободных от воинской повинности). Честь и тягота службы в войсках доставались не иудейскому населению. У нас нет прямых известий о расположенных в Иудее войсках за промежуток времени с 6-го до 41 года по Р. Х. Но вполне вероятно, что Севастийцы, т. е. воины, набранные в окрестности Самарии или Севасты (как этот город при эллинизации его был назван еще Александром Македонским), уже в указанное время составляли существенную часть гарнизона. В сражениях по смерти Ирода Великого одна часть его войска перешла на сторону римлян. Флавий в «Иудейской войне» (II, 3, 4) говорит: «Большинство царских солдат¹⁷¹ перешло также на сторону восставших: но к римлянам примкнула храбрейшая часть войска, в числе 3000 человек, так называемые севастьяны, и во главе их Руф и Грат: один предводитель всадников, другой — царской пехоты». Преемник Ирода, Архелай, несомненно, удержал эти отличившиеся войска, и весьма вероятно, что после его низвержения в 6 году по Р. Х. они вошли в состав римских войск.

Нам известно, что в усобице между иудеями и языческим населением Кесарии последние рассчитывали на кесарийцев и севастийцев, составлявших большую часть римских когорт и ал. В «Иудейских древностях» (XIX, 9, 2) Флавий упоминает находившуюся в Кесарии алу — «эскадрон, состоявший из граждан Кесарии и самарян».

В Иерусалиме была только одна когорта¹⁷². Я полагаю, что можно с достаточной вероятностью допустить временное перемещение Севастийской когорты или хотя бы одной ее части из Кесарии в Иерусалим на праздник Пасхи, когда ввиду большого стечения народа в Иудейскую столицу туда переезжал и сам прокуратор.

Его к столбу нагого привязала. — «Евангелисты не упоминают, чтобы пречистое тело Господа во время бичевания было привязано к столбу; но постоянное и всеобщее предание утверждает, что было»¹⁷³.

Префект

Ужасен этот бич! — «Бичевание практиковалось как жестокая, страшная прелюдия к смертной казни, особенно в тех случаях, когда последняя совершалась через распятие¹⁷⁴. Наконец, оно же было и особым видом наказания в собственном смысле¹⁷⁵. Орудиями бичевания были иногда тонкие вязовые прутья, удары которых с сильным шумом со всех сторон сыпались на несчастного, но чаще плети из ремней, к концам которых прикреплялись острые костяные иглы или куски свинцу¹⁷⁶. Перед бичеванием с осужденного снимались все одежды¹⁷⁷, и потом совершенно нагого привязывали к низкому столбу так, что тело его было в согнутом положении. Очень часто подвергались ударам не спина только, а и грудь, лицо, даже глаза.

«Присутствовавшие при таком процессе бичевания, — говорит Евсевий, — приходили в ужас, видя, как разрывали тело до самых нервов, так что члены его лежали совершенно разбитые и даже видны были внутренности»¹⁷⁸. Неудивительно, что результатом такой жестокости нередко бывала смерть...

Не имея у себя ликторов, обыкновенно исполнявших роль палачей при проконсулах и преторах, Пилат бичевание Господа Иисуса Христа поручил своим солдатам; поэтому не может подлежать сомнению, что орудиями в данном случае послужили не прутья, обычная принадлежность ликторов, а бичи из ремней. Местом истязания, как можно заключить на основании дальнейшего повествования евангельского, служила не площадь, вся занятая шумною, волнующею толпою, и, конечно, не само здание суда, а, вероятно, особенное отделение при претории, быть может, двор, специально для этого предназначенный, и в частности, — столб бичевания, обычная и необходимая принадлежность всякой римской претории. Что бичевание Господа Иисуса Христа имело место именно у такого столба, важным доказательством тому служит предание, долго указывавшее самый этот столб бичевания. Так, упоминание о нем мы находим у Бордосского путника, у блаженного Иеронима (в описании паломничества св. Павлы), у Феодосия, у Антонина Мартира, у Аркульфа и мн. др.¹⁷⁹ Сколько времени продолжалось это ужаснейшее истязание, евангелисты не говорят нам, но нельзя сомневаться в его жестокости. Не от грубых солдат, привыкших к подобного рода зрелищам, можно было ожидать жалости и сострадания.

О бичевании Господа Иисуса Христа только одним словом упоминают три евангелиста. Евангелист Лука, как бы желая набросить покрывало на всю эту ужасную сцену, которую нельзя воспроизводить мыслью без благоговейнейшего трепета в сердце, ничего не говорит

о ней в своем повествовании: „И отпустил им (Пилат) посаженного за возмущение и убийство в темницу, которого они просили; а Иисуса предал в их волю“ (XXIII, 25), — как бы с грустным волнением замечает он. Тем не менее, у некоторых явилось даже желание сосчитать количество ударов, понесенных Господом Иисусом Христом или причиненных Ему ран. Так, в одном латинском стихотворении Бартол. Лаврентия встречается число 5475. То же говорит Людольф Саксонский (*De Vita Christi*, II, 58). Некоторые тремя последними цифрами, 475, определяли число ударов; другие называли число их 5375 или 5460 и т. п.» См. R. Hofmann. *Das Leben Jesu nach den Apokryphen*. Leipzig, 1851. S. 364, 365»¹⁸⁰.

Александр

Сплел из нее венок. — «На соплетение сего венца употреблены были тернистые ветви; но какого именно дерева или травы (ибо тернистых пород много) — сего, по одному значению подлинных слов Евангелия, определить невозможно... Отцы церкви, начиная с Климента Александрийского¹⁸¹, разумеют терн в собственном смысле сего слова. В самом деле, хотя венец придуман не столько для увеличения мук, сколько в насмешку, однако бесчеловечная прихотливость воинов, без сомнения, не усомнилась употребить самое колючее растение, какое только могло найтись на дворе прокураторском. А посему название венца Иисуса Христа „терновым“ соответствует и значению слова, употребленного в подлиннике, и постоянному всеобщему преданию»¹⁸².

«Неизвестно, из какого, собственно, растения сделан был этот колючий венец. Нубк (*zizyphus lotus*) показался мне, как и другим путешественникам по Палестине, наиболее подходящим как для издеватель-

ства, так и для причинения боли, так как листья у него широки, и шипы особенно остры и крепки; но хотя нубк очень распространен на берегах Галилейского озера, я не видел его вблизи Иерусалима. Но он мог быть в саду дворца Иродова, и солдаты, конечно, не много беспокоились о выборе и воспользовались первым растением, какое только попало им под руку»¹⁸³.

«Трудно решить, какое именно растение выбрали они (воины) для этой цели...

Для римских легионеров было интереснее подобрать растение, сколько-нибудь похожее на лавры, которыми венчали царей. Вот и все, что можно сказать о качествах этого растения... Древние толкователи останавливали свое внимание на *juncus marinus*, кустарниковом растении, ветви которого снабжены длинными и острыми колючками. Гретзер¹⁸⁴ указывал на *gampus*, вьющееся растение, подобное плющу, темно-зеленого цвета, с небольшими шипами. Но хрупкость этого растения делает его совершенно непригодным для венка, на что указывал и Зибер¹⁸⁵. Этот путешественник в Святую землю первой четверти нашего (XIX) столетия остановился на *luscium spinosum*, соответствующем наименованию *schauk*, употребленному в разбираемом нами месте в арабских переводах Евангелия. Твердость и вместе с тем гибкость *luscium'a*, прутья которого, притом же покрытые острыми шипами, действительно дают нам некоторое право согласиться с Зибером»¹⁸⁶.

«Венец, надетый на голову Господа, был сделан из тростника с вплетенными в него иглами *zizyphus'a*. Самый венец хранится в Соборе Парижской Богоматери (*Notre-Dame de Paris*). Пиза владеет одной ветвью *zizyphus'a*, хранящейся в миловидной церкви *Spina*. Тростниковый венец — это знаменитая релик-

вия, благодаря своей относительной целости, быть может, самая замечательная из всех, которыми обладает христианский мир, бесспорно вывезен святым королем Людовиком IX. Он представляет собою кольцо, сплетенное из небольших пучков тростника. Внутренний диаметр кольца 210 миллим., толщина в разрезе 15 миллим. Пучки связаны из стеблей по пятнадцати или шестнадцати вместе. Некоторые из этих стеблей согнуты и в изломе не составляют сомнения в том, что само растение полое. Поверхность их, рассматриваемая в лупу, представляется не ровной, а покрытой мелкими бороздками. Парижский ботанический сад (Jardin des Plantes) разводит вывезенный из теплых стран тростник, называемый *juncus balticus*: он имеет большое сходство с парижской реликвией. Что касается игл, то, без сомнения, это *hamnus*, родовое название трех растений, вполне приближающихся к ветви, хранимой в Пизе. Этот *hamnus* и есть *zizyphus spina Christi* или джигда узколистая. В венце Спасителя ветки его, изломанные и согнутые по направлению к середине, чтобы придать вид головной повязки, были прикреплены концами частью ко внутренней, частью к наружной стороне венца. Тростниковое кольцо должно было быть больше окружности головы, чтобы она могла войти в отверстие кольца, иначе вплетенные иглы не позволили бы его надеть. И действительно, тростниковый венец в Notre-Dame настолько широк, что, возложенный на голову, непременно упал бы на плечи. Не нужно было даже других связей для прикрепления веток с иглами к тростниковому кольцу: стоило только пропустить их сквозь прутья тростника сверху вниз и снизу вверх, и они держались сами собою достаточно прочно. Вероятно, эту-то работу по укреплению веток с иглами евангелисты и называют плетением. Воины, без сомнения, избегали прикасаться к этим ужасным

иглам, более острым, чем львиные когти, и причиняющим обильное кровотечение. Ветвь *zizyphus*'а, хранящаяся в Пизе, достигает 80 миллим. в длину. Самый большой из ее шипов более 20 миллим. длиной»¹⁸⁷.

Дырявую багряную хламиду. — «На обнаженное, покрытое ранами и кровию, тело Господа накиннули червленую хламиду — род короткой почетной епанчи, закрывавшей только половину тела, которая застегивалась на правом плече и была в употреблении между важными военными людьми, кои посему у Плавта (*Rud. 11, 2, 9*) и называются *chlamidati*, одетые в хламиду»¹⁸⁸.

«Это кусок шерстяной материи, окрашенной коккусом (*coccus*)...

Такая „хламида“ употреблялась преимущественно людьми военными... Но ее носили не одни простые солдаты и их полководцы. Знатные вельможи и сами императоры облекались иногда в этот плащ, носивший в таком случае название *paludamentum*. Отличаясь богатою материею, *paludamentum* императоров был, кроме того, пурпурного цвета и длиннее хламиды (*sagum*) простых солдат. Нума Помпилий был первый из царей, надевавших такой плащ¹⁸⁹.

Заставляя измученного Страдальца на потеху себе играть роль претендента на царское звание, грубые солдаты облекли Его, конечно, не в *paludamentum* полководцев и царей и не в „какой-нибудь заброшенный военный плащ с пурпурными нашивками из гардероба претории“, как думает Фаррар¹⁹⁰. Накинутая на истерзанное тело Господа багряная хламида была обыкновенный солдатский плащ из довольно грубой материи, окрашенной в красный цвет коккусом. Правда, выражения евангелистов Иоанна и Марка, по-видимому, говорят за то, что эта одежда была пурпурного цвета. Но уже древние экзегеты видели здесь простую

неточность словоупотребления для разграничения цветов. Это тем более вероятно, что в данном случае, вследствие сходства пурпура с коккусом, смешать цвета было очень нетрудно»¹⁹¹.

Вместо скипетра дал в руку трость. — «Палка тростника палестинского, который похож на наш тростник, только толще и тверже»¹⁹².

«Тростник палестинский представлял несколько видов. Обыкновенный *agundo*, *саппа* не соответствовал цели жестокого издевательства над Господом: он был очень хрупок для того, чтобы можно было наносить им удары. Более вероятно, что это так называемый *agundo donax*, морской тростник, крепость которого позволяла делать из него не только палки, но и стрелы»¹⁹³.

Плевали в Его окровавленное лицо. — «Воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию, и собрали весь полк (Марк. XV, 16) и, раздев Его, надели на Него багряницу и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову; и дали Ему в правую руку трость и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: „Радуйся, Царь Иудейский!“ И плевали на Него, и, взявши трость, били Его по голове (Матф. XXVII, 28—30)»¹⁹⁴.

Явление двадцатое

Центурион

Се Человек! — «Пилат опять вышел и сказал им: „Вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины“. Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: „Се Человек!“» (Иоан. XIX, 4 и 5).

Кто предал Меня тебе. — «Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: „Распни, распни Его!“ Пилат говорит им: „Возьмите вы Его и распните, ибо я не нахожу в Нем вины“. Иудеи отвечали ему: „Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим“. Пилат, услышав это слово, больше убоился и опять вышел в преторию и сказал Иисусу: „Откуда Ты?“ Но Иисус не дал ему ответа. Пилат говорит Ему: „Мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?“» Иисус отвечал: „Ты не имел бы надо Мной никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе“ (Иоан. XIX, 6—11)»¹⁹⁵.

Явление двадцать первое

Голос саддукея

Ты кесарю не друг. — «Пилат был *amicus Caesaris*, носил тот почетный титул „друга кесаря“, который, соединяясь с высшими должностями — легата, префекта, проконсула и др., указывал на близкие отношения к императору. Перестать быть „другом кесаря“, в чем готова обвинить его толпа, значило сделаться изменником императору, а вместе с тем и целому государству»¹⁹⁶.

Голос 1-го фарисея

Держающий царем себя назвать, противник кесарю. — «С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: „Если отпустишь Его, ты не друг кесарю: всякий, делающий себя царем, противник кесарю“» (Иоан. XIX, 12).

Явление двадцать второе

Г о л о с а   н а р о д а :   2 - й

Распни Его! — «Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте, называемом лифостротон¹⁹⁷, а по-еврейски гаввафа. Тогда была пятница перед Пасхою и час шестой. И сказал Пилат иудеям: „Се, Царь ваш!“ Но они закричали: Возьми, возьми, распни Его!» (Иоан, XIX, 13—15).

Явление двадцать третье

Г о л о с   П и л а т а

Я умываю руки. — «Пилат говорит им: „Царя ли вашего распну?“ Первосвященники отвечали: „Нет у нас царя, кроме кесаря!“ (Иоан. XIX, 15). Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом и сказал: „Неповинен я в крови Праведника Сего; смотрите вы!“ (Матф. XXVII, 24)»¹⁹⁸.

«Омовение рук водою, как символ чистоты и невинности, было в большом употреблении у иудеев. Еще в законе Моисеевом встречается предписание об умовении рук, как доказательстве невинности в убийстве:

„Если в земле, которую Господь Бог твой дает тебе во владение, найден будет убитый, лежащий на поле, и неизвестно, кто убил его, то пусть выйдут старейшины твои и судьи твои и измерят расстояние до городов, которые вокруг убитого; и старейшины города того, который будет ближайший к убитому, пусть возьмут телицу, на которой не работали, которая не носила ярма, и пусть старейшины того города отведут сию телицу в дикую долину, которая не разработана и не засеяна, и заколют там телицу в долине; и придут

священники, сыны Левины (ибо их избрал Господь Бог твой служить Ему и благословлять именем Господа, и по слову их должно решить всякое спорное дело и всякий причиненный вред), и все старейшины города того, ближайшего к убитому, пусть омоют руки свои над головою телицы, зарезанной в долине, и объявят и скажут: руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели; очисти народ твой, Израиля, который Ты, Господи, освободил (из земли Египетской), и не вмени народу Твоему, Израилю, невинной крови. И они очистятся от крови“ (Второзаконие XXI, 1—8). „Буду омыwać в невинности руки мои и обходить жертвенник Твой, Господи“ (Псалтирь XXV, 6). Тем не менее нельзя согласиться с предположением Фридлиба (*Archeologie der Leidensgeschichte*, S. 124), что и Пилат в данном случае имел в виду именно это предписание иудейского закона. Те неприязнь и презрение, с которыми относился пятый прокуратор Иудеи к управляемому им народу, служат достаточным ручательством, что он не имел ни малейшего желания знакомиться с какими бы то ни было религиозными обрядами иудеев и еще меньше исполнять их, хотя бы и в таком исключительном случае, как настоящий. Да и нет никакой необходимости искать здесь непременно иудейский обряд. Такая символизация воды и омовения ею не была чужда и другим народам того времени. Гомер, Еврипид, Овидий, Сенека свидетельствуют о таком символическом омовении рук. Поэтому всего естественнее думать, что Пилат следовал здесь своему римскому обычаю»¹⁹⁹.

Голоса народа

Пусть кровь Его на нас и детей наших! — «И отвечая, весь народ сказал: „Кровь Его на нас и на детей наших!“» (Матф. XXVII, 25).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Явление первое

Иосиф

Израилев учитель, иудейский начальник. — Так назван Никодим в Евангелии от Иоанна: «Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников иудейских» (III, 1). В беседе с ним Господь говорит ему: «Ты — учитель израилев, и этого ли не знаешь?» (III, 10).

К чему Мне множество всех ваших кровавых жертв? — «К чему Мне множество жертв ваших?» говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов, и агнцев, и козлов не хочу» (Исайи I, 11).

Мы повсюду поклоняться будем в духе и истине. — «...Наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу» (Иоан. IV, 21). «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Иоан. IV, 23).

Явление третье

Симон

Безоблачная ночь была свежа. — Об этой ночи с четверга на пятницу в Евангелии Иоанна говорится: «Между тем рабы и служители, разведши огонь, потому что было холодно, стояли и грелись» (XVIII, 18).

Явление четвертое

Иоанна

На крест Он осужден. — «Тогда, Пилат, желая сделать угодное народу (Марк. XV, 15), решил: быть по прошению их; и отпустил им посаженного за возмущение и убийство в темницу, которого они просили, а Иисуса (Лук. XXIII, 24 и 25) предал на распятие (Марк. XV, 15)»²⁰⁰.

Явление шестое

Голос глашатая

Иисус Назарянин, Царь Иудейский. — «...Шедший впереди Его герольд объявлял о преступлениях, в которых Он обвинялся... Римские воины несли насмешливый титут Его»²⁰¹. Доска с надписью, которую потом прибавляли ко кресту над головою распятого, иногда при ведении на казнь навешивалась на шею осужденному. — Я допускаю, что глашатай произносил слова, написанные на доске. Евангелисты различно передают содержание этой надписи; у Матфея: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (XXVII, 37); у Марка: «Царь Иудейский» (XV, 26); у Луки: «Сей есть Царь Иудейский» (XXIII, 38); у Иоанна: «Иисус Назарей, Царь Иудейский» (XIX, 19). Надпись, по свидетельству Евангелиста Луки (XXIII, 38), была написана словами греческими, римскими и еврейскими, чем, быть может, и объясняется разногласие Евангелистов, из которых одни имеют в виду надпись на одном из трех названных языков, тогда как другие Евангелисты приводят ту же надпись на других двух языках.

Никодим

И расступилось море перед вами. — «Моисей сказал народу: „Не бойтесь, стойте — и увидите спасение Господне, которое Он соделает вам ныне, ибо египтян, которых видите вы ныне, более не увидите веки; Господь будет поборать за вас, а вы будьте спокойны“. И сказал Господь Моисею: „Что ты вопиешь ко мне? Скажи сынам израилевым, чтоб они шли; а ты подними жезл твой и прости руку твою на море, и раздели его, и пройдут сыны израилены среди моря по суше; Я же ожесточу сердце (фараона и всех) египтян, и пойдут вслед за ними; и покажу славу Мою на фараоне и на всем войске его, на колесницах его и на всадниках его; и узнают (все) египтяне, что Я Господь, когда покажу славу Мою на фараоне, на колесницах его и на всадниках его“. И двинулся Ангел Божий, шедший пред станом сынов израиленых, и пошел позади их; двинулся и столп облачный от лица их и стал позади их; и вошел в средину между станом египетским и между станом сынов израиленых и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не сблизились одни с другими во всю ночь. И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею; и расступились воды. И пошли сыны израилены среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону. Погнались египтяне, и вошли за ними в средину моря все кони фараона, колесницы его и всадники его. И в утреннюю стражу воззрел Господь на стан египтян из столпа огненного и облачного и привел в замешательство стан египтян; и отнял колеса у колесниц их, так что они влекли их с трудом. И сказали египтяне: „Побежим от израильтян, потому что Господь поборает за них против египтян“. И сказал Господь Моисею: „Прости руку твою на море, и да обратятся воды на египтян, на

колесницы их и на всадников их“. И простер Моисей руку свою на море, и к утру вода возвратилась на свое место; а египтяне бежали навстречу воде. Так потопил Господь египтян среди моря» (Исход XIV, 13—27).

В мерзостных бесчинствовании играх. — «И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору, и слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день (Господь) воззвал к Моисею из среды облака. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов израилевых, как огонь поядающий. Моисей вступил в средину облака и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей» (Исход XXIV, 15—18). «Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: „Встань и сделай нам бога, который бы шел пред нами; ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли египетской, не знаем, что сделалось“. И сказал им Аарон: „Выньте золотые серьги, которые в ушах ваших жен, ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите ко мне“. И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих и принесли к Аарону. Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: „Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли египетской!“» (Исход XXXII, 1—4). «...И сошел Моисей с горы; в руке его были две скрижали откровения (каменные), на которых написано было с обеих сторон: и на той и на другой стороне написано было; скрижали были дело Божие, и письменна, начертанные на скрижалях, были письменна Божии. И услышал Иисус²⁰² голос народа шумящего и сказал Моисею: „Военный крик в стане“. Но Моисей сказал: „Это не крик побеждающих и не вопль поражаемых; я слышу голос поющих“. Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали

и разбил их под горою; и взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне, и стер в прах, и рассыпал по воде, и дал ее пить сынам израилевым» (Исход XXXII, 15—20).

Он посылал пророков вам. — «...Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город» (Матф. XXIII, 34).

Дополните же ныне меру ваших отцов. — «Дополняйте же меру отцов ваших» (Матф. XXIII, 32).

Как Моисей вознес змию в пустыне. — «...И стал малодушествовать народ на пути, и говорил народ против Бога и против Моисея: „Зачем вывели вы нас из Египта, чтоб умереть (нам) в пустыне, ибо здесь нет ни хлеба, ни воды, и душе нашей опротивела эта негодная пища“. И послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из сынов израилевых. И пришел народ к Моисею и сказал: „Согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя; помолись Господу, чтоб Он удалил от нас змеев“. И помолился Моисей (Господу) о народе. И сказал Господь Моисею: „Сделай себе (медного) змея и выставь его на знамя, и (если ужалит змей какого-либо человека) ужаленный, взглянув на него, останется жив“. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей жалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» (Числа XXI, 4—9).

«... Как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесено быть Сыну Человеческому» (Иоан. III, 14).

Иосиф

За преступленья народа Моего на смерть ведется! — «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что

не ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу, — и Господь возложил на Него всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь» (Исайи LIII, 3—8).

Симон

Упал! Учитель наш! — Евангелисты не упоминают о падении Христа Спасителя под тяжестью креста; но это падение слишком правдоподобно и освящено преданием.

«...Чтобы выдержать человека, крест требовался значительного объема и тяжести, и нести такую ношу для истощенного страшной жестокостью недавнего бичевания Страдальца было бы новым мучением. Но Иисус был смертельно истомлен не только этою жестокостью, но и предшествовавшими днями страшной внутренней борьбы и муки, сильными волнениями на вечера, беспокойством и страданием бессонной ночи, нравственным потрясением в саду Гефсиманском, тремя допросами и тремя смертными приговорами со стороны иудеев, долгими и томительными сценами в претории, допросом перед Иродом, зверскими и мучительными издевательствами, которым Он подвергался сначала от членов синедриона и их слуг, затем от телохранителей Ирода и, наконец, от римской когорты. Все это, вместе с убийственным истязанием бичевания, окончательно сломило Его телесную крепость. Его

подкашивающиеся ноги, а может быть, и падение под страшной ношей, явно давали знать, что Он не в силах донести креста от претории на Голгофу»²⁰³.

Явление седьмое

Голос центуриона

Уж если поднял ты²⁰⁴ крест, так и неси его. — «Сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды Его и повели Его, чтобы распять Его (Марк. XV, 20); и, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа (Иоан. XIX, 17); и заставили проходящего некоего Кириянеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его» (Марк. XV, 21).

Голос саддукея

Других спасал, а Сам Себя спасти не можешь! — «Первосвященники с книжниками, и старейшинами, и фарисеями, насмехаясь, говорили: „Других спасал, а Себя Самого не можешь спасти“» (Матф. XXVII, 41 и 42).

Руф

Его тяжелый крест. — «Было время, когда особенно интересовались вопросом о древе креста Господня. Это период крестовых походов, эпоха религиозного возбуждения, когда массы народа хлынули с запада на восток для освобождения гроба Господня. В это время зародилось желание иметь историю того дерева, которое после сделалось орудием страданий и смерти Сына Божия. Появляются одна за другой легенды, в которых на различные лады варьируется одна и та же тема.

По исследованию Вильгельма Мейера, задавшегося целью собрать и привести в систему эти легенды, древнейший, сравнительно небольшой рассказ имеет такое содержание.

Во времена Давида один иудей случайно нашел в лесу дерево, ветви которого были покрыты тремя родами листьев. Пораженный таким видом дерева, еврей рубит его и приносит к царю. Давид знает, что будет с этим деревом, и потому до самой смерти своей не перестает почитать его. То же делает и Соломон, из благоговения к дереву обкладывающий его золотом. Но вот, послушать мудрость Соломона приходит царица Austri и говорит, что если бы царю была известна будущая судьба этого дерева, он не относился бы к нему с таким благоговением. Услышав об этом, Соломон старается узнать недосказанное царицею, что ему и удается путем подкупа приближенного к ней. На этом дереве, узнает он, будет повешен такой человек, от которого падет все царство иудеев. Тогда, сорвав золото, Соломон бросает дерево на дно цистерны (piscina), вода которой с тех пор получает целебную силу. Так проходят многие годы до времени страданий Господа, когда цистерна была осушена и из дерева сделали крест, который понес Христос на своих плечах даже до ворот²⁰⁵.

В эту древнейшую сагу после вошли новые элементы. Так, по одной вариации, происхождение дерева креста уже относится ко времени Адама. Оно вырастает из того зерна древа жизни, которое ангел вложил в уста умершего Адама. Под этим деревом Соломон после производит суд над своим народом. Другая вариация говорит, что из рая взяты были сыном Ноя, Ионитом (Ionitus), три отростка, которые потом чудесным образом срослись вместе. При Давиде дерево является на Ливане, и царственный пророк в трех составных частях его (ель, пальма и кипарис) узнает

символ единосущной Троицы. Не Давид, муж крови, а Соломон, мирный царь, строит храм Иегове и хочет употребить в дело и это дерево. Но последнее является то слишком длинным, то слишком коротким. Тогда царь ставит его пред храмом для всеобщего почитания. После пророчества Сивиллы, народ бросает дерево в купель Силоамскую, позднее названную *piscina probatica*. Наконец, на этом же дереве на Кальварии был распят Иисус Христос.

Широкое распространение находят потом еще две новые черты в рассказе: 1) крест, орудие смерти Господа Иисуса Христа, имеет свое начало в ветке, или стебле, который принес Адаму сын его из рая; 2) оказавшееся негодным при построении храма дерево не почитается, а служит мостом через поток; царица Савская боится переходить по нем, благоговей пред будущей его судьбою. — Наконец, после различных вариаций и изменений, к концу XIII века рассказ является в форме длинной легенды, в которой хотя фантазия автора многое переработала по-своему и немало внесла от себя, однако прежние основные черты легенды остались те же.

Эта легенда, подробно передающая историю крестного древа от Адама до Ноя, Авраама, Моисея, Давида и, наконец, Христа, т. е. на протяжении всех тех пяти периодов, на какие средневековая теология делила всю ветхозаветную историю, нашла удивительный успех почти во всей Европе. Вполне соответствуя духу времени, она распространилась „от Исландии и Швеции до Испании, от Корнваллиса до земли греческой“. Вот главные черты содержания этой легенды:

Лишенная райского блаженства, первая чета поселилась неподалеку от рая, в долине Эброн. Здесь родились у нее первые два сына; здесь же имело место убийство младшего брата старшим. Более двухсот лет прошло после этого несчастья до того времени, когда

родился у них благочестивый и послушный Сиф. Дожив до глубокой старости, на 933 году Адам стал печалиться, видя, как велика будет сила зла в его потомстве. Ему хочется знать, скоро ли исполнится обещание, данное ему Богом при изгнании из рая. И вот с этою целию посылает он в рай к херувиму Сифа. Последний тою дорожкой, на которой еще оставались не заросшими следы шагов его родителей, покидавших место своего блаженства, приходит к херувиму и передает ему вопрос Адама. Тогда херувим приказывает ему подойти к дверям рая и заглянуть в них. Сиф исполняет приказание и, возвратившись, рассказывает херувиму, что видел он в раю. Так повторяется три раза.

Кроме роскошной, благодатной природы, Сиф видел в раю, между прочим, дерево многоветвистое, но без коры и листьев. Это дерево, когда смотрел он в двери рая в третий раз, поднялось до небес и там, на вершине его, был спеленатый младенец; в то же время корень дерева проник сквозь землю в преисподнюю, где увидел Сиф и душу брата своего Авеля. Объяснив это видение, как символ искупления рода человеческого по исполнении времен чрез Сына Божия, ангел тем самым дает Сифу ответ на вопрос Адама. В заключение Сиф получает от ангела три зерна того плода, которым соблазнились его родители, вместе с приказанием положить их под язык умершего Адама. Из этих зерен должны вырасти кедр, кипарис и сосна, символ святой Троицы. Обрадованный вестью, принесенной сыном, Адам прожил еще три дня и умер. Очень скоро выросли три стебля из зерен, положенных под языком умершего, но, достигнув высоты только одного локтя, они оставались в таком положении, не теряя зелени, „от Адама до Ноя, от Ноя до Авраама, от Авраама до Моисея“. Вождь Израиля, уразумев в них символ святой Троицы, извлек их из уст Адама, обвернул чистыми пеле-

нами и, как великую святыню, носил с собою в пустыне. Здесь все ужаленные ядовитыми змеями получали от них исцеление. Пред смертью своею Моисей посадил их у подошвы горы Фавора, где оставались эти стебли тысячу лет до времени Давида. Этот царь-пророк, получив наставление от Духа Святого, отправился к тому месту, где стояли стебли, и, взяв их с песнями и звуками музыкальных инструментов, принес в Иерусалим, где многие больные получали от них исцеление. Не выбрав еще места, где можно было бы с честью посадить эти стебли, Давид положил их на ночь в одной цистерне, приставив к ней стражу. На другой день оказалось, что стебли пустили корни на дне цистерны и, поднявшись, соединились вместе. Прославляя Бога за такое чудо, Давид не тронул дерева, а обнес его стеной и каждый год посредством серебряного кольца стал обозначать степень его возрастания. Так продолжалось 30 лет, когда дерево сделалось взрослым. Под ним оплакивал царь грехи свои и здесь же составлял свою псалтырь. После его смерти сын и преемник его, Соломон, начал строить храм Богу. Случилось, что ни на Ливане, ни в других рощах мастера не могли найти бруса для перекладины. Тогда, с дозволения царя, они срубили то дерево и сделали из него брус в 30 локтей. Но как ни прилаживали его к зданию, он оказывался то слишком длинным, то коротким. Пораженный таким чудом, Соломон приказал святое дерево положить в храм для всеобщего почитания. Здесь однажды некая Максимилла неосторожно села на него, и вдруг ее одежда начала гореть, как будто она была из пакли, женщина же, исполнившись пророческого духа, закричала: „Господь мой и Бог мой Иисус!“ За эти слова она была обвинена в богохульстве и побита камнями, а дерево расвирепешившие иудеи вытащили за город и бросили в овчую купель Вифезду (*probatica piscina*). Но ради прослав-

ления дерева сходил сюда ангел Господень и в известное время давал целебную силу воде. Видя это, иудеи вытащили его и отсюда и сделали из него мост через Силоамский пруд. Здесь увидела его Сивилла, прибывшая в Иерусалим послушать мудрость Соломона, и, перейдя источник босыми ногами, пророческим голосом воскликнула: „Judicii signum tellus sudore madescet“. Когда осужден был Иисус Христос, один иудей пророческими устами сказал: „Возьмите дерево царское, которое лежит пред городом, и сделайте из него крест царя иудейского“. Итак, отрезав третью часть святого дерева, сделали из нее крест, семь локтей длины и три локтя в поперечнике, на котором и был распят Господь Иисус Христос во спасение всех.

Латинский текст этой легенды был переведен с различными вариациями и переделками на многие языки, и легенда, быстро распространившись, сделалась достоянием всей Европы. Но увлечение ею прошло вместе с концом средних веков, и только там, где „северный ветер реформации мало повредил цветы религиозного романтизма, да у людей, под обаянием фантастических чар романтизма забывших о критике, она имела еще некоторое значение“.

Все эти фантастические с библейскою окраскою легенды о чудесном трехсоставном дереве, интересные сами по себе, конечно, не могут дать ответа на вопрос: из какого дерева был сделан крест Иисуса Христа. Но также и мнения тех, которые думали дать ответ на него, уже по одному разнообразию своему не имеют почти никакого значения. Так, нидерландец Липсиус утверждал, что таким деревом был дуб²⁰⁶. Другие указывали на четыре рода деревьев: пальму, кедр, кипарис и оливу. Из отцов церкви Киприан (De pass. Chr.) называет только пальму, в то время как греческие писатели, например Кантакузен, — кипарис, сосну и кедр. При решении этого вопроса прежде всего

нужно принять во внимание, что крест Господа был самым обыкновенным орудием распятия, ничем не отличавшимся от других крестов, на которых часто приходилось римлянам казнить рабов и важных общественных преступников. Но для таких орудий позорной казни римляне не могли употреблять первое попавшее под руку дерево. Некоторые из лучших родов деревьев у них были посвящены богам. Так, дуб был посвящен Юпитеру, тополь — Геркулесу, лавровое дерево — Аполлону, олива — Минерве и проч. Из таких же деревьев, как персиковое и кедровое, искусная рука резчика вырезывала фигуры тех же богов. Уже такое высокое назначение этих деревьев не позволяло римлянину употреблять их на то орудие казни, которое большею частью носило презренное имя *infelix lignum* или *arbor, infamis stipes*, т. е. несчастного, бесславного, презренного дерева. Возможно, что и род дерева брали подходящий, — какое-нибудь из деревьев одичавших и не приносящих никаких плодов. Может быть, в том смысле говорил и Григорий Нисский²⁰⁷: „Дерево креста Господня всем человекам спасительно, несмотря на то, что есть часть, как я слышу, древа презренного и многих бесчестнейшего“. Конечно, это лишь предположение, да и весь вопрос принадлежит к той области, где возможны только предположения. Даже допустив, что римлянами при выборе дерева креста вообще руководил именно такой принцип, мы не имеем данных отрицать и того, например, что этот принцип мог не иметь особенного значения в Иерусалиме, в стране, населенной не римлянами, а народом с совершенно другою религией, складом жизни, взглядами и обычаями. Да, наконец, даже если бы и здесь римляне оставались до мелочей верными самим себе, то все же еще можно спорить, не было ли допущено случайное исключение при казни Господа Иисуса Христа и не был ли сделан Его крест из первого попав-

шегося под руку дерева, например, из маслины или сикомора.

Легче ответить на другой вопрос: был ли крест Спасителя покрашен? Светоний²⁰⁸ упоминает об этом кресте высоком и окрашенном в белый цвет, как о явлении особенном, допущенном наместником Испании Гальбою с целью выделить распятого на этом кресте из среды других казненных. Большею же частью орудие распятия приготавливалось на скорую руку, самым простым способом, и покрывать его еще какою-нибудь краской было бы совершенно излишнею, бесполезною заботою.

Всякая фигура, образующаяся двумя в одном пункте соприкасающимися или пересекающимися друг друга линиями, уже имеет право на название *сгух*²⁰⁹. Но, кажется, древнейшая и простейшая форма, носившая это имя, получалась от наложения горизонтальной линии на вертикальную (Т). На востоке в древности был обычай выжигать такой знак на бедрах и на шее лошадей. Тот же знак употреблялся в египетских письменах и на древних иудейских монетах. Наконец, он же перешел в греческий, латинский и все происшедшие от них алфавиты. Но в собственном смысле *сгух* и соответствующее ему греческое *σταυρός* служили обозначением не всякой фигуры, имевшей указанную форму, а особого орудия казни, печальная честь изобретения которого принадлежит не грекам и римлянам. Классический мир позаимствовал его, может быть, у финикийян и карфагенян, а эти у кого-нибудь из восточных народов²¹⁰. На столб, вкопанный в землю или другим каким способом прочно поставленный в вертикальном направлении, накладывали сверху поперечный брус, к концам которого, имевшим одинаковую длину, прикрепляли руки осужденного на смерть. Таким образом, тело должно было висеть вдоль вертикального столба, причем для большей устойчивости прикрепляли

к столбу и ноги. У римлян такой формы крест получил имя *сгух commissa*²¹¹. Но дав у себя место тому, что называли они *servile supplicium*, римляне стали употреблять, как орудие распятия, еще два вида креста. Их *сгух decussata*, имевший фигуру почти буквы Х, составлялся из двух, одинаковой величины, прямых брусьев, соединявшихся вместе на середине своей под острым углом²¹². На месте казни вкапывали в землю два конца такого креста настолько, чтобы он мог прочно стоять; затем руки и ноги осужденного протягивали и прикрепляли на всех четырех концах его, так что тело казненного было в вертикальном положении²¹³. Наконец, римляне употребляли еще *сгух immissa*. Он отличался от более древнего *сгух commissa* только тем, что поперечный, более короткий брус серединою своею не накладывался на верхний конец вертикального столба, а прикреплялся к этому столбу несколько ниже. Верхний конец, таким образом, поднимался над перекладиною или поперечным брусом (†). Для того чтобы тело распятого имело больше опоры на кресте и тяжестью своею не оторвало рук от гвоздей, на середине вертикального столба приделывался еще небольшой брус или деревянный гвоздь (*clavis, palus, pegma*), который по форме своей напоминал рог. Он должен был служить сидалищем для распятого. Вместе с таким сидалищем крест имел пять концов. Кажется, со времени Григория Турского (*De laude S. Martyr. VI*) некоторые желали видеть на кресте Иисуса Христа так называемое *suppedaneum* — подставку или подпорку для ног; но ее не было на римских крестах (*Salmasius, De cruce; Calixtus append. ad Lips. De cruce*). — Какую из этих трех форм имел крест, послуживший орудием смерти Господа Иисуса Христа?

Обращаясь за разрешением этого вопроса к свидетельству древних отцов и учителей церкви, мы встречаем у некоторых из них отдельные выражения, по-

видимому, говорящие за первую форму креста, т. е. *сгх commissa*. Так, Тертуллиан, в объяснение четвертого стиха девятой главы пророка Иезекииля, говорит, что знамение, виденное Иезекиилем на лицах мужей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, совершающихся посреди него²¹⁴ (т. е. города Иерусалима), была греческая буква Тау или латинская Т, имеющая вид креста²¹⁵.

То же подтверждают Ориген, Павлин Ноланский и Иероним. Ниоткуда не видно, чтобы Тертуллиан здесь мог иметь в виду, как думает Фридлиб, финикийское и самаритянское Тау, которое имело фигуру † и х: он ясно говорит о букве греческого и латинского алфавита. Григорий Великий в объяснение слов Тертуллиана говорил, что в них указывается лишь на сходство с крестом: если бы был прибавлен верхний конец вертикальной линии над поперечником, тогда Тертуллиан сказал бы просто *сгх*, а не *species crucis*. Такое объяснение, очевидно, ищет точности выражения в словах Тертуллиана; но еще можно спорить, как точнее сказать при виде фигуры креста, где-нибудь начертанной: крест или фигура, вид креста (*species crucis*)? — Не стараясь найти возможность такого объяснения слов Тертуллиана и других, согласных с ним отцов церкви, которое отвечало бы заранее поставленной цели, проще и справедливее будет видеть в них указание именно на ту форму креста, которая носила название *сгх commissa*. Тем не менее было бы слишком поспешно на основании этих слов приходить к заключению, что крест Господа Иисуса Христа действительно имел эту форму. За исключением только этих отдельных выражений, общее мнение отцов церкви говорит не за этот, а за третий вид креста, *сгх immissa*. У Иустина Мученика, Минуция Феликса, Иеронима, Августина, Иоанна Дамаскина мы встреча-

ем такие сравнения креста, которые не оставляют ни малейшего сомнения в том, что все эти отцы и учителя церкви говорят именно о кресте четырехконечном. Любимою темою для них было утверждать и доказывать, что вид этого четырехконечного креста был положен в природе, уже при самом ее творении, и потому сама природа должна была служить прообразом и пророчеством того позорного орудия, на котором страдания Сына Божия искупили весь мир. Четыре стороны неба, летящая птица, плавающий или с распростертыми руками молящийся человек, сжаренный пасхальный агнец, весельное судно, пашущий земледелец, римские военные значки (*vexilla, contabra, trorea*) и т. п. — вот обыкновенно употребляемые ими сравнения для креста. Все они приложимы только к *сгux immissa*. Но, помимо этих сравнений, мы находим у тех же церковных писателей и прямые указания именно на четыре конца креста. Сюда, кроме уже приведенных слов Иринея Лионского, дающего на четырехконечном кресте место еще особому гвоздю для сиденья, должно отнести выражения Седулия, Иоанна Дамаскина и особенно блаженного Августина. Последний говорит о кресте еще определеннее: „Была широта, на которой простирались руки, длина, поднимающая от земли, на которой было пригвождено тело, высота, выдававшаяся вверх над поперечною балкою“. — Все это приводит нас к тому убеждению, что именно четырехконечный или, если считать и гвоздь для сиденья, то пятиконечный крест послужил орудием казни Господа Иисуса Христа.

Если на монетах императоров Констанция и Константина встречаются изображения креста трехконечного, если далее на одном древнем кольце, о котором говорит Аринги²¹⁶, выбита монограмма Иисуса Христа с крестом также формы римского *сгux commissa*, то

эти и другие им подобные примеры древнехристианских изображений креста справедливее считать исключением. Они могут наводить лишь на ту мысль, что сама древность не сразу решила вопрос относительно формы того священного древа креста, которое послужило орудием смерти Спасителя мира. По крайней мере в IV веке, когда вместе с религией христианской и почитание изображения креста, как символа нашего спасения, стало явлением дозволенным и очень распространенным, не везде и не сразу явилась одна и та же форма креста. Разногласие в этом случае тем естественнее, что христианство принимали те же римляне, которые знали в своей практике не одну форму креста. Отсюда становится весьма понятным, что в то же время, как большинство сюда относящихся памятников христианского искусства говорит за четырехконечную форму креста Господня²¹⁷, встречаются отдельные примеры другой формы. Но уже одно то, что в эпоху глубокой же древности раз и навсегда установилось определенное мнение относительно формы креста Господня, что эта форма неизменно потом хранится в христианстве на пространстве пятнадцати веков и, смело можно сказать, останется в нем, пока стоит мир, — уже одно это сильнее всех побочных соображений должно говорить нам, что именно такой формы крест, римский *crux immissa*, послужил орудием страданий и смерти Господа Иисуса Христа.

Глубокое основание для себя этот непоколебимый взгляд всей церкви христианской находит, между прочим, и в самом Евангелии. Тот, кто сам стоял на Голгофе и был свидетелем страданий и смерти Спасителя мира, мог бы более, чем кто-нибудь другой, сказать о внешнем виде креста Господня. Но ученик, его же любяще Иисус, св. Евангелист Иоанн ничего не говорит нам об этом. Таким же молчанием обходят

это и другие Евангелисты. Только у одного из них мы находим краткое замечание, имеющее для нас, при отсутствии других данных, большое значение: „И поставили над головою Его надпись, означающую вину Его“, — говорит Евангелист Матфей²¹⁸. Эти слова ясно показывают, что крест не был *сгх commissa*, потому что на таком кресте не нашлось бы места для дощечки с надписью именно над Его головою. Для того чтобы поместить здесь такую дощечку, необходимо, чтобы вертикальный, основной столб креста имел продолжение свое вверху над поперечным брусом, а в таком случае уже получится не *commissa*, а *immissa sгх*, крест четырехконечный»²¹⁹.

Руф

Сообщники мятежника Вараввы. — «Вели с Ним на смерть и двух злодеев» (Лук. XXIII, 32).

«Древнее предание говорит, что один из сих преступников назывался Гестас, а другой Дисмас (*Evang. Nicodemi*). Касательно преступления их нет верных сведений; кажется, однако же, что они принадлежали к обществу Вараввы и участвовали в мятеже и убийствах, им произведенных: ибо с Вараввою, по замечанию Евангелиста Марка (XV, 17), находились в темнице и его сообщники, коих участь должна была решиться пред праздником, и, судя по роду преступления, — крестною казнию»²²⁰.

Иоанна

Горе матери насквозь пронзает Ей, как мечом, истерзанное сердце! — «И Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лук. II, 35), — слова Симеона Богоприимца, сказанные Пресвятой Деве Марии.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Прокула сидит на ложе. — В древнейший период римской истории женщины не возлежали, а сидели за трапезой между возлежавшими мужчинами. Возлежание стало входить у женщин в обычай только со времен кесаря Августа²²¹. Но скромная и степенная Прокула придерживается старинных обычаев.

Явление первое

1-й т р и б у н

Трех часов с полудня не прошло, а солнце скрылось. — «В шестом же часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого» (Марк. XV, 33). — «Деление дня на 12 часов явилось у иудеев не раньше времени после плена вавилонского. Так как день считался от восхода солнца до захода, то и промежутки времени, обозначаемые часами, были различной длины в различные времена года. Во время праздника Пасхи, который всегда праздновался в весеннее равноденствие, еврейский час по своей продолжительности равнялся нашему... Между 12 часами еврейского дня главными были третий, шестой и девятый, как назначенные для молитвы, и вот из них третий соответствовал нашему девятому (утра), шестой — двенадцатому (полдню), а девятый — третьему пополудни»²²².

Явление второе

П и л а т

Чтоб за казнимого они молились. — Здесь допущен вымысел. О таком обычае нам ничего не известно. Голос левита, раздающийся вдалеке, нужен автору для создания жуткого настроения и усиления впечатления.

Явление третье

2-й трибун

У египтян ~ мумию приносят. — Обычай подавать за столом мумию, как сообщает мне М. И. Ростовцев, засвидетельствован Геродотом (II, 78) и Плутархом (*Moralia*, 357; *de Iside et Osiride*, гл.17). Геродот говорит следующее: «На собраниях богатых людей у них (т. е. египтян), когда кончается обед, мужчина обносит кругом деревянный сделанный труп в гробу, возможно точно воспроизводящий настоящий труп и живописно, и скульптурно; величина его — локоть или два локтя. Показывая труп каждому из собутыльников, мужчина говорит: „Смотря на него, пей и наслаждайся: когда помрешь, будешь таким же“» (См.: W. How and J. Wells. *A commentary on Herodotus*. Oxford, 1912. Vol. I. P. 205). Масперо (*Ann. des et. grecques*, 1876, стр. 186) указывает на деревянные небольшие изображения мумий, часто встречающиеся в музеях, которые очень напоминают слова Геродота. Мысль, лежащая в основе обычая, стара и встречается в египетских поэмах нового царства (см.: Erman A. *Aegypten u. aegyptisches Leben im Altertum*. Tübingen, 1885, S. 386). От этого старого египетского обычая ведет, вероятно, свое происхождение обычай подавать на стол маленький скелет с целью напомнить пирующим о бренности человеческого существования, засвидетельствованный Петронием (*Satyr.*, 38). Александрийское (египетское) происхождение этого обычая несомненно. Доказательством служит знаменитый серебряный кубок из Боскореале, украшенный изображениями ряда беседующих скелетов, к каждому из которых приписано имя известного философа (Зенон, Эпикур и др.). В издании этого кубка (*Monuments et Memoires Piot. V*) Heron de Villefosse указал на ряд аналогичных памятников. Количество таковых, особен-

но сосудов для вина, можно было бы теперь значительно умножить. Несколько глазированных поливных глиняных сосудов этого типа найдены на юге России. Один, ныне находящийся в Императорском Эрмитаже, опубликован Фармаковским.

На сорок миллионов сестерций. — Правильнее было бы не сестерций, а сестерциев. По латыни: *sestertius* — сестерций (именительный падеж мужского рода). Так и в переводе Тацита у В. И. Модестова. Но сошлюсь на М. И. Ростовцева, который заявляет мне, что в русском словоупотреблении издавна из сестерция сделали сестерцию, и не видит в этом ничего недопустимого. — У В. Алексеева в переводе Светония — одна сестерция, а не один сестерций.

Префект

Высчитывала каждому охотно их стоимость. — О Лоллии, бывшей женою Калигулы и вышедшей позднее замуж за другого, и об ее уборе из изумрудов и жемчужин, стоимостью в 40 миллионов сестерций (на наши деньги с небольшим 4 миллиона рублей) упоминает Плиний Старший (IX, 117).

Явление четвертое

Префект

Мозги павлиньи, языки фламинго. — Эти изысканные кушанья упоминаются Светонием в жизнеописании императора Вителлия, который отличался обжорством (с. 336).

Еж морской. — Это блюдо значитя в дошедшем до нас перечне кушаний одного обеда жрецов между 73 и 63 г. до Р. Х.²²³

Устрицы Тарента. — Об употреблении их в пищу римлянами говорит Фридендер (III, 30), так же, как и о нумидийских курах, плодах и греческих винах, упомянутых ниже, в ближайших словах 1-го трибуна.

Префект

Сирийская прославленная пляска. — Плясуньи-сирийки наравне с андалузками особенно славились у римлян своим искусством²²⁴.

Явление пятое

1-й трибун

Бессмертные Хариты — грации. Три греческие богини прекрасного, дочери Зевса и Геры. Имена их: Аглая, Талия и Евфросина (Мал. Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. II, 251).

2-й трибун

Одной из девяти сестер Парнаса. — Музы, греческие богини искусств и наук, 9 дочерей Зевса и Мнемозины: Эрато, Евтерпа, Каллиопа, Клио, Мельпомена, Полигимния, Терпсихора, Талия и Урания. — Терпсихора считалась богиней пляски. — Парнас — священная гора в греческой области Фокиде — считалась средоточием земли и местопребыванием Феба (Аполлона) и Муз. На южном склоне находился Дельфийский оракул и Кастальский священный источник. (Мал. энциклопед. слов. III, 364 и 633).

2-й трибун

От Плутона мчалась Прозерпина. — Прозерпина (греч. Персефона), дочь Юпитера и Цереры, жена Плу-

тона, который ее похитил. Плутон, сын Сатурна и Реи, брат Юпитера и Нептуна. Первоначально бог земного плодородия, позже слившийся с древним подземным Аидом, у римлян отождествлен с Орком, национальным богом смерти (Мал. энциклопед. слов. III, 736 и 842, P. Larousse. Dictionnaire complet, 1325 et 1336).

Префект

Сабинянки от римлян. — Сабиняне, древний и сильный народ средней Италии к северу от Лациума. Римляне вели с ними постоянные войны. Похищением сабинянок население Рима приобрело себе жен, по преданию, при Ромуле (Мал. энциклопед. слов. III, 1059).

Пилат

Земля колеблется. — «И земля потряслась; и камни расселись» (Матф. XXVII, 51). «Поелику землетрясениям, как известно, предшествует нередко необыкновенное помрачение воздуха, происходящее от той же причины, от коей происходят землетрясения, то можно думать, что и мрак, происшедший во время распятия Иисуса Христа, находился в связи с землетрясением, за ним последовавшим, — и что всемогущество Божие, для достижения своей цели, премудро употребило в сем случае естественные силы природы»²²⁵.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сад Иосифа Аримафейского. — «У Иосифа близ Голгофы был сад, в коем так, как и во всей округности, находились каменные скалы. В одной из них, по обыкновению иудеев, иссечена была пещера для погребения»²²⁶.

Явление первое

Иосиф

Гробница эта. — «Несомненно, что тот новый гроб, который высек Иосиф в скале, — „и положил Его в новом своем гробе, который высек он в скале“ (Матф. XXVII, 60), — находился очень недалеко от места казни Спасителя, „гроб был близко“ (Иоан. XIX, 42). „Здесь еще никто не был положен“ (Лук. XXIII, 53); гробница, вероятно, даже не была еще окончена и представляла только одну камеру, когда единственное простое ложе у ее стены должно было послужить временною усыпальницею для краткого смертного покоя Господа Иисуса Христа»²²⁷.

Явление второе

Иосиф

Что Он воскрес из мертвых. — «На другой день, который следует за пятницу, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату. И говорили: „Господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: «После трех дней воскресну». Итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтоб ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: «Воскрес из мертвых!» И будет последний обман хуже мертвого“. Пилат сказал им: „Имеете стражу: пойдите, охраняйте, как знаете“. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» (Матф. XXVII, 62—66).

Лия

Не знают, что творят. — «Иисус же говорил: „Отче! Прости им, ибо не знают, что делают“» (Лук. XXIII, 34).

В а р т и м е й

Ныне же со Мною будешь ты в раю. — «Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: „Если Ты — Христос, спаси Себя и нас!“ Другой же, напротив, унимал его и говорил: „Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал“. И сказал Иисусу: „Помяни меня, Господи, когда придешь в Царство Твое!“ И сказал ему Иисус: „Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю“» (Лук. XXIII, 39—43).

И о с и ф

Мать нареченную к себе увел. — «Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: „Жено! Се, сын Твой“. Потом говорит ученику: „Се, Матерь твоя!“ И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Иоан. XIX, 26 и 27).

Апостол и Евангелист Иоанн Богослов «с сего самого часа, как свидетельствует в своем Евангелии, принял Богоматерь в дом свой, доставлял Ей все нужное для жизни и до самой кончины Ее, как говорит предание, оставался в отношении к Ней, как сын. Для св. Иоанна тем удобнее было принять в свое семейство Богоматерь, что дом его был богат и благоустроен».²²⁸

Р у ф

Зачем Меня оставил Ты? — «В девятом часу возопил Иисус громким голосом: „Элои! Элои! Ламма савахфани!“ Что значит: „Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?“» (Марк. XV, 34).

В а р т и м е й

Поникнув головою, предал дух. — «После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: „Жажду! Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его. Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: „Совершилось!“ (Иоан. XIX, 28—30). „Отче! В руки Твои предаю дух Мой“ (Лук. XXIII, 46). И, преклонив главу, предал дух (Иоан. XIX, 30)»²²⁹.

«Никогда пророчества не исполнялись с такою силою, как теперь исполнились на Нем слова святого Давида о Мессии: „Излияхся, яко вода, и разсыпашася вся кости Моя, сердце Мое бысть яко воск, таяй посреде чрева Моего; изсше яко скудел крепость Моя, и язык Мой прильпе гортани Моему, и в персть смерти свел Мя еси. Ископаша руце Мои и нозе Мои; исчетоша вся кости Моя. Обыдоша Мя пси мнози: смотриша и презреша Мя“ (Псал. XXI, 15—18)»²³⁰.

Явление четвертое

И о с и ф

И плотию уснул Ты, как мертвец. — Слова эти взяты из Пасхального канона Иоанна Дамаскина «Ексапостиларий самогласен»: «Плотию уснув, яко мертв, Царю и Господи, тридневен воскресл еси, Адама воздвиг от тли и упразднив смерть: Пасха нетления, мира спасение»²³¹.

Явление пятое

Ц е н т у р и о н

Их объял смертельный, леденящий ужас. — «И вот, сделалось великое землетрясение: ибо Ангел Гос-

подень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег. Устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали как мертвые» (Матф. XXVIII, 2—4).

Явление седьмое

Иоанна

Как другие жены из Галилеи, тело Иисуса я благовоньями хочу помазать. — «...Купили ароматы, чтобы идти — помазать его (Марк. XVI, 1). То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними» (Лук. XXIV, 10).

С Иосифом ты снял его с креста. — «И как уже настал вечер (потому что была пятница, то есть день перед субботой), пришел Иосиф из Аримафеи²³² (Марк. XV, 42 и 43) (ученик Иисуса, но тайный, из страха от иудеев) (Иоан. XIX, 38), знаменитый член совета (Марк. XV, 43) (не участвовавший в совете и в деле их) (Лук. XXIII, 51), который и сам ожидал Царства Божия, — осмелился войти к Пилату и просить тела Иисусова. Пилат удивился, что Он уже умер и, призвав сотника, спросил его: „Давно ли умер?“ И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу (Марк. XV, 43—45). Пришел также и Никодим (приходивший прежде к Иисусу ночью) и принес состав из смирны и алая, литр около ста. Итак, они взяли тело Иисуса и обвили его (Иоан. XIX, 39 и 40) чистою плащаницею²³³ (Матф. XXVII, 59) с благовониями, как обыкновенно погребают иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен (Иоан. XIX, 40 и 41); и положил²³⁴ Его в новом своем гробе, который высек в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился (Матф. XXVII, 60). Там поло-

жили Иисуса ради пятницы иудейской, потому что гроб был близко (Иоан. XIX, 42)²³⁵».

И о а н н а

Из дома был Иосиф и из рода царя Давида. — «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сирию. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Марию, обрученную ему женою, Которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице. В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: „Не бойтесь! Я возвращаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовым Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях“. И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: „Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!“ Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: „Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь“. И, поспешив, пришли, и нашли Марию и Иосифа и Младенца, лежащего в яслях» (Лук. II, 1—16).

И о а н н а

От двери гроба кто отвалит камень?.. — «И женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, приготовили

благовония и масти, и в субботу остались в покое по заповеди (Лук. XXIII, 55 и 56); и весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу при восходе солнца, и говорят между собою: „Кто отвалил нам камень от двери гроба?“» (Марк. XVI, 2 и 3).

Явление восьмое

Иосиф

Лежал и плат. — Слова Евангелиста Иоанна, касающиеся Симона Петра, здесь вложены в уста Иосифа: «И видит одни пелены лежащие и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте» (XX, 6 и 7).

Явление девятое

Центурион

Воистину Он Божий Сын! — «Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: „Воистину Он был Сын Божий!“» (Матф. XXVII, 54).

Явление десятое

Симон

Он шел от гроба. — «...Вышел Петр и другой ученик и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра и пришел ко гробу первый и, наклонившись, увидел лежащие пелены, но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Симон Петр и входит во гроб... Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал:

ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых. И так ученики опять возвратились к себе» (Иоан. XX, 3—6, 8—10).

Явление одиннадцатое

Иосиф

Стадо единое при Пастыре едином. — В этой речи Иосиф приводит слова Христа Спасителя, сообщаемые Евангелистом Иоанном:

«Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (IV, 23).

«И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (XII, 32).

«...И будет одно стадо и один Пастырь» (X, 16).

Никодим

О ризе Моей бросают жребий. — «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху; и так сказали друг другу: „Не станем раздирать его, а бросим о ней жребий, чей будет; — да сбудется реченное в Писании: Разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий“ (Псал. XXI, 19). Так поступили воины» (Иоан. XIX, 23 и 24).

Иосиф

Соткан руками Матери Его. — «Из раздела одежды Иисуса Христа между прочим видно, что она была полна и прилична и что между вещами, Ему принадлежащими, не было ни одной, которая бы не стояла чего-либо. Тканый хитон показывает даже избыток и

изящество и, как повествует предание, был плод трудов Его Матери. Если сравнить одеяние Иисуса Христа с суровой, пустынною одеждой Иоанна Крестителя, то усматривается значительная противоположность, которая простиралась и на весь внешний образ жизни Иисуса и Его Предтечи»²³⁶.

И о с и ф

Завеса раздралась сверху до низу. — «И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни расселись» (Матф. XXVII, 51).

«В храме было две завесы: одна, здесь упоминаемая; другая, отделявшая внешнюю часть или преддверие от Святого. Евангелист не означает, какая именно завеса расторглась. Но, поелику у Моисея внутренняя завеса постоянно называется парохет, а внешняя массах, и 70 толковников первое слово постоянно переводили катапетасма, а последнее колимма, — какое различие в сих словах наблюдалось и писателями иудейскими: то нет сомнения, что и у Евангелиста катапетасма означает завесу внутреннюю.

...Ковчег Завета, херувимы и прочие св. вещи, хранившиеся в Святой Святы, коих никому не позволено было видеть под опасением смерти, теперь, по необходимости, были видимы для каждого, находившегося в храме священника.

Что касается до способа, коим раздралась завеса, то нет нужды допускать здесь особого чуда. Когда, действием всемогущества Божия, тряслась вся земля и расторгались каменные скалы, то вместе с сим удобнее могла раздраться завеса, которая, вследствие строгого закона о неприступности Святой Святы, со всех сторон была плотно прикреплена ко входу, ею закрываемому. По свидетельству Иеронима²³⁷, в евангелии к Евреям (до нас не дошедшем) было написано,

что самый свод Святая Святых, к коему привешивалась завеса, расселся на две части»²³⁸.

Н и к о д и м

Отверженный Он камень ~ камень преткновения и соблазна. — Здесь приведены слова Св. Писания: «Иисус говорит им: „Неужели вы никогда не читали в Писании: Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших“» (Псал. СХVII, 22 и 23; Матф. XXI, 42).

«И будет Он освящением и камнем преткновения, и скалою соблазна для обоих домов Израиля, петлею и сетью для жителей Иерусалима» (Исайи VIII, 14).

Явление двенадцатое

И о а н н а

Видит пред Собой Мария Сына Своего. — «В Евангелии нет прямого указания, что благодатная Мария видела воскресшего Сына Своего и Господа, но из писаний святых отцов и в церковных песнопениях находится ясное удостоверение, что прежде всех верующих видела Его и радовалась Его воскресению Пречистая Матерь Его.

„Воскресшего третий день видевши Сына Твоего и Бога, радуйся со Апостолы, Богоблагодатная, Чистая!

Мёртва и нага Твоего Сына, висяща на древе зрящи, болела еси; абие же Сего воскресша тридневно видящи, веселилася еси всенепорочная!“

Так удостоверяет нас св. Церковь в своих песнопениях»²³⁹.

Мною не принято во внимание священное предание, по которому «после погребения Господа Иисуса, Пресвятая Богородица провела всю субботу и ночь после субботнего дня близ гроба в доме Иосифа Аримафейского, и здесь Иисус Христос, по воскресении Своём, явился Ей прежде всех»²⁴⁰.

И о а н н а

Смешенья мирры и алая. — В Евангелии Иоанна говорится о Никодиме, принесшем к погребению Христа Спасителя «состав из смирны и алая, литр около ста» (XIX, 39). Смирна заменена у меня миррой. Во французском переводе аббата J.-V. Glaire стоит *myrrhe*. По определению Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (III, 299) мирра есть каменистая смола, получаемая от африканских и аравийских деревьев, в особенности от *Balsamea Myrrha*, обладающая приятным запахом и остро пряным вкусом; со времен глубокой древности мирра ценилась как пряное и благовонное курительное вещество.

Не плачь, о, Матерь, надо Мною ~ Тебя отныне сердцем возвеличит. — Эти слова заимствованы из 9-го ирмоса, который поется во Святую и Великую субботу на утрени и вместо Богородичного на литургии: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Его же во чреве без семени зачала еси Сына: встану бо и прославлюся и вознесу со славою непрестанно, яко Бог, верою и любовию Тя величающыя»²⁴¹.

В а р т и м е й

Он, как жених из брачного чертога, из гроба вышел. — Эти слова взяты из Пасхального канона Иоанна Дамаскина, 5-й песни: «Приступим священоснии, исходящу Христу из гроба яко жениху и спразднуем любопрядственными чинми, пасху Божию спасительную», — и из стихири Пасхи: «Приидите от видения

жены благовестницы, и Сиону рцйте: прими от нас радости благовещения воскресения Христова: красуйся, ликуй и радуйся Иерусалиме, Царя Христа узрев из гроба, яко жениха происходяща»²⁴².

Явление тринадцатое

Л и я

От галилейских жен, от Магдалины весть дивную мы знаем. — «В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба; и так бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: „Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его!“ (Иоан. XX, 1 и 2).

«А Мария стояла у гроба и плакала; и когда плакала, наклонилась во гроб и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: „Жена! Что ты плачешь?“ Говорит им: „Унёсли Господа моего, и не знаю, где положили Его!“ Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса, стоящего, но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: „Жена! Что ты плачешь? Кого ты ищешь?“ Она, думая, что это садовник, говорит Ему: „Господин, если Ты вынес Его, скажи мне, где Ты положил Его, и я возьму Его“. Иисус говорит ей: „Мария!“ Она, обратившись, говорит Ему: „Раввуни!“ (что значит: Учитель!) Иисус говорит ей: „Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему“. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам» (Иоан. XX, 11—18).

«...Взглянув²⁴³, видят, что камень отвален; а он был весьма велик» (Марк. XVI, 4).

«Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали пред ними два мужа в одеждах блистающих. И, когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали им: „Что вы ищете Живого между мертвыми?“» (Лук. XXIV, 4 и 5). «„Его нет здесь: Он воскрес, как сказал; подойдите, посмотрите место, где лежал Господь“» (Матф. XXVIII, 6).

«И вошедши во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду, и ужаснулись. Он же говорит им: „Не ужасайтесь! Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес! Его нет здесь; вот место, где Он был положен“» (Марк. XVI, 5 и 6); «„вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть“ (и вспомнили они слова Его)» (Лук. XXIV, 6—8); «„и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предвывает вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам“. И, вышедши поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его, и се, Иисус встретил их и сказал: „Радуйтесь!“ И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: „Не бойтесь! Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня“» (Матф. XXVIII, 7—10). «И возвратившись от гроба, возвестили все это одиннадцати всем прочим» (Лук. XXIV, 9).

Явление четырнадцатое

Иосиф

Хвалите Господа с небес — начальные слова псалма CXLVIII.

¹ *Müller Gustav Adolf*. Pontius Pilatus der funfte Prokurator von Judäa und Richter Jesu von Nazareth. Stuttgart, 1888.

² Рима.

³ Нерона.

⁴ *Флавий И.* Иудейские древности/ Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. Т. II. С. 296.

⁵ *Schurer E.* Geschichte des Judischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Leipzig, 1901. Bd. 1; 1907. Bd. 2.

⁶ *Philo*. De legatione ad Cajum. § 38.

⁷ Иудейские древности. Книга 18-я. Гл. 3-я. С. 299.

⁸ Там же. Книга 18-я. Гл. 6-я. С. 315.

⁹ Там же. Книга 18-я. Гл. 4-я. С. 303.

¹⁰ *Irenaeus*. Adversus haereses operis fontibus, indole, doctrina et dogmate. Göttingen, 1836.

¹¹ *Rolf Franz*. Reisebilder aus Spanien. 2 Aufl. Einsiedeln, 1887. S. 78.

¹² Тот же город Виенн считается, по древнейшему христианскому преданию, и местом ссылки Пилата, который, потеряв рассудок, лишил себя жизни. Впервые было записано это предание Евсевием (*Euseb. Hist. eccl. II, 7*); к нему примыкают и другие хроники. Долгое время указывали в Виенне посетителям здания под названиями *pretoire de Pilate, tour de Pilate, maison de Pilate*. Замок близ *St. Vallier* указывается как место жительства Пилата (*G. A. Muller, 53*).

¹³ Не Бамберг ли в Баварии?

¹⁴ <Когда Пилат снимает шляпу, тогда хорошая погода. — Ред.>

¹⁵ *G. Müller*. S. 48—53.

¹⁶ *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 164—190.

¹⁷ Там же. С. 191—197.

¹⁸ *Thilo Ed.* Codex apocryphus Novi Testamenti. Lipsiae, 1832. Т. 1. P. 522.

¹⁹ *G. Müller.* S. 5.

²⁰ Там же.

²¹ *И. Порфирьев.* С. 168.

²² *G. Muller.* S. 7.

²³ *Косолапов И.* Месяцеслов православной кафолической церкви. Симбирск, 1880. С. 357.

²⁴ *Иннокентий*, архиепископ Херсонский и Таврический. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1908. С. 384.

²⁵ Нижними чинами члены первых двух сословий никогда не начинали службы, а вступали в нее прямо с трибунов, т. е. штаб или обер-офицерских должностей.

²⁶ Пил — особое метательное копьё.

²⁷ *E. Schürer.* Bd. II. S. 475—489.

²⁸ Однако проф. Д. Хвольсон доказал их огромное влияние на историю Христа (<Хвольсон Д.> О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Изд. 2-е. СПб., 1880. С. 39—44). Примечание переводчика.

²⁹ Иудейские древности. 18, 1, 4.

³⁰ Там же. 13, 5, 9.

³¹ Иудейская война. 2, 8, 14.

³² Иудейские древности. 18, 1, 3.

³³ Иудейская война. 2, 8, 14.

³⁴ *Книга пророка Даниила.* XII, 1, 2, 3.

- 35 Иудейские древности. 15, 1, 1.
36 Иудейская война. 4, 3, 9.
37 *Матф.* XXII, 17; *Марк.* XII, 14; *Лук.* XX, 22.
38 *2 Коринф.* VI, 17; *Исайи.* LII, 11.
39 *4 книга Царств.* XXIV, 14.
40 *Книга пророка Иеремии.* XL, 7.
41 *Марк.* II, 16.
42 *Первая книга Маккавейская.* II, 42; VII, 12.
43 *E. Schürer.* Bd. II. S. 456—475.

44 Кирены, город, находящийся в той части Ливии, которая называлась Понтопольскою или Киринейскою. *Pomponius Mela*, 1, 4. Что в сей стране было много иудеев, о сем свидетельствует *Флавий* (Иудейская война. 7, 11, 1). А что иудеев киринейских было весьма много в Иерусалиме, где они имели свою особенную синагогу, видно из *Деян.* II, 10; VI, 9.

45 *Grotius de Luc. Schlegel. Hess. in Lebensgeschichte Jesu.*

46 *Иннокентий.* С. 335, 336.

47 *Sanhedrin*, с. 6, § 1. *Maimonid. in tract. de Syned. eorumque raenis*, с. 13.

48 *Иннокентий.* С. 327.

49 *Маккавейский Н.* Археология истории страдания Господа Иисуса Христа. Киев, 1891.

50 *Sanhedrin*, VI, 2.

51 *Tacit. Annal.*, l. 3, с. 51.

52 *Иннокентий.* С. 327.

53 *Глубоковский Н. Н.* О Квириниевой переписи по связи ее с Рождеством Христовым. Киев, 1913. С. 32.

54 *Иннокентий.* С. 37.

55 Статья напечатана во 2-й кн. «Современника» с исправлением ошибок.

56 *Иннокентий*. С. 77.

57 Принадлежность ослицы и осленка Симону Киринеянину — вымысел автора.

58 Благовествование четырех евангелистов, сведенное в одно последовательное повествование Б. И. Гладковым. СПб., 1908.

59 Nempel. Beschreibung des indischen Landes. 1825 mit Kupfer, s. 44, 45. Ralandi Palaestina.

60 Дворец Анана стоял на Акре, а Кайафы — на Сионе, — двух горах, кои составляли две особые части города. Nempel.

61 *Иннокентий*. С. 80.

62 *Б.Гладков*. С. 169, 170.

63 Там же. С. 171.

64 *Н. Маккавейский*. С. 55.

65 Иудейские древности. 12, 3, 3.

66 *E. Schürer*. Bd. II. S. 238—241.

67 *Б. Гладков*. С. 171.

68 *Иннокентий*. С. 353.

69 *Флавий*. Иудейские древности. 15, 7, 3; Иудейская война. 1, 203.

70 *E. Schürer*. Bd. II. S. 134—136.

71 Там же. Bd. II. S. 457, 458.

72 *Иннокентий*. С. 354.

73 *Friedlander Ludwig*. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. Leipzig, 1910. Bd. IV. S. 187—189.

74 Aristides. Or. XXIV, p. 298 Jebb.

75 *l'Abbe B****. Collection d'anciens évangiles, ou Monuments du premier siecle du christianisme, extraits de Fabricius, Grabius et autres Savants. A Londres, MDCCLXIX <1769>. P. 102.

76 Марию.

77 Иудейская война. 1, 21, 1; 5, 4, 4; Иудейские древности. 15, 9, 3.

78 Только на северной стороне не было таких башен. Там возвышались три могущественные башни — Гиппика, Фазаэль и Мариамна, служившие укреплением проходившей здесь северной стены верхнего города (Иудейская война. 5, 4, 3—4). *Н. Маккавейский*. С. 108.

79 *Н. Маккавейский*. С. 108 и 109.

80 *Иннокентий*. С. 275.

81 *Фаррар Ф. В.* Жизнь Иисуса Христа./Пер. с англ. А. П. Лопухина. 3-е иллюстр. изд. СПб., 1899. Т. 2. С. 241, 242. *Farrar F. W.* The Life of Christ. London; Paris; New York, s. a.

82 *Н. Маккавейский*. С. 35.

83 Там же. С. 15.

84 *Ф. Фаррар*. С. 239.

85 Там же. Примеч. 427.

86 Иосия.

87 Темный, мрачный. Сюда во времена второго храма был проведен подземный канал из резервуара, устроенного под жертвенником всесожжений. Кровь жертвенных животных этим каналом стекала в другой резервуар, в потоке Кедрском, где ее продавали для удобрения садов. В талмудическом трактате Middoth (III, 2) говорится: «На юго-западном углу жертвенника

всесожжений были две ямы, подобные ноздрям, которыми кровь, излитая на западное и южное основание жертвенника, текла в канал и отсюда в поток Кедрский», см.: *Mischna ed. Surenh. pars V, pag. 355.* Сравни. *Joma V, 6 (pars II, pag. 236).* *Н. Маккавейский.* С. 15.

88 Там же. С. 14, 15.

89 *L. Fridländer.* Bd. III. S. 282, 298.

90 *E. Schürer.* Bd. II. S. 351—355.

91 Там же. С. 351.

92 Там же. С. 216—222.

93 Четверовластник Ирод Антипа.

94 Иудейские древности. 18, 2, 3.

95 *Б. Гладков.* С. 217—219.

96 *Н. Маккавейский.* С. 99 и 100.

97 Там же. С. 135.

98 Иудейские древности. 20, 8, 11.

99 В. И. Модестов, переводя Тацита, везде пишет: Тиберий; но, приняв написание Тиверий, я его и держусь.

100 Ныне Больсена.

101 Прежде выбирал император (Ниппердей).

102 Дион Кассий (LVIII, 4) говорит, что его изображениям, как и изображениям Тиверия, кадили ладаном.

103 Друз.

104 Сыновья Германика — Нерон и другой Друз.

105 Наследника престола.

106 Он был родом из Этрусского города. Этим Тацит хочет сказать, что Сеян происходил из фамилии, ко-

торая, живя не в Риме, не занимала высших государственных должностей.

¹⁰⁷ Плиний Старший называет его также любовником Ливии (Nat. hist., XXIX, 1, 8, 20).

¹⁰⁸ Книга IV, главы 1—3.

¹⁰⁹ *L. Fridländer*. Bd. II. S. 32.

¹¹⁰ Еще в правление кесаря Августа.

¹¹¹ *Тацит*. Летопись. Примеч. на с. 31.

¹¹² Намекается на Планцину, жену Пизона. О них см. ниже.

¹¹³ Praetorium было название для присутственного места провинциального наместника. Следовательно, по мысли оратора, таких присутственных мест, наместнических правлений бывает два, если и жена наместника живет с ним в провинции (Примеч. переводчика). У Модестова: два претория. Но в моей драме везде принято написание не преторий, а претория, чего я держусь и в передаче перевода Тацита.

¹¹⁴ Закон трибуна Оппия, проведенный им во время 2-й Пунической войны (539—215 до Р. X.), был издан против роскоши женщин.

¹¹⁵ Т. е. судебными трибуналами.

¹¹⁶ *Тацит*. Летопись. III, 33, 34,

¹¹⁷ Она была дочь Л. Мунация Планка, победителя Ретов, бывшего между прочим цензором в 732 г. (22 до Р. X.). К нему адресована одна ода Горация (Carm. I, 7).

¹¹⁸ II, 43.

¹¹⁹ Германик был склонен по природе вести себя как обыкновенный гражданин, не возвышаясь над другими, не считая себя обладающим большими правами.

120 Мальчики: Нерон, Друз и Калигула (впоследствии преемник Тиверия); девочки: Агриппина и Друзилла.

121 Жёну Германика.

122 Антиохия, на р. Оронте, была столица Сирии; Германик жил в предместьи этого многолюдного города, называвшемся Эпидафне.

123 Гавань Антиохии.

124 *Тацит.* Летописи. Кн. I и II.

125 I, 496.

126 Там же.

127 Там же.

128 I, 501.

129 *L. Fridländer.* Bd. I. S. 503.

130 Там же. Bd. I. S. 505.

131 Малый Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, III, с. 1363.

132 *L. Fridländer.* Bd. II. S. 505, 506.

133 Там же.

134 *Б. Гладков.* С. 222.

135 Фарисеи.

136 *Б. Гладков.* С. 176.

137 *Иннокентий.* С. 118 и 119.

138 *Н. Маккавейский.* С. 136 и 137.

139 *Б. Гладков.* С. 222 и 223.

140 *E. Schürer.* Bd. I. S. 487.

141 Иудейские древности. 14, 10, 6.

142 Иудейские древности. 18, 3, 1.

143 Там же. 4, 3.

144 Египетским и иудейским культом.

145 II, 85.

146 *Philo. Leg. ad Caj. § 24*, ed. Mangey, II, 569.

147 Там же, § 38, Mangey, II, 589.

148 *Г. Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей/С латинского перевел В. Алексеев. Изд. 2-е. СПб., 1904. С. 171.*

149 *Тацит. Летопись. IV, 41.*

150 С. 153.

151 *Светоний*, примечание 202.

152 *И. Флавий. Иудейские древности. 18, 6, 6.*

153 В подлиннике стоит: *jurisdictionibus*. Этим словом обозначается здесь управление небольших провинций прокураторами или даже преторами, но без войск. Тут было главною обязанностью — творить суд и расправу.

154 Предки его были всаднического сословия и вели происхождение от мифического царя Лама (*Hor. Carm. III, 17*).

155 Пилат.

156 Ирод.

157 *Иудейские древности. 17, 8, 1; 17, 11, 4; 18, 7, 1—2. Иудейская война. 1, 8, 4.*

158 *Лук. XIII, 32.*

159 См., напр.: *Деян. X, 30; XXVI, 13; Апок. XV, 6; XIX, 8; XXII, 16.*

160 *Иудейские древности. 8, 7, 3. Может быть, о такой именно одежде говорил Господь Иисус Христос (Матф. VI, 28).*

161 *Иудейская война. 2, 1, 1.*

- 162 Иудейские древности. 19, 8, 2. Ср.: Деян. XII, 21.
- 163 Tacit. Hist. 2, 89. Valerius Maximus 1, 6, 11.
- 164 Polyb. 10, 4, 8.
- 165 Friedlieb J.-H. Archaeologie der Leidensgeschichte unsers Herrn Jesu Christi. Bonn, 1843. S. 109, 110.
- 166 Н. Маккавейский. С. 141—143.
- 167 По Сирскому переводу — червленая, по Вульгате — белая одежда. Собственно — блестящая, в приложении к одежде — лоснящаяся.
- 168 Иннокентий. С. 289. Ср.: Н. Маккавейский. С. 144, 145.
- 169 С. 292.
- 170 Иннокентий. С. 291.
- 171 Т. е. Ирода.
- 172 E. Schurer. Bd. I. S. 458—464.
- 173 Иннокентий. С. 299.
- 174 Hieron. in Matth. 27.
- 175 Cicer in Verr. 5, 62.
- 176 Lipsius. De cruce, 1, 3.
- 177 Dionys. Hal. XI, 596. Cicer. in Verr. 5, 62. Suet. Cal. 26. Tacit Hist. 4, 27. Phil. Flacc. 976.
- 178 Церковная История Евсевия Памфила, IV, 15. Здесь идет речь о смирнских мучениках II века.
- 179 Itinera Hierosolymitana... ed. T. Tobler et A. Molinier. Genevae, 1877. T. 1. P. 17, 33, 65, 103, 160, 218.
- 180 Н. Маккавейский. С. 148—150.
- 181 Paedagog, l. II, c. 8. Tertul. contra Iudaeos, c. 13.
- 182 Иннокентий. С. 299, 300.

- 183 Ф. Фаррар, примечание 538.
- 184 *Gretser*. De cruce, I, 11.
- 185 *Reise von Kairo nach Jerusalem*. S. 143—145.
- 186 Н. Маккавейский. С. 153 и 154.
- 187 *La Sainte Bible selon la Vulgate, traduite en français avec des notes par l'abbé J.-B. Glaire avec introductions, notes complémentaires et appendices par F. Vigouroux*. 4 ed. Paris, 1908. Примечание Rohault de Fleury к ст. 29 главы XXVII Евангелия от Матфея.
- 188 *Иннокентий*. С. 299.
- 189 *I.-H. Friedlieb*. S. 118.
- 190 II, с. 297.
- 191 *Маккавейский Н.* С. 151 и 152.
- 192 *Филарет*, архиепископ Харьковский и Ахтырский. Беседы о страданиях Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1859. Ч. 2. С. 91.
- 193 *Н. Маккавейский*. С. 154.
- 194 *Б. Гладков*. С. 225.
- 195 Там же. С. 225 и 226.
- 196 *Н. Маккавейский*. С. 158.
- 197 Каменный помост.
- 198 *Б. Гладков*. С. 226 и 227.
- 199 *Н. Маккавейский*. С. 146 и 147.
- 200 *Б. Гладков*. С. 227.
- 201 Ф. Фаррар. Т. II. С. 309.
- 202 Навин.
- 203 Ф. Фаррар. Т. 2. С. 308.
- 204 Симон Киринаеянин.

205 *Meyer W.* Die Geschichte des Kreuzholzes von Christus. Munchen, 1881. S. 7. Автор приводит латинский текст саги.

206 *Lipsius.* De cruce.

207 *Greg. Nyss.* E. III. Serm in Baptis. Christi.

208 В переводе В. Алексеева. С. 306 и 307.

209 По-латыни крест.

210 *Herzog J. Y. und Plitt D.* Realencyklopadie fur protestantische Theologie und Kirche. Leipzig. Bd. 8. S. 55.

211 *Tertull.* Contra Marc. III, 22.

212 *Hieron* in Ierem. 31. *Ioh. Damasc.* De fide orthod. IV, 11.

213 *Lipsius.* De cruce, 1, 7. — Сгух decussata известен еще под именем Андреевского креста, так как, по преданию, на таком кресте был распят св. апостол Андрей Первозванный. Вместе с тем новейшие археологи склонны видеть в сгух decussata не орудие казни, а только символ, под которым прикровенно изображался крест или самое имя Христа (Христ. Чтение. 1868. № 11: «К истории изображений креста и распятия». С. 740. — Странник, 1890, авг.: «Иконография креста Христова». С. 472).

214 В Вульгате стоит: signa Tau super frontes virorum.

215 *Tertull.* adv. Marc. III, 22.

216 *Aringhi,* Roma subter., II, 387.

217 Весьма древнее изображение на одном стеклянном сосуде представляет христианина с сгух immissa † на челе. Та же форма креста находится на гробнице св. Домитиллы и еще на одном надгробном памятнике древнее IV в. (Хр. Чт. 1868. № 11. С. 744).

218 XXVII, 37.

219 *Н. Маккавейский*. С. 176—188.

220 *Иннокентий*. С. 332.

221 *J. Marquardt und Th. Mommsen*. Handbuch der römischen Alterthümer IV: Römische Staatsverwaltung von J. Marquardt, III, 2. Auflage (Leipzig, 1881), стр. 46, примеч. 4.

222 *Н. Маккавейский*. С. 164.

223 *I. Marquardt und Th. Mommsen* S. 243, n. 7.

224 *L. Fridländer*. Bd. I. S. 493.

225 *Иннокентий*. С. 351.

226 Там же. С. 390.

227 *Н. Маккавейский*. С. 224.

228 *Иннокентий*. С. 355 и 356.

229 *Б. Гладков*. С. 230 и 231.

230 *Иннокентий*. С. 357.

231 Молитвослов. СПб., 1903. С. 139.

232 См. выше примечание к имени Иосифа. Фаррар сходится с архиепископом Иннокентием: «Аримафея или Рама — местность, которую нельзя определить с достоверностью; это быть может Рама в колене Вениаминовом (*Матф.* II, 18), или Рамафаим в колене Ефремовом (*1 Царств.* I, 1), но наверно не Рамле в Дановом». Примеч. 610.

233 Полотном.

234 Иосиф.

235 *Б. Гладков*. С. 232, 233.

236 *Иннокентий*. С. 344.

237 Comment. ad. Matth, 27, 51.

238 *Иннокентий*. С. 369—371.

239 *Снесорова С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы. СПб., 1891. С. 102.

240 Там же. С. 104.

241 Молитвослов. С. 128.

242 Последование во Святую и Великую неделю Пасхи и во всю Светлую седмицу. М., 1907.

243 Женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи.

*Павловск,
19 ноября 1913*

Приложение

Князь Олег Константинович
СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

О, дай мне, Боже, вдохновенье,
Поэта пламенную кровь.
О, дай мне кротость и смиренность,
Восторги, песни и любовь.
О, дай мне смелый взгляд орлиный,
Свободных песен соловья,
О, дай полет мне лебединый,
Пророка вещие слова.
О, дай мне прежних мук забвенье
И тихий, грустный, зимний сон,
О, дай мне силу всепрощенья
И лиры струн печальный звон.
О, дай волнующую радость,
Любовь всем сердцем, всей душой...
Пошли мне ветреную младость,
Пошли мне в старости покой.

31 декабря 1908

* * *

Остатки грозной Византии,
Постройки древних христиан,
Где пали гордые витии,
Где мудрый жил Юстиниан --

Вы здесь, свидетели былого,
Стоите в грозной тишине
И точно хмуритесь сурово
На дряхлой греческой стене...
Воспряньте, греки и славяне!
Святыню вырвем у врагов,
И пусть царьградские христиане,
Разбив языческих богов,
Поднимут крест Святой Софии,
И слава древней Византии
Да устршит еретиков.

1910

* * *

Гроза прошла... Как воздух свеж и чист!
Под каплей дождевой склонился скромный лист,
Не шелохнет и дремлет упоенный,
В небесный дивный дар влюбленный.
Ручей скользит по камешкам кремнистым,
По свежим берегам, по рощицам тенистым...
Отраднo, в сырости пленительной ручья,
Мечтами унестиcь за трелью соловья...
Гроза прошла... а вместе с ней печаль,
И сладко на душе. Гляжу я смело вдаль,
И вновь зовет к себе отчизна дорогая,
Отчизна бедная, несчастная, святая.
Готов забыть я все: страданье, горе, слезы
И страсти гадкие, любовь и дружбу, грезы
И самого себя. Себя ли?.. Да, себя,
О, Русь, страдальца святая, для Тебя.

1911

* * *

Уж ночь надвинулась. Усадьба засыпает...
Мы все вокруг стола в столовой собрались,
Смыкаются глаза, но лень нам разойтись,
А сонный пес в углу старательно зевает.
В окно открытое повеяла из сада
Ночная, нежная к нам в комнату прохлада.
Колода новых карт лежит передо мною,
Шипит таинственно горячий самовар,
И вверх седой, прозрачною волною
Ползет и вьется теплый пар.
Баюкает меня рой милых впечатлений
И сон навеяла тень сонной старины,
И вспомнился мне пушкинский Евгений
В усадьбе Лариных средь той же тишины.
Такой же точно дом, такие же каморки,
Портреты на стенах, шкапы во всех углах,
Диваны, зеркала, фарфор, игрушки, горки
И мухи сонные на белых потолках.

Домниха, 1912—1913

Комментарии

СТИХОТВОРЕНИЯ

Большинство стихотворений К. Р. впервые было опубликовано в сборниках: Стихотворения (1879—1885). СПб., 1886; 1889; Новые стихотворения (1886—1888). СПб., 1889; Третий сборник стихотворений (1889—1899). СПб., 1900; Стихотворения (1900—1910). СПб., 1911. Печатаются по последнему прижизненному изданию: К. Р. Стихотворения. 1879—1912: [В 3 т.] СПб., 1913. Т. 1.

«Задремали волны...» (Стр. 31). — Первое стихотворение К. Р., написанное во время посещения Южного берега Крыма вместе с отцом, в. к. Константином Николаевичем, и сестрою, королевой Греции Ольгой Константиновной. Впоследствии он будет вспоминать Орианду как место, где родилась его поэзия (см. стих. «Орианда»).

«Озеро светлое, озеро чистое» (Стр. 32). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 3.

У озера (Стр. 33). — *Давыдов Михаил Денисович* (1864—1898), подпоручик Измайловского полка.

На Иматре (Стр. 33). — *Иматра* — водопад на р. Вуокса в Финляндии.

Орианда (Стр. 35). — *Я посетил родное пепелище...* — дворец в Орианде, родовом имении К. Р., сгорел. *Поэзии святого вдохновенья...* — Здесь было написано первое стихотворение К. Р. (см. стих. «Задремали волны...»).

Осташево (Стр. 36). — Ритмически это стихотворение, как и стихотворение «Орианда», близко по-

эме Н. А. Некрасова «Уныние». *Осташево* — родовое имение К. Р. Здесь был похоронен князь Олег Константинович.

В Крым (Стр. 38). — *Юсупова* Зинаида Николаевна (1861—?) — дочь Н. Б. Юсупова, гофмейстера, члена опекунского совета учреждений ведомства имп. Марии, впоследствии жена Ф. Ф. Сумарокова-Эльстена, генерал-лейтенанта, командира Кавалергардского полка и московского генерал-губернатора.

Из Крыма (Стр. 40). — *Мейендорф* Надежда Феофиловна — дочь Ф. Е. Мейендорфа, генерала-от-кавалерии, командира 1-го армейского корпуса.

Псалмопевец Давид (Стр. 41). — Впервые: Вестник Европы. 1882. № 8. Первое опубликованное стихотворение К. Р. Объединено одним библейским сюжетом со стихотворением «Царь Саул». *Саул* (XII в. до н. э.), первый израильский царь, был отвергнут Богом за непокорность и противление слову Божию. «...От Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа. И сказали слуги Сауловы ему: вот, злой дух от Бога возмущает тебя. Пусть господин наш прикажет слугам своим, которые пред тобою, поискать человека, искусного в игре на гуслях; и когда придет на тебя злой дух от Бога, то он, играя рукою своею, будет успокаивать тебя» (1 Цар. XVI, 14—16). Этим человеком стал *Давид*, израильский царь (конец XI — ок. 950 до н. э.), избранный Господом и помазанный на царство вместо отвергнутого Саула. Но сначала он сделался оруженосцем Саула и играл ему: «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, — и отраднее и лучше становилось Саулу и дух злой отступал от него» (1 Цар. XVI, 23). Давид — автор «Псалтири» (книги псалмов) — одной из книг Ветхого Завета.

Письмо (Стр. 43). — *Кеппен* Павел Егорович (1846—1911) — генерал-от-артиллерии, управляющий двором вел. кн. Александры Иосифовны, матери К. Р. Назначенный в 1879 г. адъютантом вел. кн. Константина Николаевича, он стал близким человеком в их семье, воспитателем К. Р. и его брата Вячеслава Константиновича. Кеппен был тесно связан с деятельностью учреждений, бывших в ведении и под покровительством Константина Николаевича и Александры Иосифовны, особенно — детских приютов и народных учебных заведений. *Мне скитаться еще надлежит...* — В 1880—82 гг. К. Р. был в плавании на фрегате «Герцог Эдинбургский».

А. Н. Майкову (Стр. 44). — Впервые: Русский вестник. 1887. № 3. Там же опубликован стихотворный ответ Майкова («Зачем смущать меня под старость...»). *Майков* Аполлон Николаевич (1821—1897) — известный поэт; К. Р. считал его одним из своих учителей (наряду с А. А. Фетом и Я. П. Полонским; см. стих., обращенные к ним). Сохранилась обширная переписка Майкова с К. Р. 30 апреля состоялась торжества по случаю 50-летия литературной деятельности Майкова.

А. А. Фету (Стр. 46). — *Фет* Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — крупнейший русский поэт, один из наиболее последовательных поборников «чистого искусства». Сохранилась его обширная переписка с К. Р. По воле Фета К. Р. (вместе с Н. Н. Страховым) был редактором посмертного издания его стихотворений (Фет А. А. Лирические стихотворения: В 2 т. СПб., 1894).

Я. П. Полонскому (Стр. 48). — *Полонский* Яков Петрович (1819—1898) — один из крупнейших русских поэтов XIX в. Сохранилась его переписка с К. Р.

И. А. Гончарову (Стр. 48). — Гончаров Иван Александрович (1812—1891) был постоянным «литературным советчиком» К. Р. Сохранилась их большая переписка. *Его ты кротко поучал...* — В письмах Гончарова содержится множество замечаний на стих. К. Р. и рассуждений об искусстве. «Это приятная, но иногда и щекотливая роль по отношению к авторскому самолюбию...» — писал Гончаров А. А. Фету (Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 403).

Жениху (Стр. 49). — Вел. кн. Павел Александрович (1860—1918) — младший сын Александра II; в 1889 г. он женился на греческой королевне Александре Георгиевне.

А. Г. Рубинштейну (Стр. 50). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 12. *Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894) — выдающийся пианист, композитор и дирижер. Начал свою концертную деятельность как пианист в десятилетнем возрасте.

Графу П. Д. Бутурлину (Стр. 51). — *Бутурлин* Петр Дмитриевич (1859—1895) — поэт, стремившийся культивировать на русской почве форму сонета. «*Двадцать сонетов*» — сборник Бутурлина, вышедший в Киеве в 1891 г. *Лаура* — возлюбленная Петрарки, написавшего в ее честь 318 стихотворений. *Петрарка* Франческо (1304—1374) — итальянский поэт, создатель классической итальянской формы сонета.

Серенада (Стр. 52). — Впервые: Русский вестник. 1882. № 4.

«Уж гасли в комнатах огни...» (Стр. 55). — Стихотворение ритмически и отчасти своей темой напоминает стих. А. К. Толстого «То было раннею весной...» (1871).

«Взошла луна... Полуночь просияла...» (Стр. 56). — Елисавета-Августа-Мария-Агнесса, гер-

цогиня Саксонская, принцесса Саксен-Альтенбургская (1865—1927) — двоюродная племянница матери К. Р.; в конце 1883 г. К. Р. был с нею помолвлен.

«О, не дивись, мой друг, когда так строго...» (Стр. 58). — 14 апреля 1884 г. К. Р. обвенчался с принцессой Елисаветой Саксен-Альтенбургской, которая стала великой княгиней Елизаветой Маврикиевной (отчество ее — русский «вариант» имени ее отца — Саксонского герцога Морица).

Розы (Стр. 63). — Состязания «Измайловских Досугов» — вечера в Измайловском полку, организованные К. Р. Как сказано в его стихотворении «Измайловский Досуг» (1885), они были созданы «во имя доблести, добра и красоты» и в надежде, что

И меч наш с лирою неопытной и юной
Да оплетут нежней художества цветы.

В «Измайловских Досугах» принимали участие и известные поэты. Стихотворения К. Р., созданные к этим «состязаниям», в большинстве своем написаны «на темы» произведений других поэтов (Пушкина, Майкова и др.). «Как хороши, как свежи были розы...» — одно из самых известных «стихотворений в прозе» И. С. Тургенева (1879), написанное на «мотив» стихотворения И. П. Мятлева «Розы» (1835). В стихотворении К. Р. есть отзвук стихотворения А. А. Фета «Кому венец: богине ль красоты...» (1865).

Колыбельная песенка (Стр. 65). — Князь Иоанн Константинович (1886—1918) — первый сын К. Р.; родился 23 июня 1886 г.

Поэту (Стр. 69). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 1. «Измайловские Досуги» — см. коммент. к стих. «Розы». Мы рождены для вдохновенья... — цитата из стих. А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1829).

В дождь (Стр. 71). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 3; без посвящения. Вел. Кн. *Сергей Александрович* (1857—1905) — четвертый сын Александра II. С 1887 г. — командир лейб-гвардии Преображенского полка; К. Р. сменил его в этой должности в 1891 г.

«О, не гляди мне в глаза так пытливо...» (Стр. 71). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 3.

«Говорят мне: „Собою владеть ты умей...“» (Стр. 72). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 3; без посвящения. *Петр Александрович Ольденбургский* (1850—?), принц, сын Евгении Максимилиановны Ольденбургской (см. посвященное ей стихотворение), был женат (с 1901 г.) на великой княжне Ольге Александровне, дочери Александра III.

«Уж скоро стает снег, и понесутся льдины...» (Стр. 77). — Об «Измайловских Досугах» см. коммент. к стих. «Розы». *Кошница* — корзина.

«Прошла зима! Не видно снега...» (Стр. 79). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 3.

«На балконе, цветущей весною...» (Стр. 86). — *Императрица Мария Федоровна* (1847—1928) — жена Александра III.

Летом (Стр. 88). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 3.

«Я нарву вам цветов к именинам...» (Стр. 89). — *Философова Софья Алексеевна*, дочь А. А. Философова, заведующего двором вел. кн. Павла Александровича (см. стих. «Жениху»).

После грозы (Стр. 90). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 3; без названия.

Зимой (Стр. 101) — Впервые: *Нива*. 1910. № 1.

Венеция (Стр. 106). — Впервые: *Вестник Европы*. 1882. № 9; под названием «В Венеции». *Пьяццетта* — площадь. *Лидо* — один из островов, отделяющих Венецианскую лагуну от Венецианского залива. *Мост*

вздохов находился в здании государственной тюрьмы (так наз. «свинцовые кровли»). *Совет Десяти* — высший в Венецианской республике суд (с 1310 г.), состоявший из 10 государственных инквизиторов; *Совет Трех* — государственные инквизиторы, назначенные для суда над политическими преступниками. *Крылатый лев св. Марка* — на соборе св. Марка — одной из главных достопримечательностей Венеции. *Палаццо дожей* — дворец, построенный в 1350—1442 гг., в котором короновались венецианские дожи.

Колокола (Стр. 111). — Впервые: Русский вестник. 1889. № 3.

«Я на тебя гляжу, любясь ежечасно...» (Стр. 113). — Вел. кн. *Елисавета Федоровна* (1864—1916) — жена вел. кн. Сергея Александровича (см. стих. «В дождь»).

«Давно ли, кажется, больной, нетерпеливый...» (Стр. 113). — *Королева Эллинов Ольга Константиновна* (1851—1926) — сестра К. Р., жена короля Греции Георга I.

«Когда, провидя близкую разлуку...» (Стр. 116). — Стихотворение написано в день Рождества Христова.

«Твоей любясь красотой...» (Стр. 117). — Вел. кн. *Анастасия Михайловна* (1860—1922), дочь вел. кн. Михаила Николаевича и двоюродная сестра К. Р., была супругой великого герцога Макленбург-Шверинского Фридриха-Франца.

«Ты в жизни скорби и мучений...» (Стр. 118). — Вел. кн. *Вера Константиновна* (1854—1912), сестра К. Р., была замужем за его высочеством Вильгельмом-Евгением Виртембергским, который умер в 1877 г.

«Мне бессильным не выразить словом...» (Стр. 119). — Принцесса *Евгения Максими-*

лиановна (1845—?) — дочь вел. кн. Марии Николаевны и двоюродная сестра К. Р., попечительница Комитета о сестрах Красного Креста, общины св. Евгении и Максимилиановской лечебницы, председательница имп. общества поощрения художеств и президент Минералогического общества.

Севастиан-Мученик (Стр. 120). — Впервые: *Русский вестник*. 1888. № 5. *Севастиан* (ок. 250—288) — христианский великомученик. Исповедуя тайно христианство, вступил в армию, чтобы быть полезным своим братьям по духу и обращать в христианство язычников. Диоклетиан сделал его командиром преторианцев. Когда тайна открылась, Севастиан был подвергнут мукам, от которых умер. Поэма К. Р. — вольный пересказ жития св. Мученика Севастиана. Картина с изображением святого висела в покоях Мраморного дворца. *Ольга Константиновна* — см. коммент. к стих. «Давно ли, кажется, больной, нетерпеливый...». *Форум* — место, куда стекается множество народа; римский форум находился между Капитолийским и Палатинским холмами. *Венера* — в цезарианском Риме богиня красоты и супружеской любви; почиталась как прародительница римского народа. К. Р., скорее всего, имеет в виду храм Венеры Родительницы. *Фидий* (нач. V в. до н. э. — 432—431 до н. э.) — прославленный древнегреческий скульптор. *Олимпийская жена* — Венера. *Максимилиан* Марк Аврелий Валерий (240—310) — римский император; в 285 г. Диоклетиан провозгласил его цезарем, а в 286 г. — августом, своим соправителем; в 305 г. оба отреклись от престола, но в 307 г. Максимилиан снова объявил себя августом. *Трибун* — в древнем Риме высшее должностное лицо (см. прим. К. Р. к драме «Царь Иудейский»). *Ликтор* — одна из низших должностей в древнем Риме; в I—II вв. ликторы испол-

няли охранные и парадные функции при преторах, консулах, императорах. *Палатинские сады*. — Палатин — древнейшая часть Рима; здесь расположены сады Фарнезе; при империи он был собственностью императорского дома. *Нумидийская цезарева стража*. — Нумидия — древнее государство в северной Африке (на месте нынешнего Алжира), жители которой славились своей храбростью и искусством ездить верхом. В 46 г. была покорена Цезарем и сделалась римской провинцией. *Морфей* — бог сна в греч. мифологии. *Адонис* — согласно греч. мифологии, спутник и возлюбленный Венеры, убитый Артемидой, наставшей на юношу вепря, и оплакиваемый Венерой, которая превратила его в цветок. Сад Адониса — символ мимолетности жизни. *Колизей* — амфитеатр, построенный в 80 г. при Веспасиане и Тите. В нем бились гладиаторы и подвергались звериной травле христиане. *Храм Капитолийский* — храм Юпитера на Капитолийском холме, в котором хранились книги Сивиллы, заключающие в себе прорицание о судьбе Рима, и римская казна. *Тибр* — река, на которой расположен Рим. *Тарпейская скала* — южная вершина Капитолийского холма, с которой сбрасывали преступников и изменников. *Медиолан* — Милан. *Галилея* — провинция на севере древней Палестины; в ней родился Христос. *Пилат* и *фарисеи* — см. в прим. К. Р. к драме «Царь Иудейский». *Легион* — самое крупное подразделение римского войска. *Франки* — германские племена, в V в. завоевавшие Галлию. *Константин Великий* (между 274-280 — 337) — римский император. Соединил под своей властью всю Римскую империю, основал Константинополь и перенес туда столицу империи (330 г.). Миланским эдиктом (313 г.) допустил свободное исповедание христианства и перед смертью всенародно принял христианскую веру. *Центурион*,

центурии, когорта — см. в примеч. К. Р. к драме «Царь Иудейский». *Галлия* — страна, территория которой охватывала нынешние Францию, Бельгию и часть Италии. Была покорена Римом в 225—218 гг. (итальянская часть) и в 58—51 гг. (французская часть). *Преторианцы* — отборная когорта, служившая стражей римскому главнокомандующему, а затем — императору. *Даки* — предки румын, воинственные племена, покоренные Траяном (101—107). *Сарматы* — кочевые и скотоводческие племена, жившие на обширной территории от Вислы до Дона и от Карпатских гор до Балтийского моря. *Скифы* — кочевые народы, населявшие степные равнины близ Аральского и Каспийского морей; скифы и сарматы славились как ловкие наездники и меткие стрелки из лука. *Цевница* — старинный музыкальный инструмент, род флейты. *Кимвалы* — тарелки (музыкальный инструмент). *Виссон* — дорогая материя темно-красного или пурпурного цвета. *Кифара* — древний греческий музыкальный инструмент, род лиры. *Фиал* — у древних греков плоская и низкая чаша без ручки и подставки. *Зевс* (у греков) или *Юпитер* (у римлян) — царь и отец всех богов и людей.

«Здесь, в тишине задумчивого сада...» (Стр. 148). — *Калифы* — правители арабских государств, основанных Магомедом; они считали себя его преемниками и заместителями пророка. *Шахерезада*. — Сказки Шахерезады («Тысяча и одна ночь»), жены персидского царя Шахрияра, которые она рассказывает ему, чтобы отдалить казнь, постигшую всех его жен.

Умер (Стр. 160). — Это стихотворение имело свои конкретные последствия: правила погребения солдат были изменены.

Кадету (Стр. 177). — Впервые: Верность. 1910. № 44. *Кадеты* — воспитанники кадетских корпу-

сов — военных учебных заведений, главным образом, для дворянских детей.

Юнкеру (Стр. 177). — *Юнкер* — в русской армии (с 1864 г.) воспитанник военного училища.

Царь Иудейский (Стр. 181). — Печ. по кн.: К. Р. Царь Иудейский: Драма в 4 действиях и 5 картинах. СПб., 1914. Эта книга представляет собою роскошное издание, выпущенное по случаю постановки драмы в Эрмитажном театре 9 января 1914 г. Постановщик спектакля — Н. Н. Арбатов. В нем были заняты в основном участники «Измайловских Досугов». Сам К. Р. сыграл роль Иосифа Аримафейского, молодой князь Константин Константинович — префекта когорты, а князь Игорь Константинович — Руфа. Статистами были нижние чины Измайловского полка, женские роли исполнены артистками императорских театров, театра А. С. Суворина, ученицами Н. Н. Арбатова и театрального училища. Музыка к спектаклю написал А. К. Глазунов, танцы поставил М. М. Фокин, а хоровые партии были исполнены хором князя Иоанна Константиновича. Художественной частью постановки заведовал художник Музыкальной драмы П. К. Степанов; декорации были выполнены по макетам Н. Н. Арбатова. Все эти материалы: фотографии главных участников спектакля, декорации, костюмы, ноты, цветные рисунки сцен и цветные портреты, сделанные по фотографиям, и т. д. — полностью воспроизведены в этой книге.

Известно, что сюжет «Царя Иудейского» подсказал К. Р. Петр Ильич Чайковский. Его основу составляет евангельский текст и церковные предания; источники, на которые опирается при этом К. Р., указаны им в примечаниях; в них автор отмечает также все случаи, когда он от исторически достоверных фактов отступает, дополняя свой сюжет вымыслом. Для состав-

ления примечаний к драме К. Р. пользовался консультациями А. Ф. Кони, Ф. А. Корша, А. А. Шахматова, А. А. Белопольского, М. И. Ростовцева, Б. В. Никольского и др.

«Царь Иудейский» посвящен *П. Е. Кеппену*. См. о нем справку в коммент. к стих. «Письмо».

Приложение. Князь Олег Константинович

Князь Олег Константинович родился 15 ноября 1892 г. Он был четвертым сыном великого князя Константина Константиновича, и хотя уже не получил великокняжеского достоинства, принадлежал к князьям царской крови, и этим была определена его будущая жизнь. Но в ней не все было обычно для члена царского дома. В 1910 г. он окончил Александровский кадетский корпус и поступил «с Высочайшего соизволения» в Александровский лицей. Это соизволение было необходимо, т. к. никогда еще князья царской крови не получали светского образования. Олег Константинович закончил лицей в 1913 г. с серебряной медалью, а его выпускное сочинение «Стефан Прокопович, как юрист» было удостоено Пушкинской медали. Способность к наукам не была единственной способностью Олега Константиновича. Он серьезно увлекался музыкой, рисованием, выступал в спектаклях. Во время учебы в лицее он задумал издать все рукописи Пушкина, хранившиеся в музее Александровского лицея и в Румянцевском музее. (Первый выпуск «Рукописей Пушкина» вышел в 1912 г.) Но главным занятием своей жизни Олег Константинович считал литературу: он мечтал стать писателем, и первые его литературные опыты (отчасти они были опубликованы после его смерти) показывают, что желания были небезоснова-

тельными. Конечно, и стихотворные, и прозаические опыты князя Олега Константиновича носят еще явно ученический характер, а его стихотворения напоминают лирику К. Р., но они обнаруживают в нем несомненные творческие способности.

Этим способностям не суждено было развиваться. По окончании лицея Олег Константинович был зачислен в лейб-гвардии Гусарский полк, и уже через год принял участие в военных действиях. 20 июля 1914 г. Германия объявила войну России, а 25 июля полк, в котором служил Олег Константинович, воевал в Восточной Пруссии. На войну ушли все пятеро сыновей Константина Константиновича. «Мне это страшно нравится, — писал тогда князь Олег, — так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне» (цит. по: Лось М. П. Князь Олег Константинович (1892—1914). Звенигородка, 1917. С. 32). В этом «Константиновичи» — гордость за семью, за отца и деда. Не случайно Олег Константинович хотел написать книгу о Константине Николаевиче.

27 сентября Олег Константинович был ранен и 29 сентября скончался от заражения крови. К. Р. очень любил своих детей. «Твой папа», — эта лаконичная и трогательная надпись на портрете, публикуемом в этой книге, — ясное свидетельство тому. Олег Константинович был ему ближе всех — он наследовал поэзии отца.

Стихотворения Олега Константиновича печатаются по единственной их публикации: Нива. 1915. № 40.

«Остатки грозной Византии...» (Стр. 480). — В этом стихотворении отразились впечатления Олега Константиновича от посещения Константинополя в 1910 г. Основанный Константином Великим (см. о нем

коммент. к поэме К. Р. «Севастиан-Мученик»), Константинополь (в средневековых русских текстах — Царьград), столица Византийской империи, был взят турками в 1453 г. и стал столицей Османской империи. *Юстиниан I* (ок. 482 или 483—565) — византийский император, с именем которого связано укрепление могущества империи и составление свода законов (кодекс Юстиниана), оказавшего огромное влияние на европейское право. *Святая София* — храм, построенный Юстинианом и превращенный турками в мечеть Айя-София.

«Уж ночь надвинулась. Усадьба засыпает...» (Стр. 482). — *Домница* — имение воспитателя Олега Константиновича Н. Н. Ермолинского, где князь часто бывал.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- А. Г. Рубинштейну 50
А. Н. Майкову (I—II) 44, 45
А. А. Фету (I—II) 46, 47
«Ах, эта ночь так дивно хороша!..» 145
- «Багряный клен, лиловый вяз...» 99
Баркарола (Венеция. II) 106
«Блаженны мы, когда идем...» 75
Будда 152
«Бывают светлые мгновения...» 74
- В** горах Гастейна 111
В дежурной палатке (I—IV) 163—166
В дождь 71
В Крым (Элегии. III) 38
Венеция (I—V) 106—110
«Вернулся Май! Уж журавли...» 81
Весной 80
«Взошла луна... Полуночь просияла...» 56
«Вот и опять под этой же палаткой...»
(В дежурной палатке. III) 165
Времена года. Сонет 104
«Вчера мы ландышей нарвали...» 87
«Вчера соловьи голосистые...» 85

«Гаснет день. Я сижу под палаткою...»

(В дежурной палатке. I) 163

«Говорят мне: «Собою владеть ты умей...» 72

Графу П. Д. Бутурлину 51

«Давно ли, кажется, больной, нетерпеливый...» 113

Ели 95

«Есть помыслы, желанья и стремленья...»

(А. А. Фету. II) 47

«Еще и Марта нет, а снег...» 79

Жениху 49

«За день труда, о, ночь, ты мне награда...»

(Сонеты к Ночи. II) 148

«Задремали волны...» 31

«Зарумянились клен и рябина...» 98

«Затишье на́ море... За бурюю строптивой...» 32

«Здесь, в тишине задумчивого сада...»

(Сонеты к Ночи. III) 148

«Земля пробудилась от долгого сна...» 77

Зимой 101

И. А. Гончарову 48

Из Крыма (Элегии. IV) 40

Из лагерных заметок 157

Измайловский Досуг 156

«Измученный в жизни тревоги и зол...» 114

К концу зимы 102

К осени 100

- Кадету (Солдатские сонеты. VI) 177
«Как жаль, что розы отцветают!...» 91
«Как пленительно-тихо в отцветших полях!...» 97
«Как хорошо бывало летом...» 93
«Какой восторг! Какая тишина!...»
(Сонеты к Ночи. VII) 151
«Когда креста нести нет мочи...» 73
«Когда меня волной холодной...» 67
«Когда, провидя близкую разлуку...» 116
«Когда с зарей над сонною землею...» 116
Колокола 111
Колыбельная песенка 65
«Красу земли сгубил жестокий...» 96
- Ландыши 87
Летом 88
«Люблю, о, ночь, я погружаться взором...»
(Сонеты к Ночи. IV) 149
- «Меня бранят, когда жалею...» 68
«Мне бессильным не выразить словом...» 119
«Мне снилось, что солнце всходило...» 61
Молитва 61
Мост вздохов (Венеция. III) 108
- «На балконе, цветущей весною...» 86
На 25-летие Измайловского Досуга 172
На Иматре (I—II) 33, 34
«Над пенистой, бурной пучиной...» (На Иматре. II) 34
Надпись к картине (Венеция. I) 106
На Страстной Неделе 66
«Не много дней осталось цвести...» 94
«Нет! Мне не верится, что мы воспомяненья...» 60
«Нет, не туда, о, ночь, в плененном созерцанье...»
(Сонеты к Ночи. V) 150

- «Ни звезд, ни луны. Небеса в облаках...» 145
 Новобранцу (Солдатские сонеты. I) 173
 «Ночь. Небеса не усеяны звездами...» 146
- «О, если б совесть уберечь...» 75
 «О, как люблю я этот сад тенистый...» 73
 «О, лунная ночная красота...» (Сонеты к Ночи. VIII) 152
 «О, не гляди мне в глаза так пытливо...» 71
 «О, не дивись, мой друг, когда так строго...» 58
 «Озеро светлое, озеро чистое...» 32
 «Она плывет неслышно над землю...»
 (Сонеты к Ночи. VI) 150
 «Опять твое раздалось пенье...» (А. Н. Майкову. I) 44
 «Опять томит очарованьем...» 83
 Орианда (Элегии. I) 35
 Осташево (Элегии. II) 36
 «Отважно пройдена дорога...» (А. А. Фету. I) 46
 Отдохни 54
 «Отцветает сирень у меня под окном...» 84
- Письмо** 43
 «Повеяло черемухой...» 83
 «Поймете ль вы те чудные мгновения...» 53
 Полк (Солдатские сонеты. IV) 175
 «Помнишь, порою ночью...» (Венечия. V) 109
 Порт-артурцам (Солдатские сонеты. V) 176
 После грозы 90
 «Последней стаи журавлей...» 99
 Поэту («Пусть гордый ум вещает миру...») 69
 Поэту («Служа поэзии святой...») 70
 Пред увольнением (Солдатские сонеты. III) 174
 «Пронеслись мимолетные грезы!..» 93
 «Прошла зима! Не видно снега...» 79
 Псалмопевец Давид 41

- Разлука 57
«Распустилась черемуха в нашем саду...» 82
«Растворил я окно, — стало грустно невмочь...» 110
«Ревет и клокочет стремнина седая...»
(На Иматре. I) 33
Розы 63
- «Садик запущенный, садик заглохший...» 62
Севастиан-Мученик 120
Серенада 52
Сирень 84
«Скользила гондола моя над волной...»
(Венеция. IV) 109
«Смеркалось; мы в саду сидели...» 92
Снег 103
«Снова дежурю я в этой палатке...»
(В дежурной палатке. II) 164
Солдатские сонеты (I—VII) 173—178
Сонеты к ночи (I—VIII) 147—152
- «Твоей любуюсь красотой...» 117
«Твоя восторженная лира...» (А. Н. Майкову. II) 45
«Тихая, теплая ночь. — Позабудь...» 146
«Ты в жизни скорби и мучений...» 118
«Ты снова со мною, о, муза моя...»
(В дежурной палатке. IV) 165
- У озера 33
Уволен 166
«Уж гасли в комнатах огни...» 55
«Уж скоро стает снег, и понесутся льдины...» 77
«Улыбка радостная Мая...» 82
«Улыбкою утра пригретые снова...» 95
Умер 160
«Умолкли рыдания бури кипучей...» 31

Царь Саул 42

Часовому (Солдатские сонеты. II) 173

«Что́ за краса в но́чи благоуханной...»

(Сонеты к Ночи. I) 147

«Что тебе на прощанье скажу я...» 115

Элегии (I—IV) 35—40

Юнкеру (Солдатские сонеты. VII) 177

«Я баловень судьбы... Уж с колыбели...» 54

«Я засыпаю... Уж слабея и бледнея...» 58

«Я нарву вам цветов к именинам...» 89

«Я на тебя гляжу, любясь ежечасно...» 113

«Я не могу писать стихов...» 59

Я. П. Полонскому 48

СОДЕРЖАНИЕ

А. Б. Муратов.

Великий князь Константин Константинович 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из цикла У БЕРЕГОВ

«Задремали волны...» 31

«Умолкли рыдания бури кипучей...» 31

«Затишье на́ море... За бурюю строптивой...» 32

«Озеро светлое, озеро чистое...» 32

У озера 33

На Иматре 33

    I. «Ревет и клокочет стремнина седая...» 33

    II. «Над пенистой, бурной пучиной...» 34

Элегии

    I. Орианда 35

    II. Осташево 36

    III. В Крым 38

    IV. Из Крыма 40

Из цикла БИБЛЕЙСКИЕ ПЕСНИ

Псалмопевец Давид 41

Царь Саул 42

*Из цикла ПОСЛАНИЯ И СТИХОТВОРЕНИЯ
НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ*

Письмо	43
А. Н. Майкову	44
I. В ответ на его письмо с новыми стихотворениями	44
II. На 50-летие его писательской деятельности . .	45
А. А. Фету	46
I. «Отважно пройдена дорога...»	46
II. На 50-летие его писательской деятельности . .	47
Я. П. Полонскому	48
И. А. Гончарову	48
Жениху	49
А. Г. Рубинштейну	50
Графу П. Д. Бутурлину	51

Из цикла МЕЧТЫ И ДУМЫ

Серенада	52
«Поймете ль вы те чудные мгновения...»	53
Отдохни	54
«Я баловень судьбы... Уж с колыбели...»	54
«Уж гасли в комнатах огни...»	55
«Взошла луна... Полночь просияла...»	56
Разлука	57
«Я засыпаю... Уж слабея и бледнея...»	58
«О, не дивись, мой друг, когда так строго...»	58
«Я не могу писать стихов...»	59
«Нет! Мне не верится, что мы воспоминанья...»	60
«Мне снилось, что солнце всходило...»	61
Молитва	61
«Садик запущенный, садик заглохший...»	62
Розы	63

Колыбельная песенка	65
На Страстной Неделе	66
«Когда меня волной холодной...»	67
«Меня бранят, когда жалею...»	68
Поэту («Пусть гордый ум вешает миру...»)	69
Поэту («Служа поэзии святой...»)	70
В дождь	71
«О, не гляди мне в глаза так пыливо...»	71
«Говорят мне: «Собою владеть ты умей...»	72
«О, как люблю я этот сад тенистый...»	73
«Когда креста нести нет мочи...»	73
«Бывают светлые мгновенья...»	74
«Блаженны мы, когда идем...»	75
«О, если б совесть уберечь...»	75

ВРЕМЕНА ГОДА

«Земля пробудилась от долгого сна...»	77
«Уж скоро стает снег, и пронесутся льдины...»	77
«Еще и Марта нег, а снег...»	79
«Прошла зима! Не видно снега...»	79
Весной	80
«Вернулся Май! Уж журавли...»	81
«Улыбка радостная Мая...»	82
«Распустилась черемуха в нашем саду...»	82
«Повеяло черемухой...»	83
«Опять томит очарованьем...»	83
Сирень	84
«Отцветает сирень у меня под окном...»	84
«Вчера соловьи голосистые...»	85
«На балконе, цветущей весною...»	86
«Вчера мы ландышей нарвали...»	87
Ландыши	87

Летом	88
«Я нарву вам цветов к именинам...»	89
После грозы	90
«Как жаль, что розы отцветают!...»	91
«Смеркалось; мы в саду сидели...»	92
«Как хорошо бывало летом...»	93
«Пронеслись мимолетные грезы!...»	93
«Не много дней осталось цвести...»	94
«Улыбкою утра пригретые снова...»	95
Ели	95
«Красу земли сгубил жестокий...»	96
«Как пленительно-тихо в отцветших полях!...»	97
«Зарумянились клен и рябина...»	98
«Багряный клен, лиловый вяз...»	99
«Последней стаи журавлей...»	99
К осени	100
Зимой	101
К концу зимы	102
Снег	103
Времена года. Сонет	104

Из цикла НА ЧУЖБИНЕ

Венеция

I. Надпись на картине	106
II. Баркарола	106
III. Мост вздохов	108
IV. «Скользила гондола моя над волной...»	109
V. «Помнишь, порою ночью...»	109
«Растворил я окно, — стало грустно невмочь...»	110
Колокола	111
В горах Гастейна	111

Из цикла В АЛЬБОМ

«Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно...»	113
«Давно ли, кажется, больной, нетерпеливый...»	113
«Измученный в жизни тревоги и зол...»	114
«Что тебе на прощанье скажу я...»	115
«Когда, провидя близкую разлуку...»	116
«Когда с зарей над сонною землею...»	116
«Твоей любуюсь красотой...»	117
«Ты в жизни скорби и мучений...»	118
«Мне бессильным не выразить словом...»	119
СЕВАСТИАН-МУЧЕНИК	120

Из цикла НОЧИ

«Ни звезд, ни луны. Небеса в облаках...»	145
«Ах, эта ночь так дивно хороша!..»	145
«Ночь. Небеса не усеяны звездами...»	146
«Тихая, теплая ночь. — Позабудь...»	146
Сонеты к ночи	
I. «Что за краса в ночи благоуханной...»	147
II. «За день труда, о, ночь, ты мне награда...»	148
III. «Здесь, в тишине задумчивого сада...»	148
IV. «Люблю, о, ночь, я погружаться взором...»	149
V. «Нет, не туда, о, ночь, в плененном созер- цанье...»	150
VI. «Она плывет неслышно над землею...»	150
VII. «Какой восторг! Какая тишина!..»	151
VIII. «О, лунная ночная красота...»	152
Будда	152

Из цикла В СТРОЮ

Измайловский Досуг	156
Из лагерных заметок	157

Умер	160
В дежурной палатке	
I. «Гаснет день. Я сижу под палаткою...»	163
II. «Снова дежурю я в этой палатке...»	164
III. «Вот и опять под этой же палаткой...»	165
IV. «Ты снова со мною, о, муза моя...»	165
Уволен	166
На 25-летие Измайловского Досуга	172
Солдатские сонеты	
I. Новобранцу	173
II. Часовому	173
III. Пред увольнением	174
IV. Полк	175
V. Порт-артурцам	176
VI. Кадету	177
VII. Юнкеру	177
ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ. Драма в 4-х действиях	181
Примечания	339
ПРИЛОЖЕНИЕ. <i>Князь Олег Константинович</i>	
«О, дай мне, Боже, вдохновенье...»	480
«Остатки грозной Византии...»	480
«Гроза прошла... Как воздух свеж и чист!...»	481
«Уж ночь надвинулась. Усадьба засыпает...»	482
КОММЕНТАРИИ	485
Алфавитный указатель	499

Литературно-художественное издание

К. Р.

(Константин Константинович Романов)

ВРЕМЕНА ГОДА

Зав. редакцией

Олег Седов

Ответственный редактор

Алексей Балакин

Художественный редактор

Любовь Грудинская

Технический редактор

Татьяна Харитонова

Верстка

Елены Черновой

Корректоры

Ульяна Емельянова,

Виктория Листова,

Анна Быстрова

Подписано в печать с оригинала-макета 10.03.94.

Формат издания 70×100¹/₃₂. Гарнитура обыкновенная новая.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,64. Тираж 25 000 экз.

Изд. № 334. Заказ № 684.

Издательство «Северо-Запад»

191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор».

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Издательство «Северо-Запад»
продолжает новую серию
«БИБЛИОТЕКА РУССКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»,
входящую в обширную программу
«1000 ЛЕТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»,
цель которой — представить
самому широкому кругу читателей
отечественную словесность
от ее истоков до наших дней.

В 1993 ГОДУ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- А. А. Тарковский. *Благословенный свет.*
Избранные стихотворения.
- Н. А. Заболоцкий. *Столбцы.*
Столбцы, стихотворения, поэмы.
- В. Я. Брюсов. *Огненный ангел.*
Роман, повести, рассказы.

В 1994 ГОДУ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- М. Кузмин. *Подземные ручьи.*
Избранная проза.
- М. Кузмин. *Арена.*
Избранные стихотворения.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Вл. Соловьев. *Миг вечности.*
Избранные стихотворения.
- А. А. Блок. *Стихотворения в 3-х книгах.*
- Н. С. Лесков. *Русские демономаны.*
Повести и рассказы.

